

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

**ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
IR SCIENTISTS' HERALD**

№3, 2023 (25)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

<p>Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации</p>

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и молодежной политике, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней

политики России Московского государственного лингвистического университета (Московский ИнЯз им. Мориса Тореза)

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, советник ректора Дипломатической академии МИД России

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglobov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of Russia

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Advisor to the Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector for Education and Youth Policy, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

<p>Evgeniy Bazhanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation</p>
--

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Vice Chair of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Lidiya Grishaeva Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Deputy Head of International and National Security Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник ученых-международников» издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер ISSN: 2687-0193

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, д. полит.н., к.эк.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Л.Н. Сидорова – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н, редактор журнала *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

А.С. Исхаков – младший редактор

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (предыдущее название: «Вестник молодых ученых-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Doctor of Political Science

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

L.N. Sidorova – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

A.S. Iskhakov – Junior Editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **ELN[№]FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Яковенко А.В., Ярышев С.Н., Мартиросян А.Ж., Степовая Д.А.* 13
Правовое регулирование безопасности данных в Китае: актуальные законодательные инициативы
- Козюлин В.Б.* Международное гуманитарное право в контексте СВО 24
- Смирных С.Е.* Международно-правовой статус детей и молодежи в замечаниях общего порядка договорных органов по правам человека 41

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Летяев В.А., Низамова М.А.* Япония на пути к «ведущему в мире динамичному киберпространству» 50
- Шангараев Р.Н., Тимакова О.А.* Мультикультурализм в политическом процессе Европейского союза: от кросс-культурного конфликта к межконфессиональному взаимопроникновению 69
- Борисов А.В.* Содействие международному развитию во внешнеполитической практике: проблема институционализации 83
- Шангараев Р.Н.* Когнитивная война как современная форма межгосударственного противоборства 103
- Нарбут К.А.* Отношения России со странами Латинской Америки в условиях меняющегося миропорядка 111
- Валиев А.А.* Особенности распространения радикальной идеологии в Центральной Азии 120

- Итиуридзе Л.А.* Некоторые аспекты продовольственной безопасности 129

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Алькин К.А., Гибадулин Т.Р., Кадочников А.Н.* 137
О ленд-лизе на Украину и перспективе его влияния на украинскую «военную» экономику
- Говорова Ю.Ю.* Экономическая политика США в Арктике на современном этапе 156
- Вершинина Т.В.* Особенности развития современной российской национальной платежной системы 166

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Добровольский Л.В., Ногмова А.Ш.* Военно-промышленная политика Российской Империи 173
- Агуреев С.А., Болтаевский А.А., Шангараев Р.Н.* 208
Из истории немецкой колонии Вельзеров в Венесуэле

**I МЕЖДУНАРОДНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

- Булева В.И.** Дипломатия в области международной информационной безопасности: перспективы «Кибергенассамблеи» ООН **216**
- Крайнов С.К., Кашин Е.А.** Применение технологий информационных войн в 2020 году в Болгарии **230**
- Зогранян Е.В.** Угрозы и вызовы, связанные с использованием искусственного интеллекта в качестве инструмента политического воздействия **240**
- Карасев П.А.** Искусственный интеллект как фактор деградации стратегической стабильности **249**
- Третьяков А.Д.** Международная политика США в области использования искусственного интеллекта в военной сфере **256**
- Крылов Н.М.** Специфика информационного противоборства вокруг государственного переворота на Украине 2013–2014 гг. в контексте международных процессов **270**

Трибуна молодых ученых

- Антипов И.В.** Актуальные проблемы в международно-правовом сотрудничестве в области энергетики **281**
- Борисенко С.А.** Новый виток эскалации напряженности в греко-турецких отношениях в 2022–2023 гг.: истоки и сущность **290**
- Рамеев О.Б.** Влияние Целей устойчивого развития на политику Японии **306**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ **319**

CONTENT

INTERNATIONAL LAW

- Alexander V. Yakovenko, Sergey N. Yaryshev, Arevik Zh. Martirosyan*, 13
Darya A. Stepovaya Legal Regulation of Data Security in China:
 Current Legislative Initiatives
- Vadim B. Kozyulin* International Humanitarian Law in the Context 24
 of the Special Military Operation
- Sergey E. Smirnykh* The International Legal Status of Children and Youth 41
 in the General Comments of the Human Rights Treaty Bodies

INTERNATIONAL RELATIONS

- Valerii A. Letiaev, Margarita A. Nizamova* Japan Toward 50
 «a World-Leading Dynamic Cyberspace»
- Ruslan N. Shangaraev, Olga A. Timakova* Multiculturalism in EU political 69
 process: from cross-cultural conflict to interfaith interpenetration
- Alexey V. Borisov* International development assistance in foreign policy 83
 practice: problem of institutionalization
- Ruslan N. Shangaraev* Cognitive warfare as modern form of interstate 103
 confrontation
- Kirill A. Narbut* Russia's Relations with Latin American Countries in a 111
 Changing World Order
- Aidamir A. Valiev* Radical Ideology Impact Central Asia 120
- Lali A. Itiuridze* Some aspects of food security 129

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Kirill A. Alkin, Timur R. Gibadulin, Alexey N. Kadochnikov* 137
 About lend-lease to Ukraine and the prospect of its impact on the Ukrainian
 “military” economy
- Yulia Y. Govorova* US economic policy in the Arctic at the present stage 156
- Tamara V. Vershinina* Features of development of contemporary 166
 Russian national payment system

**HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND FOREIGN POLICY**

- Leonid V. Dobrovolsky, Adelina Sh. Nogmova* Military Industrial Policy Russian Empire 173
- Stanislav A. Agureev, Andrey A. Boltaevsky, Ruslan N. Shangaraev* From the history of the German Welzers colony in Venezuela 208

**INTERNATIONAL YOUTH CONFERENCE
FOR INFORMATION SECURITY**

- Valeriia I. Bulva* Diplomacy in the Field of International Information Security: Perspectives of the UN “Cyber-Genesembly” 216
- Stefan K. Krainov, Egor A. Kashin* Application of Information Warfare Technologies in 2020 in Bulgaria 230
- Eugene V. Zogranyan* Threats and Challenges Associated with the Use of Generative Language Models as a Tool of Political Impact 240
- Pavel A. Karasev* Artificial Intelligence as a Factor of Strategic Stability Degradation 249
- Artemiy D. Tretyakov* US International Policy on the use of Artificial Intelligence in the Military Sphere 256
- Nikita M. Krylov* The Specifics of Information Confrontation Around the Coup d'Etat in Ukraine in 2013-2014 in the Context of International Processes 270

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

- Ivan V. Antipov* Current issues in an international legal cooperation in the field of energy 281
- Sofia A. Borisenko* A new round of escalation of tension in Greek-Turkish relations in 2022-2023. : origins and essence 290
- Oskar B. Rameev* Impact of Sustainable Development Goals on Japan's Policy 306

NOTICE TO THE AUTHORS 319

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Яковенко Александр Владимирович,
д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права,
Ректор Дипломатической академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Ярышев Сергей Николаевич,
д.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права,
Дипломатическая академия МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Мартиросян Аревик Жораевна,
научный сотрудник Института актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Степовая Дарья Алексеевна,
аспирант факультета глобальных процессов,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Alexander V. Yakovenko,
Doctor of law, Professor of the International Law Department,
Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of
Russia,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Sergey N. Yaryshev,
Doctor of Law, Professor of the International Law Department,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Arevik Zh. Martirosyan,
Research Associate, Institute of Contemporary International Studies of
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Darya A. Stepovaya,
Postgraduate student student, Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
kafedra.mp@dipacademy.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДАННЫХ В КИТАЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ LEGAL REGULATION OF DATA SECURITY IN CHINA: CUR- RENT LEGISLATIVE INITIATIVES

Аннотация: настоящая статья направлена на проведение анализа проблематики безопасности данных в Китае. Дана характеристика

состояния защиты данных в Китае, выявлены ключевые угрозы и тенденции, а также обзорно представлены законодательная база и наиболее поздние законодательные инициативы в области обеспечения безопасности данных.

Ключевые слова: безопасность данных, правовое регулирование безопасности данных, Китай, кибербезопасность, информационная безопасность.

Abstract: the article is aimed at analyzing the problems of data security in China. A description of the state of data protection in China is given, key threats and trends are identified, the legislative framework and the most recent legal initiatives in the field of data security are reviewed.

Keywords: data security, legal regulation of data security, China, cybersecurity, information security.

Тенденции и состояние защиты данных в Китае

С населением более 1,4 миллиарда человек Китай имеет самое большое число пользователей Интернета в мире: более 989 миллионов человек имеют доступ к Интернету, около 70% населения страны. Китай, как и любая другая страна, сталкивается с целым рядом угроз безопасности данных, которые могут угрожать конфиденциальности и безопасности отдельных лиц, организаций и требуют внимания и действий как со стороны государственных органов, так и частного сектора.

Некоторые из ключевых угроз в области безопасности данных в Китае включают рост кибератак, широкое распространение краж интеллектуальной собственности, уязвимости, связанные с трансграничной передачей данных, законодательные требования к локализации данных, которые, как ожидается, могут создать проблемы для транснациональных компаний, работающих в стране, и увеличить риск утечки данных, отсутствие прозрачного механизма сбора и использования персональных данных и многие другие. На фоне угроз в данной области

Китай продолжает разрабатывать и совершенствовать правила защиты данных.

В Китае существует несколько тенденций в области защиты данных, которые формируют будущее этой важной области.

В первую очередь Китай подчеркивает важность локализации данных, вводя правила, требующие от компаний хранить определенные типы данных на территории Китая. Эта тенденция, вероятно, сохранится, поскольку власти стремятся усилить свой контроль над данными и уменьшить зависимость от иностранных технологий.

В Китае также наблюдается внедрение механизмов, направленных на соблюдение правил защиты данных, при этом власти становятся более активными в расследовании нарушений законов о защите данных и привлечении к ответственности компаний.

По мере более широкого использования искусственного интеллекта появляются новые проблемы для безопасности данных. На этом фоне актуализируется необходимость обеспечить условия для того, чтобы личная информация не использовалась не по назначению в погоне за технологическими инновациями.

Подводя итог, можно сказать, что тенденции в области защиты данных в Китае разнообразны и сложны, однако продолжается разработка и совершенствование законодательной базы, направленной на обеспечение безопасности данных.

Обзор законодательной базы и последних инициатив

В последние годы Китай внедрил различные правила защиты данных для решения проблем, связанных со сбором, использованием и управлением персональными данными, а также обеспечением безопасности данных. В Китае существуют три основных закона о защите данных, а именно Закон о кибербезопасности 2017 г. [5], Закон о защите личной информации 2021 г. [4] и Закон о безопасности данных 2021 г. [6].

Наиболее важным нормативным актом по защите данных в Китае является Закон о кибербезопасности, который вступил в силу в июне 2017 года. Закон включает положения, касающиеся защиты личной информации, локализации данных и трансграничной передачи данных. Его положения требуют, чтобы компании, работающие в Китае, получали согласие от физических лиц перед сбором и обработкой их личной информации и принимали меры по защите личной информации от несанкционированного доступа, использования и раскрытия. В соответствии с этим законом компании обязаны предоставлять четкую и лаконичную политику конфиденциальности, в которых описывается, как собираются, используются и хранятся персональные данные. Закон также включает положения, касающиеся утечек данных, требующие от компаний сообщать о любых нарушениях, которые приводят к утечке персональных данных, соответствующим органам власти и пострадавшим лицам.

В дополнение к Закону о кибербезопасности 2017 г. в Китае существуют другие нормативные акты по защите данных, включая Общие нормы гражданского права¹, Закон о защите прав потребителей² и Национальный стандарт по защите личной информации³.

Как общее гражданское, так и уголовное законодательство⁴ Китая предусматривает требования по защите данных. В частности, Гражданский кодекс [1], вступивший в силу 1 января 2021 года, устанавливает право на неприкосновенность частной жизни и принципы защиты личной информации. В основном в нем дается определение личной информации и

1 Общие нормы гражданского права излагают основные принципы защиты частной жизни, включая право на неприкосновенность частной жизни, право контролировать личную информацию и право требовать возмещения ущерба за нарушения конфиденциальности.

2 Закон о защите прав потребителей предусматривает дополнительную защиту потребителей, включая право знать, как собирается и используется их личная информация.

3 Национальный стандарт по защите личной информации содержит подробные рекомендации о том, как компании должны собирать, хранить и использовать личную информацию. Стандарт включает положения, касающиеся минимизации данных, точности данных, безопасности данных и хранения данных.

4 Уголовный закон также предусматривает преступления, связанные с нарушением персональных данных и неприкосновенности частной жизни, например, преступление, связанное с нарушением личной информации граждан в статье 253-(1), преступление, связанное с отказом выполнять обязательства по обеспечению безопасности информационных сетей в статье 286-(1), и преступление, связанное с кражей, покупкой или незаконным раскрытием информации другим людям о кредитной карте в статье 177-(1).

излагаются основные требования к ее обработке, обязанности обработчиков личной информации и права физических лиц на их личную информацию. Большинство положений Гражданского кодекса является повторением требований, содержащихся в Законе о кибербезопасности 2017 г.

Национальные стандарты, такие как Технология информационной безопасности – Спецификация безопасности персональных данных [2], также оказывают влияние на обеспечение безопасности данных.

Существуют различные отраслевые законодательные акты, которые регулируют защиту данных, включая медицину, телекоммуникации, электронную торговлю и автомобили, но не ограничиваясь ими. Например, Закон о коммерческих банках 1995 г. [3] требует, чтобы банки сохраняли конфиденциальность в отношении личных сберегательных вкладов вкладчиков. Народный банк Китая опубликовал дополнительные меры по защите прав и интересов потребителей финансовых услуг, которые обеспечивают основные требования по защите финансовой информации (включая личную информацию) отдельных клиентов.

Что касается обеспечения безопасности данных и защиты личной информации, в Китае нет единого органа, ответственного за данные вопросы. Администрация киберпространства Китая (Cyberspace Administration of China) отвечает за координацию защиты личной информации и соответствующей надзорной и административной работы, в то время как другие департаменты Государственного совета, такие как Министерство промышленности и информационных технологий, департамент общественной безопасности и другие, несут ответственность за надзор и администрирование защиты личной информации в своих соответствующих секторах. Например, Министерство общественной безопасности и его отделения имеют право налагать административные штрафы, а также отвечают за уголовные расследования в связи с незаконным получением, продажей или разглашением личной

информации. Министерство промышленности и информационных технологий и его местные филиалы ответственны за надзор и администрирование личной информации в секторе телекоммуникаций и Интернета.

Существуют также отраслевые требования к безопасности данных, которые в основном соблюдаются соответствующими отраслевыми органами власти. Например, Народный банк Китая и Комиссия по регулированию банковской деятельности и страхования Китая доводят до всеобщего сведения и обеспечивают соблюдение юридических требований по защите личной финансовой информации.

В части обязательств по обеспечению безопасности персональных данных, согласно статье 40 Закона о кибербезопасности 2017 г., сетевые операторы несут ответственность за принятие технических и других необходимых мер для обеспечения безопасности персональных данных, которые они собирают, а также за создание и совершенствование системы защиты информации пользователей. В случае если сетевой оператор в качестве контролера назначает третью сторону для обработки персональных данных от своего имени, он должен гарантировать, что такой обработчик обеспечит надлежащий уровень защиты соответствующих персональных данных, как предусмотрено в разделе 8.1 национального стандарта «Технология информационной безопасности – Спецификация безопасности персональных данных». Статья 9 Закона о защите личной информации 2021 г. предусматривает, что обработчик личной информации должен нести ответственность за обработку личной информации и принимать необходимые меры для обеспечения безопасности обрабатываемой личной информации.

Как ранее отмечалось, согласно статье 42 Закона о кибербезопасности 2017 г., в Китае существует законодательное требование сообщать о нарушениях безопасности данных: в случае (возможного) разглашения, повреждения или утери собранных данных оператор сети обязан

незамедлительно принять меры по исправлению положения и сообщить об этом компетентному органу. В соответствии с Законом о защите личной информации 2021 г., если личная информация была или может быть разглашена, подделана или утеряна, обработчик личной информации должен немедленно принять меры по исправлению положения и уведомить соответствующие органы и заинтересованных лиц.

Также существует законодательное требование сообщать об утечках данных затронутым субъектам данных. Однако, если обработчик личной информации принял меры для эффективного предотвращения вреда, причиненного разглашением, подделкой или потерей информации, он может принять решение не уведомлять заинтересованных лиц. Если органы, выполняющие обязанности по защите личной информации, считают, что может быть причинен ущерб, они могут потребовать, чтобы обработчик личной информации уведомил заинтересованных лиц.

Что касается санкционного механизма, то статья 64 Закона о кибербезопасности 2017 г. устанавливает, что в случае серьезного нарушения безопасности данных оператору или провайдеру, нарушившему безопасность данных, могут грозить штрафы в размере до 1 миллиона юаней (или в 10 раз превышающие доход от незаконной прибыли), приостановка связанного бизнеса, закрытие для исправления, закрытие любого веб-сайта (ов) и отзыв лицензии на ведение бизнеса. Непосредственно ответственным лицам может грозить штраф в размере до 100 000 юаней. В соответствии с Законом о защите личной информации 2021 г. власти могут обязать обработчика данных внести исправления, вынести ему предупреждение и конфисковать его незаконную прибыль. Если он отказывается вносить исправления, должен быть наложен штраф в размере не более 1 миллиона юаней; штраф в размере не менее 10 000 юаней, но не более 100 000 юаней должен быть наложен на непосредственно ответственное лицо и других лиц, несущих прямую ответственность. При серьезных обстоятельствах такому обработчику

может грозить более крупный штраф в размере не более 50 миллионов юаней, или не более 5% от его оборота за предыдущий год. Власти также могут приказать приостановить соответствующую деятельность или бизнес для исправления ситуации и отозвать разрешение на ведение бизнеса или коммерческую лицензию. Кроме того, на непосредственно ответственное лицо и других лиц, несущих прямую ответственность, должен быть наложен штраф в размере не менее 100 000 юаней, но не более 1 миллиона юаней, и может быть принято решение запретить указанным лицам выступать в качестве директоров, контролеров, старших руководителей и лиц, ответственных за защиту личной информации соответствующих предприятий, в течение определенного периода времени. Согласно Закону о безопасности данных 2021 г. ответственный обработчик данных, не назначивший сотрудника по защите данных, может столкнуться с обязательством внести исправления, предупреждением и может быть одновременно оштрафован на сумму не менее 50 000 юаней, но не более 500 000 юаней, а непосредственно ответственное лицо и другие лица, несущие прямую ответственность, могут быть оштрафованы на сумму не менее 10 000 юаней, но не более 100 000 юаней. В случае если обработчик отказывается вносить исправления или его действия приведут к серьезным последствиям, таким как массовая утечка данных, то предусмотрен штраф на сумму не менее 500 000 юаней, но не более 2 миллионов юаней, и может быть предписано приостановить соответствующий бизнес или остановить бизнес для исправления, а разрешения/лицензии на ведение бизнеса будут отозваны. Лицо, непосредственно ответственное за это, и другие лица, несущие прямую ответственность, будут оштрафованы не менее чем на 50 000 юаней, но и не более чем на 200 000 юаней.

Законом о защите личной информации 2021 г. определены «органы, выполняющие обязанности по защите личной информации»:

1. Администрация киберпространства Китая отвечает за координацию защиты личной информации и соответствующей работы по надзору и администрированию.
2. Другие соответствующие национальные органы, такие как Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство общественной безопасности, Государственное управление по регулированию рынка, несут ответственность за защиту, надзор и администрирование защиты личной информации в рамках своих обязанностей.
3. Соответствующие департаменты местных народных органов власти на уровне округа или выше. Эти органы выполняют следующие обязанности по защите данных:
 - 1) информирование общественности и просвещение по вопросам защиты личной информации, а также руководство и надзор над обработчиками личной информации для защиты личной информации;
 - 2) прием и обработку жалоб и отчетов, связанных с защитой личной информации;
 - 3) организацию оценки заявлений по защите личной информации и разглашение результатов оценки;
 - 4) расследование незаконной деятельности по обработке личной информации и обращение с ней;
 - 5) другие обязанности, предусмотренные законами и административными регламентами Китая.

Соответствующие органы Китая имеют также право запрещать конкретную деятельность по обработке данных без судебного решения. Так, в соответствии со статьей 50 Закона о кибербезопасности 2017 г., если обнаружена какая-либо информация, разглашение или передача которой запрещены законами и административными постановлениями, Администрация киберпространства Китая и другие компетентные органы могут потребовать от оператора сети прекратить передачу этой

информации, принять такие меры, как удаление записи. Если такая информация поступает из-за рубежа, они могут заблокировать передачу.

Заключение

На фоне уязвимостей в области обеспечения безопасности данных Китай продолжает разрабатывать и совершенствовать политику в области безопасности данных. Стоит отметить, что нормативно-правовая база Китая постоянно развивается, безопасность данных является объектом регулирования целого ряда правил и директив, издаваемых различными государственными органами.

Список источников и литературы

1. Civil Code of the People's Republic of China (Adopted at the Third Session of the Thirteenth National People's Congress on May 28, 2020). Available at: www.npc.gov.cn/english-npc/c23934/202012/f627aa3a4651475db936899d69419d1e/files/47c16489e186437eab3244495cb47d66.pdf/ (Accessed: 26.04.2023).
2. ICS 35.040 L80 National Standard of the People's Republic of China GB/T 35273—2020 Replacing GB/T 35273-2017 Information security technology—Personal information (PI) security specification. Available at: www.tc260.org.cn/upload/2020-09-18/1600432872689070371.pdf/ (Accessed: 26.04.2023).
3. Law of the People's Republic of China on Commercial Banks. Adopted at the 13th Meeting of the Standing Committee of the Eighth National People's Congress on May 10, 1995, promulgated by Order No. 47 of the President of the People's Republic of China on May 10, 1995, and amended in accordance with the Decision of the Standing Committee of the National People's Congress on Amending the Law of the People's Republic of China on Commercial Banks adopted at the Sixth Meeting of the Standing Committee of the Tenth National People's Congress on December 27, 2003. Available at: www.china.org.cn/english/DAT/214824.htm/ (Accessed: 26.04.2023).

4. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China. Adopted at the 30th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress on August 20, 2021. Available at: en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-12/29/c_694559.htm/ (Accessed: 26.04.2023).

5. The Cybersecurity Law of the People's Republic of China. Order No. 53 of the President. Passed November 6, 2016. Effective June 1, 2017. Available at: www.lawinfochina.com/Display.aspx?LookType=3&Lib=law&Id=22826&SearchKeyword=&SearchCKeyword=&paycode=/ (Accessed: 26.04.2023).

6. The Data Security Law of the People's Republic of China. Order of the President of the People's Republic of China No. 84. Adopted at the 29th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress of the People's Republic of China on June 10, 2021. Effective 1 September, 2021. Available at: www.npc.gov.cn/english-npc/c23934/202112/1abd8829788946ecab270e469b13c39c.shtml/ (Accessed: 26.04.2023).

Козюлин Вадим Борисович,

кандидат политических наук, заведующий Центром глобальных исследований и международных отношений Института актуальных

международных проблем,

Дипломатическая академия МИД России,

профессор Академии военных наук,

v.kozyulin@dipacademy.ru

Vadim B. Kozyulin,

PhD in Political Sciences, Head of the Center for Global Studies and International Relations of the Institute of Contemporary International Studies of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

Professor of the Academy of Military Sciences,

v.kozyulin@dipacademy.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ СВО INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE CONTEXT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Аннотация: с начала специальной военной операции (СВО) Украина подала в различные международные инстанции ряд исковых заявлений, обвиняя Россию в нарушении положений международного гуманитарного права (МГП). Россия также регистрирует массовые нарушения МГП со стороны украинских вооруженных формирований и высших руководителей Украины.

В данной статье собраны сведения о предъявляемых сторонами обвинениях, оцениваются механизмы и способы оказания юридической поддержки Украине со стороны недружественных России стран, а также позиция дружественных России и нейтральных государств в отношении конфликта на Украине.

Поскольку обвинения нашей страны в нарушении МГП и законов войны являются частью инициированной Западом глобальной антироссийской информационной кампании, России необходимо принимать энергичные меры, чтобы нейтрализовать провокационные шаги и расширить круг своих сторонников. Для этого у России имеется необходимая аргументация и ресурсы. На этой базе можно укрепить единство с дружественными

государствами и сформировать идейную и сетевую платформу для приобретения новых сторонников и партнеров.

Ключевые слова: специальная военная операция, международное гуманитарное право, агрессия, геноцид, экоцид, специальный трибунал, информационная война.

Abstract: since the beginning of the special military operation Ukraine has filed a number of lawsuits in various international instances, accusing Russia of violating the provisions of International Humanitarian Law (IHL). Russia also registers massive violations of IHL by Ukrainian armed formations and senior leaders of Ukraine.

This report contains information about the charges brought by the parties, assesses the mechanisms and ways of providing legal support to Ukraine from countries unfriendly to Russia, as well as the position of friendly Russia and neutral states regarding the conflict in Ukraine.

Since the accusations against Russia of violating IHL and the laws of war are part of a global anti-Russian information campaign initiated by the West, Russia needs to take vigorous measures to neutralize provocative steps and expand its circle of supporters. For this, Russia has the necessary arguments and resources. On this basis, it is possible to strengthen unity with friendly states and form an ideological and network platform for acquiring new supporters and partners.

Keywords: special military operation, international humanitarian law, aggression, genocide, ecocide, special tribunal, information war.

Обвинения Украины в адрес России

Агрессия. Проукраинские юристы ссылаются на ст. 39 Устава Организации Объединенных Наций, упоминающую такие понятия, как «угроза миру», «нарушение мира» и «акт агрессии», а также на определение агрессии [1].

Геноцид. Ряд проукраинских юристов считает обоснованными обвинения России в геноциде украинского народа согласно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года [2].

Происходящие на Украине события признают геноцидом Польша, Эстония, Латвия, Литва, Канада, Чешская Республика, Ирландия.

Экоцид. С 2001 года в Уголовный кодекс Украины включено преступление экоцида, определяемое как «массовое уничтожение флоры и фауны, отравление воздуха или водных ресурсов, а также любые другие действия, которые могут вызвать экологическую катастрофу». Украина оценивает ущерб окружающей среде от СВО в сумму около 76 млрд долларов.

Военные преступления. Власти Украины и ряд международных организаций проводят расследование и документирование нарушений международного гуманитарного права и прав человека. Среди предъявляемых обвинений: неизбирательные нападения на гражданские объекты, жестокое обращение, пытки и умышленное убийство гражданских лиц, использование гражданских в качестве «живого щита», размещение военных объектов вблизи гражданских объектов, применение оружия неизбирательного действия в жилых районах, ненадлежащее обращение с военнопленными и гражданским населением на контролируемых территориях, массовые убийства мирных граждан, изнасилования, депортации, пытки и казнь военнопленных, похищение украинских детей, мародерство, создание гуманитарной катастрофы.

Расследования в международных судебных инстанциях

Международный суд ООН в Гааге. 27 февраля 2022 года Украина подала иск против России в Международный суд ООН в Гааге на основании Конвенции 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, утверждая, что военная операция России не имеет никаких юридических оснований и опирается на необоснованные обвинения в геноциде. 16 марта 2022 года Международный суд ООН вынес решение в

пользу Украины с требованием к России немедленно прекратить все действия специальной военной операции.

Международный уголовный суд в Гааге (МУС). МУС инициировал «расследование военных преступлений, совершенных в Украине», причем начиная с 2014 года. 2 марта 2022 года главный прокурор МУС Карим Ахмад Хан сообщил, что получил заявления из 39 государств, что позволяет ему начать новое расследование в соответствии со статьей 14 Римского статута [3]. 17 марта 2023 года МУС выдал ордер на арест президента Владимира Путина.

Мониторинговая миссия ООН по правам человека в Украине (ММПЧУ). Группа наблюдателей за соблюдением прав человека, созданная на Украине в 2014 году Генеральным секретарем ООН, после начала СВО начала собирать «свидетельства нарушений МГП российской стороной». По заявлениям официальных представителей, организация имеет на Украине 60 наблюдателей. ММПЧУ в значительной мере финансируется из средств Госдепартамента США.

Независимая международная комиссия ООН по расследованию на Украине (НМКР). 4 марта 2022 года Совет ООН по правам человека учредил Независимую международную комиссию по расследованию предполагаемых нарушений прав человека и международного гуманитарного права в контексте агрессии России против Украины. 23 сентября эта комиссия представила устный доклад, в котором сделала выводы о том, что на Украине были совершены военные преступления [4]. 15 марта 2023 года вышел второй Доклад НМКР A/HRC/52/62, упоминающий «широкий спектр нарушений международного права в области прав человека и международного гуманитарного права во многих регионах Украины и в Российской Федерации» [5].

Московский механизм ОБСЕ. В марте и июне 2022 года 45 государств-участников, в том числе США, при поддержке Украины задействовали Московский механизм ОБСЕ. Московский механизм выпустил два отчета, в

которых были обнаружены «многочисленные нарушения международного гуманитарного права, которые представляют собой военные преступления».

Специальный международный трибунал. Украина и страны Балтии выдвинули идею создания специального трибунала с юрисдикцией в отношении преступления против мира [6]. Западные юристы считают, что трибунал возможно создать посредством многостороннего договора между государствами. Другой рассматриваемый вариант – создание трибунала в юрисдикции Украины как потерпевшей стороны, которая заключит соглашения с международными организациями. По этой версии специальный трибунал может базироваться на Украине либо в Гааге, либо в Нюрнберге, а международную легитимность получить от Генеральной Ассамблеи ООН. Сторонники этого пути считают, что трибунал будет легитимизирован, если Генассамблея ООН проголосует за его создание подавляющим большинством голосов (минимум две трети Генассамблеи).

Реестр ущерба. 14 ноября в ходе 11-й чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН голосованием принята резолюция ES-11/5 «Обеспечение возмещения ущерба и репарации за агрессию против Украины». Резолюция рекомендовала создать государствам-членам в сотрудничестве с Украиной международный реестр ущерба.

В феврале 2023 года председатель Еврокомиссии Фон дер Ляйен объявила о создании в Гааге «центра судебного преследования за преступление агрессии на Украине» [7]. Центр призван координировать сбор доказательств в составе совместной следственной группы под патронажем специального юридического агентства Евросоюза European Union Agency for Criminal Justice Cooperation (Eurojust) [8].

Совместная следственная группа (Joint Investigation Teams – JIT) по Украине. В марте 2022 года агентство ЕС Eurojust заявило, что поддержит совместную следственную группу по расследованию обвинений в военных преступлениях на Украине. В JIT вошли Литва, Польша, Украина, Эстония, Латвия, Словакия, Румыния и Международный уголовный суд. Соединенные

Штаты, которые сохраняют статус наблюдателя в сети Eurojust Genocide Network, оказывают ЛТ финансовую помощь.

Поддержка инициатив Украины странами Запада

Соединенные Штаты. Правительство США обвинило Россию в «преступлениях против человечности» [9]. Президент США Байден заявил, что «зверства, совершенные московскими войсками, квалифицируются как геноцид» [10].

«Большая семерка». Государства – члены G7 обвиняют Россию в «использовании энергии и продовольствия в качестве оружия» и считают, что «России в конечном счете придется заплатить за восстановление критической инфраструктуры, поврежденной или разрушенной в результате ее жестокой войны» [11].

Европейский парламент. Европарламент одобрил резолюцию, призывающую привлечь к ответственности военное и политическое руководство России, а также Белоруссии «за преступления в Украине» [12].

Страны Евросоюза. Эстония, Германия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Словакия, Испания, Швеция и Франция начали «предварительное расследование тяжких военных преступлений», совершаемых на Украине, в том числе в связи с «серьезными нарушениями международного гуманитарного права». Франция направляла 18 сотрудников Института криминалистики Национальной жандармерии для расследования гибели мирных жителей в Буче. Правительство Чехии отправило на Украину 15 экспертов военной полиции. С мандатом до конца 2024 года они вошли в состав группы специалистов Международного уголовного суда в Гааге [13]. Офис генпрокурора Германии занимается сбором улик о «военных преступлениях российской армии в Украине».

Нидерланды. Голландское правительство подтвердило готовность финансировать на своей территории ряд организаций:

- Реестр понесенного Украиной ущерба, который будет оформлен как международная организация;

- Комиссию по рассмотрению требований компенсации;
- Компенсационный фонд для выплат, пополняющийся в том числе за счет конфискованных российских активов.

Правозащитные организации. Bellingcat, Human Rights Watch и Amnesty International заявляют о применении кассетных боеприпасов с жертвами среди мирного населения в жилых районах Угледара, Харькова, Ахтырки. Годовой отчет HRW отмечает, что «военные преступления и нарушения прав человека» со стороны РФ во время войны с Украиной являются «длинный список нарушений международного гуманитарного права», включая применение тактики истощения мирного населения в осажденных городах, блокирование гуманитарных коридоров и др.

Западные СМИ. Используя различные методы сбора информации (включая OSINT – разведку по открытым источникам) BBC News, CNN, World Street Journal и другие издания проводят расследования, в которых пытаются доказать такие нарушения МГП, как непропорциональное использование силы при осаде городов, вывоз сельхозтехники и украинского зерна через Крым в Россию и т.д.

Нарушения МГП украинскими вооруженными формированиями

Геноцид русскоязычного населения. Следственный комитет России (СК РФ) собрал тысячи томов материалов, подтверждающих совершение ВСУ и нацбатами преступлений и демонстрирующих причастность высшего военного и политического руководства Украины к геноциду русскоязычного населения Донбасса, преступлениям против мира и безопасности человечества и иным преступлениям против личности. Выдержки из показаний свидетелей, фотографии и документы собраны в обновляемой «Белой книге преступлений киевского режима» [14].

Экоцид. В 2014 году власти Украины перекрыли подачу пресной воды по Северо-Крымскому каналу в Крым, чем нарушили Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду.

Применение запрещенных средств и методов ведения войны.

Следственный комитет России с 2014 года расследует уголовные дела о преступлениях киевского режима в Донбассе. На 20 февраля 2023 года велось предварительное следствие по 2544 уголовным делам, которые Следственный комитет начал возбуждать с 2014 года. Большая их часть – 1443 – возбуждена с момента начала эскалации конфликта украинской стороной и до последующей СВО.

Уголовное преследование осуществляется в отношении 680 лиц. Вынесены постановления о привлечении 403 лиц в качестве обвиняемых, из них 188 – очно. Среди фигурантов – 118 лиц из числа командиров и руководства ВСУ и Минобороны Украины. Заочно арестованы 136 обвиняемых.

СК РФ располагает сведениями о том, что киевский режим при поддержке коллективного Запада поощряет запрещенное международными нормами участие наемников в боевых действиях на стороне Украины [15].

Разработка биологического оружия. СК РФ ведет работу по сбору и фиксации доказательств нарушения Украиной Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Основным источником доказательств являются данные Минобороны России, получаемые в рамках проведения СВО, и результаты оперативно-розыскной деятельности.

Позиции третьих стран в отношении конфликта на Украине

В ноябре 2022 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, содержащую пункт о «возмещении ущерба» Украине за счет конфискации замороженных активов РФ на Западе. За принятие документа проголосовали 94 государства из 181, среди которых сама Украина, США, Великобритания, Канада, страны Европейского союза, Австралия, Япония, Новая Зеландия. Среди бывших республик СССР, помимо стран Балтии, резолюцию поддержали Грузия, Молдавия. Кроме того, за проголосовали Босния и

Герцеговина, Турция, а также Афганистан, Мексика, Южная Корея, Катар и почти все страны Южно-Американского континента: Аргентина, Эквадор, Чили, Колумбия, Парагвай, Перу, Колумбия. Против выступили представители 14 стран: России, Китая, Белоруссии, Кубы, Ирана, Сирии, ЦАР, КНДР, Никарагуа, Эритреи, Эфиопии, Мали, Багамских островов, Зимбабве. Воздержались 73 государства, в числе которых Индия, Индонезия, Ирак, Израиль, Казахстан, Киргизия, Пакистан, Саудовская Аравия, Сербия, ЮАР, Таджикистан, Узбекистан, ОАЭ [16].

БРИКС. Международный клуб БРИКС поддерживает переговоры между Россией и Украиной, а также усилия ООН по мирному урегулированию. Об этом говорится в декларации, опубликованной по итогам саммита объединения, проведенного под председательством Китая [17].

ОДКБ. Из всех государств – участников ОДКБ во время голосования по проекту резолюции о возмещении ущерба Киеву от российской спецоперации Москву поддержала только Белоруссия. Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан воздержались. Заявляя о нейтральной позиции в конфликте на Украине, на деле союзники России сокращают сотрудничество с РФ из-за опасения вторичных санкций. Участились случаи публикации материалов антироссийской направленности в центральноазиатских СМИ, перепечатки украинских фейков о «зверствах российской армии».

КНР. Пекин не выступает с осуждением российской СВО на Украине и критикует западные санкции против Москвы и поставки оружия Киеву. В завуалированной критике в адрес Запада китайские официальные лица дают понять, что «некоторые силы» не хотят, чтобы мирные переговоры между Киевом и Москвой увенчались успехом, поскольку их «стратегические цели сильнее, чем Украина». Однако КНР предпочитает демонстрировать осторожные формы солидарности с Россией, чтобы не ставить под угрозу свои собственные торговые отношения с Западом.

Индия. Индия воздержалась при голосовании по резолюции СБ ООН, осуждающей действия РФ, и неоднократно призывала решить конфликт на

Украине дипломатическим путем. Дели не присоединяется к антироссийским санкциям несмотря на давление Запада. Среди индийской общественности наблюдается высокая доля тех, кто имеет пророссийские взгляды. Индия отказалась приглашать украинскую делегацию на саммит G20, который должен пройти 9–10 сентября 2023 года в Нью-Дели. Парируя обвинения в нежелании «присоединиться к лагерю демократий» в противостоянии с Россией, глава МИД Индии Субраманиям Джайшанкар призвал оценивать события на Украине «в правильном контексте» и обратил внимание на многочисленные конфликты в Азии, ответственность за которые несет Запад [18].

Южно-Африканская Республика. ЮАР отказалась принять чью-либо сторону в контексте событий на Украине несмотря на давление Запада. Министр иностранных дел ЮАР Наледи Пандор так объясняет позицию правительства: «Что касается взглядов наших друзей в Европе и за ее пределами, нас пытались убедить принять чью-либо сторону, но мы заявили, что не считаем, будто это то, что мы должны поддерживать. Мы сказали, что Южная Африка всегда стремится к миру и содействует переговорам, за это мы продолжаем выступать..., потому что на самом деле этот конфликт не будет решен на поле боя, он должен быть урегулирован путем переговоров» [19].

Бразилия. Бразилия стремится к свободному развитию торгово-экономических связей, в том числе с Россией. По заявлениям президента Бразилии Лулы да Силвы, конфликт на Украине следует завершить мирными переговорами, при этом России должны быть предоставлены определенные минимальные условия. Бразильский лидер подчеркивает, что Украина имеет право защищаться, однако его страна не станет отправлять боеприпасы на Украину.

Турция. Политическое и экономическое взаимодействие России с Турцией неустойчиво. В ООН Турция проголосовала за «возмещение ущерба» Украине за счет конфискации замороженных активов РФ на Западе. Турция использует конфликт на Украине для наращивания влияния в Европе и

Центральной Азии. Сохраняется постоянный риск того, что Анкара неожиданно может занять антироссийскую позицию по чувствительному для России вопросу.

Выводы

Украина при поддержке западных партнеров составила обширный перечень обвинений России в нарушении МГП, включая очевидно абсурдные обвинения в «геноциде украинского народа».

Несмотря на многочисленные усилия коалиции западных стран возложить на Россию ответственность за нарушение МГП, в международном праве для этого нет эффективных юридических инструментов. Главные препятствия намерениям Запада представляют право вето России и Китая в СБ ООН, а также позиция значительного числа стран, явно или неявно поддерживающих РФ.

Международная репутация США не отвечает имиджу «блюстителя мировой законности». Соединенные Штаты многократно нарушали МГП, будучи уверенными в безнаказанности с точки зрения международного права.

США и их союзники пытаются сформировать глобальное общественное порицание действиям России на Украине, фабрикуя факты и раздувая информационную шумиху, под угрозой санкций принуждая колеблющиеся правительства встать на прозападные позиции.

России удалось сохранить блок примерно из 50–90 стран, которые готовы воздержаться или «отсутствовать» при голосовании против России. Антиколониальная и антизападническая позиция России близка по духу многим странам Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки. В то время как 87% людей, живущих на Западе, негативно относятся к России, в других регионах около 66% относятся к ней положительно. Ряд государств получает экономические выгоды от возросшего объема торговли с Россией (Грузия, Казахстан и Кыргызстан увеличили товарооборот с РФ на 48%).

Решающее значение для российской внешней политики имеет большая пограничная зона для обхода санкций – Евразия и Китай, страны Персидского

залива как ключевой центр логистики, финансов и бизнеса, а также Африка как новая зона конкуренции с Западом. Представляется, что борьба за медийное пространство этих регионов станет важной частью противостояния России и коллективного Запада. Необходимо находить новые способы донести до иностранной аудитории правдивую информацию о причинах и ходе СВО, антироссийской и антирусской политике властей Украины, преступлениях украинских военных. Следственный комитет России накопил обширный материал о преступлениях Украины, и этот ресурс можно использовать с большей эффективностью, например активнее обновлять «Белую книгу преступлений» Украины (последнее издание в 2015 году).

Иностранной аудитории неизвестны многочисленные факты нарушения МГП до начала СВО (в частности, перекрытие Северо-Крымского канала, которое можно расценивать как акт геноцида).

Запад надеется, что Международный уголовный суд станет одним из основных инструментов обвинения России в нарушениях МГП. Однако МУС не выносит заочных приговоров, и для судебного разбирательства подсудимый должен физически находиться в заключении в Гааге.

Традиционная позиция США в отношении МУС также понижает значение этого суда: США настаивали, что МУС не должен иметь возможности преследовать граждан государств, не являющихся членами этой организации. В 2020 году администрация Трампа даже ввела санкции против главного прокурора МУС в то время, который расследовал утверждения о том, что американские войска совершили военные преступления в Афганистане. В настоящее время Пентагон заблокировал обмен разведанными с судом из-за опасений создания прецедента, который мог бы позволить международное судебное преследование против американцев.

Что касается специального трибунала, то Генеральная Ассамблея ООН не имеет полномочий для создания специального трибунала против России. Страны Запада могут поддержать создание специального международного трибунала на Украине, однако его решения будут иметь сомнительную силу.

В международном праве нет положений, которые категорически запрещали бы трибуналу заочно осудить человека. Но в случае заочного ареста осужденного адвокаты будут иметь основания требовать нового, очного процесса. Кроме того, по имеющейся информации пока окончательно не решен вопрос об источниках финансирования такого трибунала.

Любой международный трибунал столкнется с проблемой персонального иммунитета. В международном праве главы и высшие должностные лица государств имеют иммунитет от судебного преследования везде, кроме МУС.

Страны Запада могут рассчитывать на символическую силу приговора. России нужно предусмотреть меры, чтобы ослабить эффект подобных шагов.

Слабыми выглядят юридические перспективы попыток Украины и стран Запада взыскать с России компенсацию за причиненный ущерб. В настоящее время нет жизнеспособных международно-правовых путей для получения компенсаций, не говоря о готовности со стороны России рассматривать эти требования даже в рамках переговоров.

Информационная компания ЦИПСО при поддержке информационных центров НАТО приобрела откровенно террористические формы, что можно толковать как нарушение украинскими информационными службами принципов МГП. С информационными операциями могут быть связаны понятия МГП «распространение террора» и «сильные страдания». В соответствии с Дополнительным протоколом I любые акты насилия или поведения, направленные на сеяние страха среди гражданского населения, запрещаются. Поэтому психические страдания и действия с первоначальной целью причинения психического вреда находятся в диапазоне, охватываемом нормами МГП. МГП запрещает любые действия или угрозу, основной целью которых является распространение террора среди гражданского населения [20]. Запрет на распространение террора может быть рассмотрен применительно к эффекту, который современные информационные операции оказывают на гражданское население.

Обсуждение легитимности начала СВО и неприменимости к спецоперации нормы международного права о запрете применения силы ведется на профессиональных сайтах, но не доносится до общественности [21], что можно отнести к недостаткам российской информационной работы.

Россия может найти союзников среди неправительственных организаций в странах бывшей Югославии, Палестине, Ираке, Ливии, Сирии и Афганистане, которые расследуют и освещают преступления международного характера в зонах конфликтов, факты нарушения МГП Соединенными Штатами и Израилем. В частности, заслуживает изучения обоснованность агрессии США в Ираке в 2003 году под предлогом разработки иракскими властями ОМУ, а также оккупация Афганистана на основе недоказанной причастности «Талибана»⁵ к событиям 11 сентября 2001 года.

Большой поддержки заслуживают российские общественные инициативы по расследованию преступлений Украины (например, Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов и их пособников, который возглавляет журналист, директор Фонда исследования проблем демократии М.С. Григорьев).

В сотрудничестве с зарубежными неправительственными и академическими кругами российские общественные организации могли бы изучить гуманитарную ситуацию в странах, пострадавших от американской агрессии (например, в Сирии, которая после разрушительного землетрясения 2023 года не могла получать гуманитарную помощь из-за западных санкций), организовывать международные конференции по обсуждению военных преступлений НАТО и США (применение запрещенных видов вооружений в ходе второй войны в Индокитае, агрессии в Югославии в 1999 году и вторжения в Ирак в 2003 году, «резня в Мосуле» в 2017 году, бомбежка сирийского города Ракка в 2017 году, пытки людей в секретных тюрьмах ЦРУ

⁵ Террористическая организация, запрещенная в России

на территории Афганистана), дать правовую оценку диверсии на «Северном потоке» и применимости к нему понятия «акт терроризма».

Список источников и литературы

1. Утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года, статья 3. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml
2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml
3. ICC investigates alleged Russian war crimes in Ukraine, South China Morning Post, 3 марта 2022 г. <https://www.scmp.com/news/world/europe/article/3169045/ukraine-invasion-international-criminal-court-investigates>
4. Доклад Председателя Независимой международной комиссии по расследованию нарушений на Украине на 51-й сессии Совета по правам человека, 23 сентября 2022 г. <https://www.ohchr.org/ru/statements/2022/09/update-chair-independent-international-commission-inquiry-ukraine-51st-session>
5. Доклад Независимой международной комиссии по расследованию нарушений на Украине, Совет по правам человека, 15 марта 2023 г. <https://www.cisg.info/dok/A-HRC-52-62-RU.pdf>
6. Чтобы была ответственность России за агрессию, нужен специальный трибунал, и мы делаем всё, чтобы его создать – обращение Президента Украины. Офис Президента Украины, 29 ноября 2022 г. <https://www.president.gov.ua/news/shob-bula-vidpovidalnist-rosiyi-za-agresiyu-potriben-special-79537>
7. Statement by President von der Leyen at the joint press conference with Ukrainian President Zelenskyu, European Commission, 2 February 2023. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_23_546

8. Фон дер Ляйен объявила о создании в Гааге «центра судебного преследования» против России, Коммерсант, 2 февраля 2023 г. <https://www.kommersant.ru/doc/5799014>

9. US declares Russia has committed crimes against humanity in Ukraine, Jasmine Wright, CNN, February 18, 2023ю <https://edition.cnn.com/2023/02/18/politics/kamala-harris-russia-crimes-humanity-ukraine>

10. Ukraine war: MEPs push for special tribunal to punish Russian crimes, News, European Parliament, 19 January 2023. <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230113IPR66653/ukraine-war-meps-push-for-special-tribunal-to-punish-russian-crimes>

11. G7 Leaders' Statement, Prime Minister's Office, 10 Downing Street, 12 December 2022. <https://www.gov.uk/government/news/g7-leaders-statement-12-december-2022>

12. Ukraine war: MEPs push for special tribunal to punish Russian crimes, Press Releases, European Parliament, 19 января 2023 г. <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230113IPR66653/ukraine-war-meps-push-for-special-tribunal-to-punish-russian-crimes>

13. Правительство Чехии одобрило отправку военной полиции на Украину, Коммерсант, 9 марта 2023 г. <https://www.kommersant.ru/doc/5864081>

14. Белая книга преступлений. 2-е издание, дополненное. Москва 2015. УДК 341.4:341.7 ББК 67.412.1. Трагедия юго-востока Украины. Белая книга преступлений / Под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. 2-е изд., доп. М., 2015. ... Составители: К.А. Бекетова, А.А. Дрыманов, Е.А. Забелина, Ю.В. Иванова, О.И. Макарова, В.И. Маркин, А.О. Пищулин, С.Л. Соловьев, А.А. Стрижов. ISBN 978-5-8493034-5-1 https://sledcom.ru/upload/site1/document_file/BELAYa_KNIGA_russkaya.pdf

15. Интервью Председателя Следственного комитета России информационному агентству ТАСС, Следственный комитет РФ, 20 февраля 2023 г. <https://sledcom.ru/press/interview/item/1767766/?tab=images>

16. Кто и как голосовал в ООН по резолюции о "репарациях" Украине, РИА Новости, 15 ноября 2022 г. <https://crimea.ria.ru/20221115/kto-i-kak-golosoval-v-oon-po-rezolyutsii-o-reparatsiyakh-ukraine-1125371554.html>

17. Страны БРИКС поддержали переговоры между Россией и Украиной, РБК, 23 июня 2022 г. <https://www.rbc.ru/politics/23/06/2022/62b47b969a7947357cac8c09>

18. Индия просит разукраиниться всех, Коммерсант, 28.04.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5329369>

19. В ЮАР заявили, что не приняли чью-либо сторону по ситуации на Украине, РИА Новости, 18 января 2023 г. <https://ria.ru/20230118/yuar-1845662018.html>

20. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, статья 51(2)

21. СВО России и норма международного права о запрете применения силы, Алексей Исполинов, 4 апреля 2022 г. https://zakon.ru/blog/2022/4/4/svo_rossii_i_norma_mezhdunarodnogo_prava_o_zaprete_primeneniya_sily

Смирных Сергей Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
ученый секретарь
Российской ассоциации международного права,
marya_babanova@inbox.ru
Sergey E. Smirnykh,
PhD in Law,
General Secretary
of the Russian Association of International Law,
marya_babanova@inbox.ru

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В
ЗАМЕЧАНИЯХ ОБЩЕГО ПОРЯДКА ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ ПО
ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF CHILDREN AND YOUTH
IN THE GENERAL COMMENTS OF THE HUMAN RIGHTS TREATY
BODIES**

Аннотация: в статье рассматривается проблема международно-правового статуса детей и молодежи в замечаниях общего порядка договорных органов по правам человека. Отмечается, что договорные органы по правам человека представляют собой институты, формируемые и действующие в соответствии с универсальными конвенциями и иными международными правовыми актами, предусматривающими положения о правах детей и молодежи для мониторинга соблюдения конвенций или международных правовых актов государствами-участниками.

Ключевые слова: международно-правовой статус детей и молодежи, замечания общего порядка, договорные органы по правам человека.

Abstract: the article deals with the problem of the international legal status of children and youth in the general comments of the human rights treaty bodies. It is noted that human rights treaty bodies are institutions formed and acting in accordance with universal conventions and other international legal instruments which provide provisions on the rights of children and youth to monitor compliance with conventions or international legal instruments by state parties.

Keywords: international legal status of children and youth, general comments, human rights treaty bodies.

В настоящее время в рамках Организации Объединенных Наций сформировалась система международных договорных органов, основной целью деятельности которых стала защита прав детей и молодежи, гарантируемых принципами и нормами международного права. Международные нормы и стандарты в области прав детей и молодежи в значительной степени определяют характер деятельности договорных органов Организации Объединенных Наций. Договорные органы по защите прав детей и молодежи действуют как на универсальном, так и на региональном уровнях.

Договорные органы Организации Объединенных Наций по правам человека, действуя на основании принятых каждым из них правил процедуры, уполномочены на основе анализа периодических докладов и индивидуальных жалоб принимать замечания общего порядка, в которых дается толкование положений тех конвенций, в соответствии с которыми они были учреждены и которые должны учитываться участвующими в них государствами, в том числе в процессе имплементации соответствующих международно-правовых обязательств [1].

Следует иметь в виду, что к договорным органам Организации Объединенных Наций по правам человека относятся Комитет по правам человека, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка, Комитет по правам инвалидов, Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, Комитет по насильственным исчезновениям.

Комитеты не рассматривают сообщения детей и молодежи до тех пор, пока не удостоверятся в том, что они исчерпали все доступные внутренние средства защиты. Защиту прав детей и молодежи должны обеспечивать в первую очередь национальные органы государственной власти, включая суды. Если в государствах отсутствуют независимые или беспристрастные суды и

государственные органы, не обеспечивают эффективную правовую защиту, то дети и молодежь могут непосредственно обращаться в договорные органы Организации Объединенных Наций по правам человека.

При решении вопроса о процедуре исчерпания внутренних средств правовой защиты договорные органы Организации Объединенных Наций по правам человека придают существенное значение критериям, выявляющим бесполезность обращений в судебные или административные органы государств, когда сложившаяся в них правоприменительная практика не оставляет шансов на удовлетворение жалоб [2].

Следует отметить, что в силу п. 1 Замечания общего порядка №14 «Право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)» [3] здоровье является одним из основных прав человека, необходимых для реализации других прав. Каждый человек имеет право на наивысший достижимый уровень здоровья, обеспечивающий достойные условия жизни. Осуществление права на здоровье может обеспечиваться с помощью целого ряда взаимодополняющих подходов, таких как определение политики в области здравоохранения, реализация программ по охране здоровья, принятие конкретных правовых договоров.

При этом согласно преамбуле Устава (Конституции) Всемирной организации здравоохранения здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней или физических дефектов.

В связи с этим необходимо иметь в виду, что одна из наиболее важных тем, рассмотренных в рамках замечаний общего порядка, – проблематика влияния ВИЧ/СПИДа на права детей. Так, в Замечании общего порядка №3 2003 г. Комитет Организации Объединенных Наций по правам ребенка отметил, что эпидемия ВИЧ/СПИДа коренным образом изменила мир, в котором живут дети. Миллионы детей были инфицированы и умерли, и

многие другие серьезно пострадали, поскольку ВИЧ/СПИД распространяется в их семьях и общинах.

Каждые две минуты девочка-подросток или молодая женщина инфицируются ВИЧ. Ежедневно 4 000 человек, из которых 1 100 молодых людей (в возрасте от 15 до 24 лет), заражаются ВИЧ. Если существующие тенденции сохранятся, то в 2025 году 1,2 миллиона человек будут заражены ВИЧ [4].

Согласно данным, опубликованным в Глобальном бюллетене Объединенной программы Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС) за 2022 год, во всем мире только половина (52%) детей, живущих с ВИЧ, получает жизненно необходимое лечение, что намного меньше, чем среди взрослых, где три четверти (76%) получают антиретровирусные препараты. Обеспокоенные замедлением прогресса в отношении детей и увеличивающимся разрывом между детьми и взрослыми, ЮНЭЙДС, ЮНИСЕФ, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и партнеры объединили глобальный альянс для обеспечения того, чтобы ни один ребенок, живущий с ВИЧ, не получил отказ в лечении, и для предотвращения новых случаев заражения ВИЧ младенцев.

Меры по борьбе с ВИЧ/СПИДом могут быть приняты при полном соблюдении прав детей и молодежи. Наиболее важными правами детей и молодежи с ВИЧ/СПИДом являются следующие: право на доступ к информации и материалам, направленным на содействие их социальному, духовному и нравственному благополучию, физическому и психическому здоровью; право на профилактическое медицинское обслуживание, половое воспитание и обучение, услуги в области планирования семьи; право на надлежащий жизненный уровень; право на неприкосновенность частной жизни; право не разлучаться с родителями; право на защиту от насилия; право на особую защиту и помощь со стороны государства; права детей-инвалидов; право на здоровье и т.д.

Стремительному развитию статуса детей и молодежи в международных отношениях способствовал Интернет, ставший центральным элементом информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим в современном мире дети и молодежь нуждаются в особой защите в цифровой среде. Их необходимо обучать тому, как уберечься от киберугроз и получить максимальную пользу от ее использования. Интернет открывает перед детьми и молодежью широкие возможности, но также создает и риски, которые могут негативно повлиять на них. Некоторые из этих рисков включают кибербуллинг, вопросы защиты данных, онлайн-ухаживание, киберпреступность и материалы о сексуальном насилии над детьми.

Единого определения цифровой среды в настоящее время не существует. Это связано с тем, что она становится все более широко распространенной и разнообразной, продолжает меняться и внедрять инновации. Цифровая среда представляет собой информационные и коммуникационные технологии, включая Интернет, мобильные и связанные с ними технологии и устройства, а также цифровые сети, базы данных, контент и услуги [5].

Доступ к цифровым технологиям не имеет особой ценности без необходимых цифровых навыков и грамотности детей и молодежи для разумного, безопасного и полноценного использования технологий. Это означает, что доступ детей и молодежи к цифровым технологиям должен рассматриваться вместе с образованием и обучением.

В Замечании общего порядка №25 2021 г. о правах детей в связи с цифровой средой [6] Комитет Организации Объединенных Наций по правам ребенка отметил, что возможности, предоставляемые цифровой средой, играют все более важную роль в развитии детей и могут иметь решающее значение для их жизни и выживания, особенно в кризисных ситуациях. Государствам следует принимать все необходимые меры для защиты детей от рисков нарушения их права на жизнь, выживание и развитие. Риски, связанные с контентом, контактами, поведением и контрактами, касаются среди прочего материалов насильственного и сексуального характера, киберагрессии и

домогательств, азартных игр, эксплуатации и посягательств, в том числе сексуального характера, а также поощрения самоубийств или деятельности, угрожающей жизни, или подстрекательства к ним, в том числе со стороны преступников или вооруженных групп, включенных в списки террористических и экстремистских организаций.

Развитие современных технологий, глобальная цифровизация и сетевизация привели к появлению новых видов насильственных преступлений против детей и молодежи, а также усовершенствованию способов и средств совершения старых.

Согласно п. «b» ст. 37 Конвенции о правах ребенка 1989 г. ни один ребенок не должен быть лишен свободы незаконным или произвольным образом. Арест, задержание или тюремное заключение детей должны осуществляться согласно закону и использоваться лишь в качестве крайних мер и в течение как можно более короткого периода времени.

Но системы правосудия не всегда соответствуют требованиям справедливости. Некоторые из них совершенно недоступны для детей и молодежи, которые могут не знать своих прав, не иметь возможности связаться с адвокатами или финансовых средств для оплаты юридических услуг. Это особенно касается уязвимых детей и молодежи, в том числе детей и молодежи из групп меньшинств, детей и молодежи с ограниченными возможностями, детей и молодежи-мигрантов, детей и молодежи в тюрьмах, следственных изоляторах и других местах лишения свободы.

Согласно п. «с» ст. 37 Конвенции о правах ребенка 1989 г. лишенные свободы дети должны пользоваться гуманным обращением и уважением достоинства их личности с учетом потребностей лиц их возраста. В частности, дети должны быть отделены от взрослых, если только не считается, что в наилучших интересах детей этого делать не следует, и иметь право поддерживать связь со своей семьей путем переписки и свиданий, за исключением особых обстоятельств.

Несмотря на эти обстоятельства, детей и молодежь могут помещать в следственные изоляторы или тюрьмы для взрослых как до, так и после суда над ними. Это означает, что девочки и мальчики могут быть задержаны на несколько лет, а в некоторых случаях и на неопределенный срок.

В соответствии с п. «d» ст. 37 Конвенции о правах ребенка 1989 г. лишённые свободы дети должны иметь право на незамедлительный доступ к правовой и другой помощи, а также право оспаривать законность лишения их свободы перед судом или другим компетентным, независимым и беспристрастным органом и право на безотлагательное принятие ими решения в отношении любого такого процессуального действия.

Детей и молодежь также задерживают за то, что они мигрируют, страдают от проблем с психическим здоровьем или «для их собственной защиты». Все чаще их помещают в центры содержания под стражей по соображениям национальной безопасности.

Содержание под стражей сказывается на психическом и физическом здоровье детей и молодежи. Ограничения движения и физической активности могут препятствовать их развитию, а неадекватное питание может привести к ухудшению здоровья. Воздействие антисанитарных условий в густонаселенных учреждениях усугубляет их восприимчивость к инфекционным заболеваниям, таким как туберкулез и ВИЧ. Задержанные дети и молодежь также могут получать травмы и проблемы с психическим здоровьем из-за одиночных заключений, жестокого обращения или пренебрежения.

Травмы детей и молодежи, подвергшихся насилию, эксплуатации или жестокому обращению, могут не исчезнуть, когда они окажутся в безопасности. Системы правосудия, предназначенные для защиты и поддержки детей и молодежи, подвергшихся гендерному насилию, детскому труду, торговле людьми и другим нарушениям прав, а также тех, кто стал свидетелями преступлений, часто могут усугубить их страдания.

Во многих странах дети и молодежь, подвергшиеся сексуальной эксплуатации или торговле людьми, в конечном итоге арестовываются и задерживаются. Вместо того, чтобы быть признанными жертвами, с ними обращаются как с правонарушителями.

Сами дети и молодежь, ставшие жертвами, в ряде случаев плохо осведомлены о своих правах. Они часто зависят от взрослых в своем окружении, чтобы привлечь нарушителей к ответственности. Плата за юридические услуги, социальные нормы и дискриминация также могут препятствовать доступу детей и их семей к системе правосудия.

В Замечании общего порядка №24 2019 г. о правах ребенка в системе правосудия Комитета Организации Объединенных Наций по правам ребенка отмечается, что ни один ребенок, не достигший 18 лет на момент совершения преступления, не должен быть приговорен к пожизненному заключению без возможности освобождения. Срок до рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении должен быть значительно короче, чем у взрослых, и реалистичным, а возможность условно-досрочного освобождения должна регулярно пересматриваться. Государства, которые приговаривают детей к пожизненным тюремным заключениям, должны предусматривать возможность освобождения или условно-досрочного освобождения. Детям, приговоренным к пожизненному заключению, должны быть обеспечены обучение, обращение и уход, направленные на их освобождение, реинтеграцию и выполнение полезных ролей в обществе. Это требует также регулярной оценки развития детей и достигнутого ими прогресса в целях вынесения решения о возможности их освобождения.

В заключение необходимо отметить, что замечания общего порядка договорных органов системы Организации Объединенных Наций, закрепляющие положения о правовом статусе детей и молодежи, могут быть использованы как для разработки международно-правовых документов, так и совершенствования национального законодательства государств.

Список источников и литературы

1. Международное право: учебник / отв. ред. А.А. Данельян, С.А. Егоров. - Москва: Проспект, 2023. С. 283-284.
2. Карташкин В.А. К 50-летию пактов о правах человека // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2. С. 12.
3. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 14: Право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), 11 августа 2000, E/C.12/2000/4 // <https://www.refworld.org.ru/docid/47ebcc3c2.html> (дата обращения: 20.03.2023).
4. Глобальный доклад ЮНЭЙДС по СПИДу 2022 // https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/2022-global-aids-update_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2023).
5. Handbook for policy makers on the rights of the child in the digital environment to support the implementation of Recommendation CM/Rec(2018)7 of the Committee of Ministers of the Council of Europe on Guidelines to respect, protect and fulfil the rights of the child in the digital environment Handbook prepared by: Sonia Livingstone Eva Lievens John Carr Council of Europe. 2020. P.
6. Комитет ООН по правам ребенка (КПР), Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой, 2 марта 2021, CRC/C/GC/25 // <https://www.refworld.org.ru/docid/60acef0d4.html> (дата обращения: 7.01.2023).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Летяев Валерий Алексеевич,
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений, мировой политики и
дипломатии Института международных отношений
Казанского федерального университета;
профессор Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
<https://orcid.org/0000-0001-7540-3099>,
valerii@letiaev.ru

Низамова Маргарита Александровна,
преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения
Казанского федерального университета,
<https://orcid.org/0000-0002-2199-4855>,
margarita-nizamova@mail.ru

Valerii A. Letiaev,
DocSc(Law), CandSc(Hist). Professor of the Department of International
Relations, World Politics and Diplomacy of the Institute of International Relations,
Kazan Federal University;
Professor of the Institute of Public Administration and Management of the
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
<https://orcid.org/0000-0001-7540-3099>,
valerii@letiaev.ru

Margarita A. Nizamova,
Lecturer at the Department of Altaic Studies and Sinology,
Kazan Federal University,
<https://orcid.org/0000-0002-2199-4855>,
margarita-nizamova@mail.ru.

ЯПОНИЯ НА ПУТИ К «ВЕДУЩЕМУ В МИРЕ ДИНАМИЧНОМУ КИБЕРПРОСТРАНСТВУ» JAPAN TOWARD “A WORLD-LEADING DYNAMIC CYBERSPACE”

Аннотация: в статье рассмотрены изменения в стратегии информационной безопасности Японии в контексте трансформации информационного пространства, проанализированы причины, обусловившие переход стратегии информационной безопасности в стратегию

кибербезопасности, а также основные изменения, которым подверглись стратегии в процессе реформирования системы информационной безопасности государства. Сделан вывод о том, что переход от информационной безопасности к кибербезопасности стал логичным ответом правительства Японии на растущую взаимозависимость информационных технологий и предприятий, наряду с увеличением количества кибератак и изменением их характера.

Ключевые слова: кибербезопасность, стратегия кибербезопасности Японии, информационная безопасность, информационные технологии, кибератаки.

Abstract: the article discusses some changes in the information security strategy of Japan in the situation of transformation of the information space. The reasons that led to the transition of the information security strategy to the cyber-security strategy, the main changes that the strategies underwent in the process of reforming the information security system of the state are analyzed. It is concluded that the transition from information security to cyber-security has become a logical response of the Japanese government to the growing interdependence of information technologies and enterprises, to the increase in the number of cyber-attacks and their changing nature.

Keywords: Japan cybersecurity strategy, information security, information technology, cyber-attacks.

Введение

Япония – страна с одним из самых высоких уровней использования Интернета. Согласно статистическим данным Центрального разведывательного управления США за 2018 год Япония занимает 6-е место по количеству пользователей, уступая лишь России, Бразилии, США, Индии и Китаю. В процентном соотношении доступ к сети Интернет имеют 90,6% частных лиц, а уровень использования информационных и

коммуникационных технологий в частных и государственных предприятиях составляет около 70% [1].

Помимо частного и корпоративного использования сети Интернет, благодаря высокому уровню развития информационных технологий и их постоянному и повсеместному внедрению внутри страны, информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) на данный момент проникают во все сферы социально-экономической инфраструктуры Японии.

Однако, несмотря на довольно высокие показатели ее цифровизации, за последние несколько лет доля Японии на рынке ИКТ упала, а сам сектор ИКТ обеспечивает примерно 9% национального ВВП. Экспорт ИКТ-товаров и технологий из Японии упал с 5% в 2012 году до 3,2% по состоянию на 2014 год, в то время как этот же показатель в других странах Азиатско-Тихоокеанского региона продолжает расти [2].

Правительство Японии активно продвигает концепцию «Общество 5.0», целью которой является внедрение передовых ИКТ, таких как IoT, IoE и Big Data в социальную, экономическую и политическую сферы жизнедеятельности. С учетом масштабов цифровизации страны обеспечение безопасности ее киберпространства выходит на передний план и становится тесно связанным с обеспечением безопасности всех сфер жизнедеятельности страны, национальных интересов государства.

В статье авторы привлекают исследовательскую литературу на русском, английском и японском языках, представляющую экспертную оценку перехода Японии от стратегии информационной безопасности к стратегии кибербезопасности. Это позволило идентифицировать не только уже поставленную нашими предшественниками исследовательскую проблематику по теме, но и внести претендующие на научную новизну дополнения в утвердившееся научное знание, конкретизировать имеющиеся в науке представления о факторах, способствующих этому переходу и его последствиям.

В своей статье *Japan's approach towards cyber security* [5] Йоко Нитта представил актуальную проблематику, посвященную созданию безопасного и устойчивого киберпространства. В другой статье *Japan's approach towards international strategy on cyber security cooperation* [6] он рассмотрел действия, предпринятые правительством Японии в области международного сотрудничества в сфере кибербезопасности. В статье Л.А. Мелконян «Подходы Японии к международному сотрудничеству в области кибербезопасности на примере АСЕАН» [2] автором отмечены основные подходы правительства Японии к решению проблем в области кибербезопасности путем выработки соответствующих стратегий и программ углубления международного сотрудничества для противостояния киберугрозам и угрозам информационной безопасности. В статье «Кибербезопасность как условие цифровизации Японии» [1] Н.С. Кулешова и А.Д. Санжиева обращались к определению уровня кибербезопасности Японии с точки зрения прогнозирования дальнейшего курса внутренней и внешней политики.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью рассмотрения проблематики кибербезопасности Японии в ее динамике с 2006 2009 год с использованием проблемно-хронологического метода исследования, что позволяет понять процесс трансформации японского информационного пространства в киберпространство. Недостаточно разработанными являются понимание эволюции подходов правительства Японии к проблеме информационной безопасности, изменения в приоритетах и целях, факторах, влияющих на формирование политики государства в данной области, выявление наиболее уязвимых в политике мест. На текущий момент исследователями уделялось недостаточно внимания оценке нормативно-правовой основы политики Японии, регулирующей сферу информационной безопасности в этой стране, что позволяет определить особенности нормативного регулирования в сфере обеспечения информационной безопасности, внести уточнения в дискурс по данной

проблематике с учетом действующих в законодательстве Японии понятийно-категориальных определений.

Результаты проведенного исследования, опирающиеся на выводы, сделанные также и другими исследователями схожей проблематики, позволили достигнуть цели исследования, заключающейся в представлении современной модели кибербезопасности Японии, выявлении факторов ее возникновения, структурных элементов и механизмов реализации этой модели, ее достаточности, возможностей и рисков, последствий, возникающих при ее реализации.

Материалы и методы

В качестве информационно-исторических источников авторы привлекли тексты стратегий информационной безопасности Японии 2006 и 2009 годов, на основе сравнительно-сопоставительного анализа которых исследована трансформация политики обеспечения информационной безопасности этой страны.

Авторы ссылаются на ежегодные отчеты, содержащие анализ эффективности предпринятых в государстве действий по реализации мер в сфере обеспечения информационной безопасности («Безопасная Япония»), опубликованные Национальным центром готовности к чрезвычайным ситуациям Японии, «Отчет по индексу киберготовности Японии», опубликованный Потомакским институтом политических исследований в 2016 году, использованы статистические данные «Индекса развития ИКТ», а также материалы средств массовой информации как источники, отражающие общественный дискурс и отношение японского общества к проблематике обеспечения кибербезопасности Японии.

Авторы применяли основные общенаучные методы анализа и синтеза для исследования базовых документов по данной проблематике, метод сравнительно-сопоставительного анализа, позволивший выявить изменения, которым подверглись стратегии в процессе реформирования системы информационной безопасности государства, а также сравнительно-

исторический подход, который определил изменения в подходах к обеспечению информационной безопасности в зависимости от актуальных на то время целей, задач и угроз.

Результаты исследования

Информационные технологии – одна из самых стремительно развивающихся областей науки и техники. Они активно внедряются в деятельность промышленных предприятий, что подвергает их возможным несанкционированным атакам, которые, в свою очередь, могут не только привести к потере определенной информации, но и остановке технологических процессов на предприятиях критической инфраструктуры. Еще в начале 2000-х годов с распространением Интернета и электронной почты участились кибератаки, направленные на личные данные, номера кредитных карт и информацию о клиентах, и с тех пор по мере цифровизации общественной жизни и экономической деятельности методы атак становятся все более изощренными, а проблема кибератак – все более очевидной⁶. Именно это обуславливает важность проведения последовательной политики в обеспечении информационной и кибербезопасности.

С первой стратегии информационной безопасности и до принятия стратегии кибербезопасности прослеживается постепенное расширение субъектов реализации мер информационной безопасности [7]. Также правительство постоянно актуализирует данные по состоянию сферы обеспечения информационной безопасности путем анализа угроз и обобщения собранных данных в ежегодных отчетах «Безопасная Япония»⁷. Таким образом, проводимая правительством Японии политика в сфере информационной безопасности отличается последовательным подходом, позволяющим обеспечить защиту критически важных объектов инфраструктуры, национальных информационных ресурсов. Разработанные

6 山田敏弘氏. 日本のサイバーセキュリティ戦略. (Ямада Тосихиро. Стратегия кибербезопасности Японии). URL: <https://tokiocyberport.tokiomarine-nichido.co.jp/cybersecurity/s/column-detail100>.

7 内閣サイバーセキュリティセンター (NISC) (Национальный центр готовности к чрезвычайным ситуациям). URL: <https://www.nisc.go.jp/policy/materials/index.html>.

стратегии соответствуют реалиям того периода, когда они были опубликованы, и отвечают национальным интересам Японии.

Переход к стратегии кибербезопасности позволил правительству Японии эффективнее справляться с растущими угрозами и вызовами в киберпространстве. Он демонстрирует более целостный подход правительства Японии к обеспечению кибербезопасности, охватывающий различные аспекты, такие как риск-менеджмент, партнерство между государством и частным сектором, международное сотрудничество, развитие человеческих ресурсов, технологическое развитие и учет его постоянного совершенствования. Кроме того, этот переход способствовал оптимизации взаимодействия между различными заинтересованными сторонами, такими как правительственные организации, промышленность, академический сектор и гражданское общество, для координирования усилий по обеспечению кибербезопасности.

Нормативно-правовое регулирование сферы информационной безопасности

Оно обеспечивается в Японии «Основным законом о кибербезопасности» №104 от 2014 года⁸, основные принципы которого были изначально заложены в «Основном законе о формировании современного информационно-телекоммуникационного сетевого общества» №144 от 2000 года⁹. 22 статья «Основного закона об информационных технологиях» гласит, что должны быть приняты меры по обеспечению безопасности и надежности передовых информационных и телекоммуникационных сетей, защите личной информации и другие необходимые меры, позволяющие

8 サイバーセキュリティ基本法. (Основной закон о кибербезопасности от 2014 г. № 104). URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=426AC1000000104>.

9 高度情報通信ネットワーク社会形成基本法 (Основной закон о формировании современного информационно-телекоммуникационного сетевого общества от 2000 г. № 144). URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=412AC0000000144_20210901_503AC00000000035.

населению спокойно и безопасно пользоваться передовыми информационными и телекоммуникационными сетями¹⁰.

Интеграция информационного пространства с киберпространством и их неизбежная взаимозависимость от реального пространства, развитие «Интернета вещей» (IoT), а также растущее количество киберугроз подвергают риску не только персональную безопасность, но и угрожают социально-экономической деятельности, деятельности предприятий критической инфраструктуры. Это обуславливает то обстоятельство, что в рамках реализации политики обеспечения информационной безопасности страны с 2006 года и по сей день правительство принимает стратегии, направленные как на определение целей государства в сфере обеспечения информационной и кибербезопасности, так и на регулирование деятельности субъектов в информационном пространстве, попадающем под юрисдикцию Японии.

На текущий момент правительство Японии выпустило две стратегии информационной безопасности – в 2006 и 2009 годах соответственно. Стратегия информационной безопасности (наряду со стратегией кибербезопасности) является одним из важнейших документов по обеспечению национальной безопасности государства. Стратегии представляют собой концептуальное понимание целей, задач и мер, необходимых для обеспечения безопасности информационного пространства.

«На пути к безопасной Японии»

Первая стратегия информационной безопасности под названием «На пути к безопасной Японии» была разработана Советом по политике и информационной безопасности и принята 2 февраля 2006 года¹¹. Генеральный план Стратегии был разработан в 2005 году и в течение следующего года редактировался и дополнялся с учетом мнений, полученных в ходе опроса

10 サイバーセキュリティ基本法. (Основной закон о кибербезопасности от 2014 г. № 104). URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=426AC1000000104>.

11 第1次情報セキュリティ基本計画 (Первая стратегия информационной безопасности от 2 февраля 2006 г.). URL: https://www.nisc.go.jp/pdf/policy/kihon-s/bpc01_ts.pdf.

организаций и частных лиц, что позволило Совету по политике и информационной безопасности учесть интересы и мнения всех заинтересованных сторон¹².

Основной целью Стратегии, определяющей планы государства в сфере обеспечения информационной безопасности сроком на три года, стало «построение новой модели государственного и частного партнерства с соответствующим распределением ролей». Стратегия базировалась на 4-х глобальных целях, которые должны были быть достигнуты к началу 2009 финансового года:

1. Безопасность всех государственных учреждений и местных органов власти должна соответствовать «единым стандартам по обеспечению информационной безопасности государственных учреждений». Для этого необходимы оценка работы каждого министерства на основе разработанных стандартов и расширение возможностей правительства, отдельных органов и предприятий по экстренному реагированию на потенциальные кибератаки.

2. Количество атак на объекты критической инфраструктуры должно быть сведено к минимуму. Для этого необходимы усовершенствование методов обмена информацией между государственными органами и органами в сфере надзора за обеспечением информационной безопасности, учреждение Совета по связям (CERTOAR Council) и проведение анализа взаимозависимости критических инфраструктур.

3. Уровень реализации контрмер по обеспечению информационной безопасности должен выйти на уровень мирового лидерства. Для этого от местных органов власти необходимо создание условий для проведения аудита информационной безопасности с использованием сторонних систем оценки безопасности инфраструктур, а также усовершенствование системы безопасности, в том числе антивирусных систем на промышленных предприятиях.

12 政府の「第1次情報セキュリティ基本計画」などが正式決定 (Официально принят «Первый базовый план стратегии информационной безопасности»). URL: <https://xtech.nikkei.com/it/article/NEWS/20060203/228572/>.

4. Осведомленность частных лиц как основных участников информационного общества должна достигнуть максимума, в то время как количество пользователей, которые чувствовали бы дискомфорт при использовании ИТ-услуг, должно быть сведено к минимуму. Для этого необходимы повышение уровня осведомленности населения в сфере информационной безопасности и предоставление удобных user-friendly интерфейсов для пользователей¹³.

Для реализации вышеуказанных целей были выдвинуты 4 смежные задачи: развитие и продвижение технологий в области информационной безопасности; укрепление международного партнерства и закрепление лидерства Японии; реализация кадровой политики по обеспечению специалистов в сфере информационной безопасности; борьба с киберпреступностью и разработка политики по защите прав и интересов физических и юридических лиц в информационном пространстве¹⁴.

Это позволило правительству Японии, наряду с Советом по политике и информационной безопасности, впервые сформулировать конкретную стратегию с четким распределением целей на каждый финансовый год, которая должна была превратить Японию в «передовую нацию в области обеспечения информационной безопасности». Первая стратегия информационной безопасности Японии была направлена на создание «новой модели государственно-частного партнерства» с соответствующим вкладом каждого участника ИКТ-сообщества в формирование безопасного информационного пространства, указала на необходимость становления Японии как передовой нации в области информационной безопасности, а также определила позицию японского правительства по вопросам информационной безопасности с точки зрения национальных приоритетов.

«На пути к созданию сильной “личности” и сильного “общества” в эпоху информационных технологий»

13 第1次情報セキュリティ基本計画 (Первая стратегия информационной безопасности от 2 февраля 2006 г.). URL: https://www.nisc.go.jp/pdf/policy/kihon-s/bpc01_ts.pdf.

14 Там же.

Вторая стратегия информационной безопасности Японии была опубликована 3 февраля 2009 года под названием «На пути к созданию сильной “личности” и сильного “общества” в эпоху информационных технологий»¹⁵. Необходимость принятия новой стратегии была обусловлена значительными изменениями в интернет-пространстве с момента принятия первой стратегии.

В отличие от первой стратегии вторая акцентирует внимание на том, что полное предотвращение информационных атак и их последствий в современных условиях не представляется возможным, из-за чего на первый план выходит необходимость их прогнозирования. В связи с тем, что информационные атаки имеют масштабные последствия, так как информационные системы с каждым годом все глубже интегрируются в различные инфраструктуры, предприятия и сферу бизнеса, правительство посчитало необходимым обеспечить непрерывное функционирование предприятий в случае информационных атак. В отличие от первой стратегии вторая уделяет особое внимание не мерам по предотвращению информационных атак, а учитывает баланс между затратами на принятие контрмер и затратами на устранение последствий и направлена на прогнозирование потенциальных информационных атак и заблаговременное планирование ответных мер.

В качестве субъектов реализации мер информационной безопасности выступают не только правительство, компании и частные лица, но и образовательные и исследовательские учреждения, поставщики услуг ИТ и средства массовой информации¹⁶. Также в Стратегии 2009 года Япония впервые позиционирует себя как страна с потенциально одним из самых высоких уровней информационной безопасности, а правительство понимает, что предпринимаемые шаги в обеспечении информационной безопасности в

15 第2次情報セキュリティ基本計画 (Вторая стратегия информационной безопасности от 3 февраля 2009 г.). URL: https://www.nisc.go.jp/pdf/policy/kihon-s/bpc02_ts.pdf.

16 第2次情報セキュリティ基本計画 (Вторая стратегия информационной безопасности от 3 февраля 2009 г.). URL: <https://xtech.nikkei.com/it/article/Keyword/20090528/330631/>.

рамках внутренней политики окажут влияние на глобальную деятельность отдельных субъектов, компаний и бизнеса¹⁷. Поэтому вторая стратегия уделяет внимание не только созданию безопасной ИТ-среды внутри страны, но и стремится внести более значимый и актуальный вклад в укрепление безопасности мирового информационного пространства в качестве передовой информационной державы.

Вторая стратегия информационной безопасности стала преемницей целей первой стратегии, но она значительно расширила масштабы обеспечения информационной безопасности и вывела их с внутригосударственного уровня на международный, увеличила количество субъектов, заинтересованных в реализации мер ее обеспечения, что позволило субъектам самостоятельно рассматривать вопросы, касающиеся информационной безопасности, а также выдвигать свои предложения в адрес органов, регулирующих данную сферу.

Переход к реализации стратегии кибербезопасности

Переход от стратегии информационной безопасности к стратегии кибербезопасности был обусловлен рядом факторов.

Во-первых, переход был определен меняющимся характером угроз в цифровом пространстве. С возрастанием сложности кибератак, расширением масштабов киберпреступности, спонсированием государствами кибератак и даже кибервойн Япония осознала необходимость сместить акцент с традиционных мер информационной безопасности на более комплексный и упреждающий подход к кибербезопасности. Этот переход был направлен на устранение возникающих угроз, которые потенциально могут нанести значительный ущерб критически важной инфраструктуре, экономике и национальной безопасности Японии.

Во-вторых, на переход Японии к стратегии кибербезопасности также повлияли глобальные тенденции в этой области. Многие страны мира

¹⁷ Там же.

принимают стратегии кибербезопасности для защиты национальных интересов и своих цифровых активов. Япония, будучи технологически развитой страной и сильно зависящей от информационных и коммуникационных технологий, признала важность согласования своего подхода к кибербезопасности с передовой международной практикой для эффективного смягчения киберугроз.

В-третьих, увеличение числа инцидентов в области кибербезопасности в Японии и связанные с этим экономические и репутационные потери также привели к переходу от стратегии информационной безопасности к стратегии кибербезопасности. С момента принятия второй стратегии информационной безопасности Япония пережила несколько громких кибератак, направленных как на государственные, так и частные организации. Эти инциденты подчеркнули необходимость более надежной и активной стратегии кибербезопасности для защиты от развивающихся угроз и эффективного реагирования на киберинциденты.

В-четвертых, защита критической инфраструктуры, включая энергетику, транспорт, финансы и телекоммуникации, является ключевой проблемой национальной безопасности Японии. Поскольку эти критически важные инфраструктурные системы все больше связаны с ИКТ и зависят от них, они уязвимы для киберугроз. Переход Японии к стратегии кибербезопасности был обусловлен необходимостью повысить безопасность своей критически важной инфраструктуры и ее устойчивость к кибератакам, обеспечить непрерывность основных услуг и свести к минимуму потенциальные сбои в экономической сфере.

В-пятых, постоянные усилия Японии по цифровой трансформации и все более широкое внедрение новых технологий, таких как «Интернет вещей» (IoT), искусственный интеллект (ИИ) и облачные вычисления, также способствовали переходу к стратегии кибербезопасности. Поскольку Япония использует эти технологии для стимулирования экономического роста и улучшения качества жизни своих граждан, необходимость защиты

конфиденциальности, целостности и доступности цифровых активов становится первостепенной, что требует комплексного подхода к кибербезопасности.

В-шестых, на переход Японии к стратегии кибербезопасности также влияют ее международные отношения и сотрудничество с другими странами. Кибербезопасность стала важной темой двусторонних и многосторонних дискуссий, и Япония признает важность сотрудничества с другими странами для эффективного противодействия киберугрозам. Сотрудничество включает в себя обмен информацией, совместные учения и инициативы по наращиванию потенциала, которые требуют согласованной стратегии кибербезопасности, чтобы координировать участие Японии в международных усилиях по кибербезопасности.

Особую роль в контексте сотрудничества играют США, влияние которых несомненно сказывается на политическом курсе Японии по обеспечению безопасности, в том числе безопасности киберпространства. Стоит отметить, что первая стратегия кибербезопасности США была опубликована в 2003 году, в то время как первая стратегия кибербезопасности Японии вышла в свет только в 2013 году, что, безусловно, демонстрирует сильное отставание Японии в области обеспечения безопасности киберпространства.

США рассматривают киберпространство в качестве пятой сферы военного противоборства, что указывает на ориентированность правительства на активное внедрение и применение кибертехнологий в военной сфере, в то время как Япония, будучи стратегическим союзником США, стремится соответствовать их стандартам. Это подтверждает и тот факт, что первая стратегия кибербезопасности Японии вышла в свет после публикации доклада Армитаж-Ная в 2012 году, в котором акцентируются важность двустороннего

сотрудничества США и Японии и необходимость стандартизации мер по обеспечению кибербезопасности¹⁸.

В то же время рост заинтересованности США в укреплении сотрудничества с Японией обусловлен противостоянием с Китаем и его стремлением вовлечь Японию в прокитайскую модель экономики путем признания ее лидерства в области информационно-коммуникационных технологий и предоставления возможности выхода на китайский рынок. Можно говорить о том, что закрепление проамериканских интересов в политике кибербезопасности Японии в Восточной Азии выгодно для обоих государств. С одной стороны, оно позволяет США укрепить свои позиции в технологическом противостоянии с Китаем, с другой стороны, позволяет Японии перенять у Соединенных Штатов опыт реализации концепции кибербезопасности и получить от них финансовую и стратегическую поддержку.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что политика кибербезопасности Японии, ввиду тесного стратегического партнерства, находится под сильным влиянием США. Однако, несмотря на это, правительство Японии старается адаптировать интересы США под свои национальные потребности и принимает во внимание собственные интересы при формировании политики кибербезопасности.

Совокупность всех вышеперечисленных факторов способствовала переходу Японии к стратегии кибербезопасности и позволила государству справиться с растущими киберугрозами, обеспечить защиту своей цифровой инфраструктуры, национальной безопасности, бизнес-сектора и граждан.

Структурные изменения

В рамках реализации новой стратегии Совет по политике в области информационной безопасности был реформирован в Стратегический штаб по обеспечению кибербезопасности и в 2013 году сформулировал первую

18 The U.S.-Japan Alliance (Альянс США и Японии). <http://goodtimesweb.org/diplomacy/2016/RL33740.pdf>.

«стратегию кибербезопасности» Японии¹⁹, которая стала продолжением стратегий информационной безопасности 2006 и 2009 годов, однако расширила сферу ответственности правительства, включив туда не только обеспечение защиты информации от несанкционированного доступа, но и защиту от вирусов, хакерских атак, подделки данных, которые могут подрвать национальную безопасность путем остановки деятельности отдельных предприятий, госструктур и предприятий критической инфраструктуры.

В отличие от стратегий информационной безопасности стратегии кибербезопасности акцентировали внимание не только на преимуществах развития сферы информационно-коммуникационных технологий, но и на связанных с развитием рисках и угрозах. В процессе структурных изменений, произошедших в 2015–2016 годах, ответственность за обеспечение кибербезопасности перешла на Национальный центр готовности к чрезвычайным ситуациям, в рамках которого функционирует Стратегический штаб по обеспечению кибербезопасности.

Сконцентрировав свои усилия вокруг обеспечения безопасности предприятий, правительство сформировало Агентство поддержки кибербезопасности в сфере промышленности, целями которого стали защита промышленных предприятий и предприятий критической инфраструктуры, а также обеспечение их бесперебойной работы и подготовка сценариев в случае несанкционированных кибератак.

Таким образом, переход Японии от стратегии информационной безопасности к стратегии кибербезопасности был обусловлен в первую очередь тем, что Япония столкнулась с растущим числом кибератак, которые выходили за рамки контроля информационной безопасности. Японские власти были обеспокоены тем, что кибератаки могут привести к кризису национальной безопасности, и в этой связи начали активно развивать

19 サイバーセキュリティ戦略 (Стратегия кибербезопасности от 10 июня 2013г.). URL: <https://www.nisc.go.jp/pdf/policy/kihon-s/cyber-security-senryaku-set.pdf>.

политику кибербезопасности, включающую в себя создание национальной системы кибербезопасности и разработку мер по защите критической инфраструктуры страны.

Принятие стратегии кибербезопасности позволило правительству значительно расширить сферу обеспечения информационной безопасности, актуализировав существовавшие до этого подходы путем анализа постоянно изменяющегося характера киберугроз и разработки методов по снижению их негативного влияния. Правительство Японии работает над созданием комплексной системы обеспечения безопасности информации от киберугроз, а также ведет работу по разработке и внедрению новых технологий защиты информации и систем ее хранения в соответствии с актуальными вызовами.

Выводы

Подход правительства Японии к обеспечению безопасности информационного пространства последователен, а стратегия кибербезопасности стала логичным ответом на меняющийся ландшафт угроз, глобальные тенденции в области кибербезопасности, увеличение количества инцидентов в области кибербезопасности, защиту критически важной инфраструктуры, цифровую трансформацию, а также международные отношения и сотрудничество. Этот сдвиг отражает признание Японией растущей важности кибербезопасности в качестве приоритета национальной безопасности и необходимости адаптации своего подхода для снижения числа кибератак и эффективного реагирования на них в эпоху цифровых технологий.

Переход к стратегии кибербезопасности определяет комплексный подход и признание правительством киберпространства как места, требующего скоординированных усилий различных секторов, включая правительство, промышленность, академические круги и граждан. Стратегия направлена на необходимость постоянного совершенствования системы кибербезопасности Японии, акцентируя внимание на регулярном пересмотре

и обновлении мер, политики и структур кибербезопасности, чтобы бороться с новыми угрозами и технологиями.

Япония является одной из передовых стран в области информационных технологий и придает большое значение кибербезопасности. Правительство своевременно реагирует на изменения характера киберугроз, принимая эффективные меры для защиты своих критических информационных систем и инфраструктуры от возможных угроз.

Список источников

1. Кулешова Н. С. Санжиева А. Д. Кибербезопасность как условие цифровизации Японии [Cyber-security as a requirement for the digitalization of Japan] // Вопросы политологии. 2021. № 1(65). С. 206-215.
2. Мелконян Л. А. Подходы Японии к международному сотрудничеству в области кибербезопасности на примере АСЕАН [Japan's approaches to international cooperation in the sphere of cyber-security on the example of ASEAN] // Проблемы дальнего Востока. 2022. № 2. С. 49-62.
3. Хатауэй М., Демчак К., Кербен Д., МакАрдл Д., Спидальери Ф. Киберготовность Японии: краткий обзор: 2016 [Japan's Cyber Readiness: A Brief Review: 2016] Потомакский Институт политических исследований, 2016. 23с.
4. Яковлева А. В., Вакуленко П. С. Общество 5.0 и кибербезопасность Японии (Society 5.0 and Cyber-security in Japan) // Экономика и предпринимательство. 2019. №4 (105). С. 225-230.
5. Nitta Y. Japan's approach towards cyber security [Подход Японии к кибербезопасности]. 2013: Japan Science and Technology Agency (JST) / Research Institute of Science and Technology Agency (RISTEX). 6 с.
6. Nitta Y. Japan's approach towards international strategy on cyber security cooperation [Подход Японии к международной стратегии сотрудничества в области кибербезопасности]. 2013: Японское агентство науки и технологий

(JST)]. 2013: Japan Science and Technology Agency (JST)/ Research Institute of Science and Technology Agency (RISTEX). 6 с.

7. 三角育生. 我が国のサイバーセキュリティ戦略策定の背景 // 国立情報学研究所. – 2020. – P. 39-46. [Икуо Мисуми. Предыстория стратегии кибербезопасности Японии [The background of the development of Japan's Cyber-security Strategies]] // National Institute of Informatics. 2020:39-46.

УДК 327, 322

Шангараев Руслан Насимович,

доктор политических наук, кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности,
Дипломатическая академия МИД России,
shang143@mail.ru

Тимакова Ольга Александровна,

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России,
o.timakova@dipacademy.ru

Ruslan N. Shangaraev,

Doctor of Science, Associate Professor of the Department of Public Administration
in Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
shang143@mail.ru

Olga A. Timakova,

Ph.D. (Political Science), Associate Professor of the Department of Political
Theory and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
o.timakova@dipacademy.ru

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОТ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО
КОНФЛИКТА К МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМУ
ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЮ**

**MULTICULTURALISM IN EU POLITICAL PROCESS:
FROM CROSS-CULTURAL CONFLICT
TO INTERFAITH INTERPENETRATION**

Аннотация: религия остается одним из ключевых факторов, определяющих контуры современного мироустройства. Она существенно влияет на картины мира разных человеческих сообществ, что в итоге проявляется во всех сферах жизнедеятельности – от политики, экономики, права до культуры, искусства и науки. А потому в последнее время все ярче проявляет себя объективная потребность научного осмысления влияния религиозного фактора на современный мир не только в свете глобализации, но и разных культур и контекстов. Целью данного исследования является

выявление особенностей эволюции влияния религии на развитие политического процесса в Европейском союзе. Данная работа призвана внести вклад в дискуссию о месте и роли религии в современном мире, в частности на современном Западе, и не предполагает предоставление окончательных ответов на те комплексные вопросы, которые возникают в условиях постсекулярного общества в Европе. Положения и выводы статьи могут быть использованы для анализа процессов на всем евразийском пространстве. Европейские страны сталкиваются с возвращением религии на повестку дня во внутренней и внешней политике. В качестве основной методологии работы был избран фронтальный подход, который позволил рассмотреть пространство ЕС как территорию, где исторически происходили процессы активных межкультурных контактов и культурных заимствований, предельно актуализирующих именно религиозную составляющую специфической фронтальной идентичности. В работе рассмотрено сразу несколько измерений фронтальности: Европа никогда не представляла из себя ни монокультурного (англосаксонская и континентальная традиции), ни монорелигиозного пространства (католики, протестанты). Однако трансгрессивные процессы по линии соприкосновения христианства и ислама оттеснили, консолидировали все прочие фронтальности и сегодня оказывают решающее воздействие на развитие ЕС.

Ключевые слова: религия, постсекуляризм, Европейский союз, ислам, христианство, современность, мультикультурализм, миграция, конфликт.

Abstract: religion continues to be one of the key factors determining the contours of the modern world order. Indeed, in the modern world, religion can no longer be perceived as something separate from politics, economics, culture, law or art. Religion is the fundamental principle of many modern world processes. Therefore, in recent years, it is objectively necessary to scientifically understand the influence of the religious factor on the modern world, not only in the light of globalization, but also in the light of different cultures and contexts. The purpose of this study is to determine the historical context and the current state of the level of

influence of religion on the development of the political process in the European Union. This study is a contribution to the discussion about the place and role of religion in the modern world, in particular in the region of the "collective West" and does not imply the provision of definitive answers or solutions to those complex questions that arise in the conditions of post-secular society in Europe. The provisions and conclusions of the article can be used to analyze the processes throughout the Eurasian space. Thus, European countries face the return of religion to the agenda in domestic and foreign policy. The frontier approach was chosen as the main methodology of the work, which allowed to consider the EU space as a territory where historically there have been processes of active intercultural contacts and cultural borrowing, which are extremely relevant to the religious component of the specific frontier identity. The paper considers several dimensions of frontierism: Europe has never represented either a monocultural (Anglo-Saxon and Continental traditions) or a monoreligious space (Catholics, Protestants). However, the transgressive processes along the line of contact between Christianity and Islam have pushed aside and consolidated all other frontiers and today have a decisive impact on the development of the EU.

Keywords: religion, post-secularism, European Union, Islam, Christianity, modernity, multiculturalism, migration, conflict.

Научный дискурс о влиянии религиозного фактора на развитие политического и нормативного процессов в Европейском союзе

Вопрос о соотношении религии и современности является ключевым для любого «дискурса о модерне». Ведь это не только вопрос о том, как современность и связанные с ней процессы модернизации влияют на традиционные формы религии. Это еще и вопрос о природе самой современности, ее религиозных и теологических корнях, который так или иначе возникает как в сугубо теоретических дискуссиях [18; 12], так и в текущей политической повестке [3; 1].

Понятие границ, понимаемое на заре модерна как исключительно географическое, в современности становится все менее связанным с конкретными территориями, что означает, что граница как понятие уже по большей части политическое (как различение своего и чужого) проводится на ментальном уровне – в сознании любого мыслящего субъекта. Там же возможно формирование в «фронтальной реальности», в которой свое и чужое, сосуществуя, синтезируются.

Фронтальное состояние религиозного самосознания как одного из наиболее глубоко укорененных слоев самоидентификации довольно долгое время не рассматривалось как нечто возможное, как реально существующий феномен – вплоть до начала постсекулярной эпохи.

Евросекулярность как феномен влияния религии на современный мир

Социальные науки, прежде всего социология религии, в XX–XXI веках предложили несколько концепций, призванных объяснить такое соотношение. Самой известной и влиятельной из них стала теория секуляризации, являвшаяся подразделом более общей теории модернизации, которая постулировала принципиальную несовместимость современности и религии [25; 5]. Как правило, в центре внимания ключевых исследователей, например П. Бергера и Б. Уилсона, находился ряд стран Европы, прежде всего Англия и Франция, и в какой-то степени США. Именно на основе анализа этих обществ, считавшихся пионерами в области секуляризации и модернизации, делались выводы о соотношении современности и религии. При этом религиозные трансформации, происходящие в Европе и до определенной мере в США, позиционировались вполне в духе гегелевской философии истории, т.е. как имеющие всемирно-историческое значение.

Изучение примеров европейских обществ позволило исследователям сделать вроде бы однозначный вывод о том, что модернизация неминуемо ведет к упадку религии, то есть к секуляризации, понимаемой как «процесс,

посредством которого религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свое социальное значение» [28]. Секуляризация мыслилась как основной религиозный процесс современности [27]. Более того, современность и секуляризация окончательно сплетаются в неразрывное единство, так что секулярность становится одним из тех признаков, через которые, собственно, и определялась современность, а также современное общество.

Однако стоит отметить, что на современном этапе модернизация, связанная с социальной дифференциацией и плюрализацией, ведет не к упадку религии, а, наоборот, к ее расцвету. А значит, современность не отрицает религии, а создает максимально благоприятные условия для ее существования.

Фактором, наводящим на мысль о неоспоримом влиянии религии на современность, стал целый ряд глобальных событий, самым ярким из которых следует считать Иранскую революцию 1979 года, приведшую к свержению шахского режима – одного из самых модернизированных ближневосточных режимов – и установлению жесткой исламской теократии. Во-первых, данная революция доказала, что религиозный фундаментализм является реальной силой, способной оказывать серьезное и, главное, продолжительное влияние на ход исторических процессов. Во-вторых, оказалось, что возможен возврат к религиозным догмам и в постсекулярную эпоху и что модернизация не обязательно ведет к превращению модернизирующегося общества в западный прототип. В-третьих, революция оказала отрезвляющее воздействие на многих западных интеллектуалов, понявших, что религия, в частности ислам, – это не архаичная сила, не зависящая переменная, сжимающаяся под влиянием неминуемых социальных преобразований, но мощная и, более того, революционная идеология. В каком-то смысле можно говорить, что мир после Иранской революции 1979 года вступил в новую фазу – постсекулярную, с точки зрения западных интеллектуалов [6; 7].

Церковь в постсекулярном мире, стремясь сохраниться как структура, в итоге явно склоняется в сторону экуменизации и бюрократизации [19].

Именно на этапе постсекуляризации религиозный фактор вполне может возвратиться в жизнь человека и общества, принимая подчас самые причудливые формы – от ренессанса Бога и абсолютной истины до первобытных суеверий.

Сам по себе религиозный плюрализм в Европе означает возможность дробления социокультурной реальности, что, в свою очередь, ведет к установлению границ не только по внешнему контуру (отделить свое от чужого), но и внутри социальной общности. Для в целом более или менее консолидированных европейских сообществ справедливо было бы утверждать, что контактная функция таких часто условно проведенных внутренних границ значительно превалирует над барьерной, а значит, и фронтирность становится неотъемлемой характеристикой всех внутренних, в том числе и конфессиональных, процессов.

Время модерна не дает примеров фронтирного синкретизма авраамических религий (симбиотически могли существовать только монотеизм и язычество при безусловном доминировании первого). При этом наблюдалась постоянно растущая динамика перехода из одной монотеистической традиции в другую (в результате вступления в брак представителей разных конфессий, индивидуальных экзистенциальных озарений и т.д.) Но, судя по всему, постсекулярность, понимаемая прежде всего как псевдорелигиозность, способна выполнить роль синтезатора в формировании целостного духовного пространства Евросоюза посредством мозаичных трансгрессивных практик.

Евроислам в современном мире

Следует отметить, что возрождение роли религии не ограничивается мусульманским миром [10]. Западный мир, в частности Европейский союз, переживает тот же процесс, хотя и не по собственному желанию [20]. Другие исследователи полагают, что это не столько возрождение роли религии, сколько, наконец, признание постсекулярным Западом, что роль религии никогда не угасала [13].

Европоцентричность в современных социальных науках и гуманитарных исследованиях настаивает на неоспоримом праве по европейскому образцу интерпретировать фундаментальные концепции и термины, устанавливающие нормы и принципы мирового порядка. Тем самым возникает почва для неразрешимых ценностных споров о совместимости ислама и западной современности, которая неотъемлемо включает концепции прав человека, секуляризма и демократии. Результатом этого процесса стали такие известные концепции, как «взлет и упадок», «столкновение цивилизаций», «новые крестовые походы» и «конец Европы» [10]. По утверждению профильных исследователей, именно общепринятая самооценка современных европейских обществ как принципиально нетрадиционных – в противовес другим (все еще) традиционным обществам (концепция «Запад против остальных») – обладает мощными функциями легитимации многих решений стран Европы.

Отсюда само собой разумеющееся следствие: европейцы полагают, что большинство деструктивных процессов в мире порождается религиозными мотивами и проблемами в противоположность аналогичным европейским процессам. Вместо разговора об «американской исключительности» эксперты заговорили, наоборот, о «европейской исключительности», «евросекулярности» [22; 23; 24].

В современной Европе Ближний Восток ассоциируется со сценариями угрозы и кризисов «арабской весны», терроризмом, деспотическими формами правления, непросвещенными традициями и радикализмом, демографическими взрывами и миграцией. Перманентная нестабильность на Ближнем Востоке и в Северной Африке также оказывает влияние на мусульманские общины в Европе. Действия радикальных группировок и террористических организаций, прикрывающихся религиозными мотивами, в XXI веке создают неблагоприятные условия для жизни мусульман в Европе, подпитывают религиозные и национальные стереотипы и некорректное восприятие. Исламский фактор для Европейском союза из вопроса

исключительной компетенции внешней политики переходит в сферу политики внутренней. В связи с чем руководство Европейского союза уделяет исламскому миру предельно пристальное внимание.

Несмотря на давние отношения, культурные и исторические связи между европейской цивилизацией и исламским миром, общая память колониального прошлого основывается на неравенстве – угнетателе и угнетаемом. Европа решительно продвигает повестку дня «хорошего управления», демократии и прав человека, в то время как мусульманская сторона реагирует отторжением навязываемых концепций.

Независимо от того, что мусульмане в Европе исповедуют одну религию, они не создали единое сообщество. Как отмечают исследователи, причин тому несколько: разница в национальностях и этносах, в продолжительности проживания в Европе и, наконец, в политических взглядах. А значит, не может быть решен вопрос общей представительности, ведь в отсутствие единого мусульманского общества в Европе легитимность элиты всегда будет стоять под вопросом. В то же время такую ситуацию можно объяснить, например, общим низким социально-экономическим уровнем жизни мусульманских общин. По данным статистики, показатели доходов европейских мусульманских домохозяйств являются наименьшими в большинстве стран Западной Европы [16].

Евробюрократы к тому же не рассматривают представителей мусульманского меньшинства как равноправных политических партнеров, следовательно, никакие серьезные переговоры между ними невозможны. Показателен пример яростных дискуссий в различных европейских странах о ношении хиджаба – бытовой вопрос, который представители мусульманских общин не могут разрешить с национальными властями на протяжении многих лет.

Подобно тому, как в Европе нет единого мусульманского общества, нет и общего европейского понимания политики в отношении мусульманских граждан Европейского союза.

Вопрос будущего развития Европейского союза невозможно исследовать без учета религиозной, в частности исламской, составляющей. Опросы общественного мнения показывают неутешительную картину отношения европейцев к ценностям мультикультурализма. С одной стороны, 75% респондентов приветствуют развитие толерантного и многокультурного общества и 86% не поддерживают дискриминацию по любому признаку (расы, религии, культуры). С другой стороны, почти треть респондентов признает, что расовая принадлежность имеет значение, и почти половина уверена, что национальные и религиозные меньшинства используют в своих интересах систему социальных пособий и часто злоупотребляют ей, что ведет к ухудшению безопасности в стране [15]. Кроме того, другой опрос показал, что больше 60% опрошенных настаивают, что именно из-за групп меньшинств многие европейцы теряют рабочие места [21].

Европейские политики с начала XXI века тратят много сил на то, чтобы избежать межрелигиозных споров и убедить население в том, что международная война с терроризмом, которую ведет Запад, – это не война с исламом. Тем не менее на обывательском уровне мусульман продолжают связывать с фундаментализмом и радикализмом. Такая ситуация усиливает предвзятое восприятие в европейском обществе всего, что связано с «исламом», как проблемы для Запада. В результате растет недоверие в обществе, ставится под вопрос роль мусульман в Европе в целом. Из этой проблемы следует три вопроса: представленность мусульман в публичной сфере, их признание в публичной сфере как равноправных партнеров, взаимоотношения между коренным населением и мусульманскими общинами.

Таким образом, фронтальная ситуация уже фактически сформирована в большинстве крупных европейских агломераций, где стихийно или целенаправленно выросли районы компактного проживания иноземцев, главной объединяющей характеристикой которых для автохтонного населения является именно вероисповедание (хотя сами мигранты этого единства не признают). Примечательно, что эта ситуация характерна не только для

приграничных населенных пунктов по периметру южных и юго-восточных границ ЕС, но и для разноразмерных городских и даже сельских поселений в самом сердце единой Европы (от Балларо в Палермо и Нойштадт-Нойшёнфельд в Лейпциге до Ринкебю в Стокгольме).

Религиозный вопрос становится водоразделом между двумя сторонами или преднамеренно используется с этой целью. В условиях когда страны Европы по-прежнему не понимают, как решать вопросы, связанные с религией, это фактически парализует их политику.

Фронтиры как области соприкосновения кросс-культурных современностей политического процесса в Европейском союзе

Таким образом, подводя итог осмыслению соотношения религии и современности, под которой в данном контексте мы понимаем уже постсекулярную эпоху, можно привести слова известного британского социолога Петера Вагнера, утверждающего: «Итогом осмысления влияния религии на постсекулярное общество стал отказ исследователей от любых всеохватных подходов к анализу совокупных социальных конфигураций и их исторических траекторий. Сравнительная историческая социология оказалась в ситуации хаоса» [2, с. 138].

Судя по всему, той теоретической оптикой, которая на современном этапе позволяет решить стоящие перед исследователями проблемы соотношения религии и современности, становится концепция «множественных современностей», сформулированная израильским ученым Шмуэлем Эйзенштадтом (1923–2010 гг.) в статье «Множественные современности» [7].

Отказ осмысливать современность в единственном числе позволяет отделить современность как идею от ее воплощений в западных обществах. Как поясняет Эйзенштадт, «западные паттерны современности не являются единственными "аутентичными" современностями, хотя они и пользуются историческим преимуществом и продолжают оставаться основной точкой отсчета для всех остальных» [14].

Данный теоретический подход позволяет не только расширить научный дискурс, который ведется вокруг проблемы соотношения религии и современности, но и по-новому взглянуть на многие процессы, происходящие в мире. Собственно, один из наиболее интересных вопросов сегодня – это вопрос о том, как именно будет преломляться созданная на европейском материале модель секуляризации, европейская модель соотношения модернизации и религии при перенесении в иные культуры и контексты, скажем, общество, исповедующее ислам или конфуцианство [4].

При этом, на наш взгляд, необходимо сделать акцент еще на одном важном моменте. До сих пор вопрос о соотношении современности и религии рассматривался в основном лишь в ракурсе того, как первая влияет на вторую. Однако концепция множественных современностей позволяет поставить вопрос и об обратном влиянии: как религия не просто влияет, но зачастую и определяет те конкретные формы, которые принимает современность [9; 17].

Однако этот возврат в эпоху постсекулярности имеет мало общего с глубокой укорененностью в массовом бессознательном. И если постмодернисты используют термин «симулякр» («копия», «паттерн без референта в реальности») для обозначения этой поверхностности суждений и верований, то в более широком научном дискурсе применяется терминология, основанная на понятии «гражданская религия». Христианство в этом направлении развивается уже не первое десятилетие, для мусульманской традиции – это довольно новый тренд. Однако их неминуемо уплотняющееся соседство в рамках ЕС активно способствует формированию того фронтального пространства, которое в конечном итоге будет характеризоваться высоким уровнем синтеза догматики и этики двух мировых религий, но при этом мироощущение носителей этой далекой от религиозности (в понимании начала эпохи модерна) синкретичности сохранит черты постсекулярности.

Список литературы

1. Архимандрит Тихон (Шевкунов) (2014), С Божьей помощью возможно все! О Вере и Отечестве. Москва: Изборский клуб.
2. Вагнер П. (2012), Современность новых обществ: Южная Африка, Бразилия и перспективы мир-социологии // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом, № 1(30), сс. 138-164.
3. Митрофанова А. В. (2004), Политизация «православного мира». Москва: Наука.
4. Розатти М. (2012), Турецкая лаборатория: локальная современность и постсекулярное в Турции // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом, № 1(30), сс. 111-137.
5. Салмин А. М. (2005), Церковь, государство и политика в католическом мире // Полис. Политические исследования, № 6, сс. 147–171.
6. Хабермас Ю. (2008), Постсекулярное общество – что это? // Российская философская газета, № 4(18), апрель.
7. Эйзенштадт Ш. (2012), Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом, № 1(30), сс. 33-56.
8. Arnason, J. P., Eisenstadt, Sh. N., and Wittrock, B. (2005), Axial Civilization and World History. Leiden, Boston: Brill.
9. Aron, R. (1938), Introduction a la philosophie de l’histoire. Paris: Editions Gallimard.
10. Berger, M. (2010), Religion and Islam in Contemporary International Relations, Netherlands Institute of International Relations ‘Clingendael’ website, available at: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20100400_cdsp_book_mberger.pdf (accessed 08 April 2021).
11. Berger, P. (1999), Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Washington DC: Ethics and Public Policy Centre.
12. Blumenberg, H. (1996), Die Legitimität der Neuzeit. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

13. Casanova, J. (1994), *Public Religions in the Modern World*. Chicago IL: University of Chicago Press.
14. Eisenstadt, Sh. N. (2000), “Multiple Modernities”, *Daedalus*, 129 (1), pp. 1-29.
15. Esposito, J. L. (2002), *Islam as a Western Phenomenon, Islam in Europe and the United States*. Washington: Centre for Strategic and International Studies.
16. EU Agency for Fundamental Rights (FRA) (2006), *Muslims in the European Union. Discrimination and Islamophobia*. UN Refugee Agency website, available at: <http://www.refworld.org/docid/49997affd.html> (accessed 08 April 2021).
17. Huizinga, J. (1954), *Geschichte und Kultur: Gessammelte Aufsätze*. Stuttgart : Alred Kroener Verlag.
18. Loewith, K. (1953), *Weltgeschichte und Heilsgeschichte. Die Theologischen Voraussetzungen der Geschichtsphilosophie*. Stuttgart: Springer.
19. Luckman, Th. (1970), *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. London: Collier – Macmillan.
20. Micklethwait, J., and Wooldridge, A. (2009), *God is Back: How the Global Revival of Faith is changing the World*. New York: Penguin Press.
21. Perocco, F. (2018), “Anti-Migrant Islamophobia in Europe. Social roots, mechanisms and actors”. *REMHU, Rev. Interdiscip. Mobil. Hum.*, 26(53), pp. 25-40.
22. Stark, R., and Bainbridge, W. S. (1985), *The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation*. Berkeley: University of California press.
23. Stark, R., and Finke, R. (2000), *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley: University of California press.
24. Stark, R., and Iannaccone, L. (1994), “A Supply-side Reinterpretation of the “Secularization” of Europe”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 33(3), pp. 230-252.
25. Swatos, W. H., and Olson, D. V. A. (2000), *The Secularization Debate*. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.

26. Warner, R. S. (1994), “Work in Progress Toward a New Paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States”, *American Journal of Sociology*, 98(5), pp. 1044-1093.

27. Wilson, B. (1976), *Contemporary Transformation of a religion*. Oxford: Clarendon press.

28. Wilson, B. (1996), *Religion in Secular Society: a Sociological Comment*. London: Watts.

Борисов Алексей Владимирович,
кандидат философских наук, доцент,
Дипломатическая академия МИД России,
aborisof@gmail.com

Alexey V. Borisov,
Ph.D. (Philosophy), Associate Professor,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
aborisof@gmail.com

СОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

INTERNATIONAL DEVELOPMENT ASSISTANCE IN FOREIGN POLICY PRACTICE: PROBLEM OF INSTITUTIONALIZATION

Аннотация: при постулировании значимости содействия международному развитию в качестве важного инструмента внешней политики в отечественной практике оно рассматривается как совокупность мероприятий по оказанию помощи иностранным государствам. Вместе с тем опыт формирования глобальной системы содействия развитию, основы которой заложили США, позволяет рассматривать эту деятельность как институт глобального управления, обеспечивающий поддержку внешнеполитических инициатив стран, которые стояли у истоков данного института. Автор указывает на необходимость пересмотра отечественной концепции содействия развитию, определения целей, форм, методов и правил участия исходя из национальных интересов и приоритетов России.

Ключевые слова: внешняя политика, гуманитарное сотрудничество, международная помощь, «мягкая сила», содействие международному развитию, ОЭСР, Россия, США, USAID.

Abstract: while postulating the importance of international development assistance as a significant instrument of foreign policy, it is considered in domestic practice as a set of measures to provide assistance to foreign states. At the same time, the background of forming a global development assistance system that has the

United States at its origins, allows us to consider this activity as an institution of global governance that provides support for the foreign policy initiatives of the countries that stood at the origins of this institution. The author points to the need to revise the Russia's national concept of development assistance, to determine the goals, forms, methods and rules of participation based on the national interests and priorities of Russia.

Keywords: foreign policy, humanitarian cooperation, international aid, “soft power”, international development assistance, OECD, Russia, USA, USAID.

Упоминание в новой редакции Стратегии национальной безопасности России в качестве задачи, решение которой будет способствовать осуществлению целей внешней политики России, «активизации сотрудничества в сфере содействия международному развитию» [18] указывает на сложившееся в России отношение к содействию международному развитию (далее – СМР) как к некоему универсальному виду деятельности, которая при полном согласии ее участников способствует достижению «благой» цели. Подобный вывод можно сделать и потому, что в отечественной нормотворческой практике и практике стратегического планирования не содержится четкого определения самого понятия «содействие международному развитию». В предыдущей редакции Концепции внешней политики России лишь указывается на то, что содействие международному развитию «является одним из механизмов решения глобальных и региональных проблем, укрепления международной безопасности и политической стабильности» [7], однако не поясняется ни структура, ни способ задействования означенного механизма. В актуальной версии Концепции указывается на цели, которые могут быть достигнуты в результате деятельности по содействию международному развитию. К таковым относятся: «...повышение устойчивости системы международных отношений к кризисам, улучшение социально-экономической и гуманитарной ситуации в мире, ликвидация последствий вооруженных конфликтов,

реализация Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [6]. Однако глобальность целей, по мнению автора, лишь маскирует непонимание сути и назначения инструмента.

Не способствует пониманию сущности и назначения содействия мировому развитию как внешнеполитического инструмента и Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. Если в редакции 2007 года содействие международному развитию сводилось к «...оказанию зарубежным странам финансовой, технической, гуманитарной и иной помощи, призванной способствовать социально-экономическому развитию государств-реципиентов, урегулированию кризисных ситуаций, возникающих вследствие стихийных явлений и/или международных конфликтов, а также укреплению международных позиций и авторитета Российской Федерации» [9], то в Концепции редакции 2014 года СМР сводится к «оказанию иностранным государствам технической, финансовой, гуманитарной и иной помощи, направленной на устойчивое социально-экономическое развитие государств - получателей помощи...» [8]. Это не только не позволяет со всей определенностью ставить знак равенства между помощью (вне зависимости от ее форм) и СМР, но и не способствует четкому определению последнего. Изменения, внесенные в Концепцию в марте 2023 года, не привели к уточнениям в трактовке содействия развитию [20].

Неопределенность содействия международному развитию в практике государственного управления находит отражение и в научном дискурсе. Большинство отечественных исследователей, занимающихся проблематикой содействия международному развитию, рассматривают СМР лишь как международную/иностранную помощь. Так, в отечественном учебном пособии «Содействие международному развитию», изданном в коллаборации со Всемирным банком в 2012 году, указано, что «оптимальным на сегодняшний день является определение содействия развитию как части

иностранный помощи, предоставляемой правительствами стран-доноров развивающимся странам» [17, с. 72].

Вместе с тем ответ на вопрос, что есть содействие развитию, далеко не праздный. Он позволяет понять приемлемость СМР в качестве внешнеполитического инструмента, его возможности и ограничения. Это тем более актуально в связи с реализацией распоряжения Правительства РФ от 28 мая 2021 года № 1392-р, включающего в перечень государственных программ «Содействие международному развитию». Разработка государственной программы невозможна вне представления о том, какие мероприятия и с какой целью будут взаимоувязаны «по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам» [14]. К сожалению, ответа на данный вопрос нет и по сей день. Возможно, что именно по этой причине на портале Правительства России сообщается, что государственная программа «Содействие международному развитию» находится в стадии разработки [15].

Постулируя необходимость активизации участия России в сфере СМР, мы, очевидно, упускаем из виду, что это не просто «...часть иностранной помощи, предоставляемой правительствами стран-доноров развивающимся странам» [17, с. 72], а политический институт, то есть устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок и организаций, регулирующих усилия государств и организаций (как международных, так и национальных) в сфере оказания помощи. Этот институт был сформирован в определенное время и с определенными целями. Поиск сервис Google Ngram Viewer показывает, что активное использование термина начинается в 40-х годах XX века, а первое пиковое значение приходится на 1947 год [23] – начало холодной войны и соревнования двух идеологических, политических и экономических систем.

Бангладешский экономист и общественный деятель, профессор Джахангирнагарского университета Ану Мухаммад Анисур Рахман достаточно удачно формулирует цели, которые преследуются в рамках содействия международному развитию: «Угрозе большевистской революции,

вдохновляющей социальные революции в странах третьего мира, противопоставили обещание “развития”, которое поможет неразвитым обществам догнать “развитые”. Развитие определялось исключительно в экономических терминах, сводя прогресс и зрелось общества исключительно к его производительности» [16, с. 81]. Спорным в этом заявлении представляется лишь «экономизация» развития, ситуативная же обусловленность возникновения содействия международному развитию как комплексных программ помощи несомненна. Зарождение и расцвет содействия международному развитию приходится на период холодной войны. С этой позицией солидарен Генеральный секретарь ООН Бутрос Б. Гали, который, представляя Повестку дня для развития в 1994 году, заявляет о том, что «соревнование за влияние в годы “холодной войны” стимулировало интерес к развитию», но с сожалением констатирует, что «окончание глобального противостояния привело к кризису в содействии развитию» [11].

Практически во всех исследованиях, посвященных истории, теории и практике СМР, точкой отсчета в практике содействия развитию указывается инаугурационная речь президента США Г. Трумэна 1949 года [1], в четвертом пункте которой он заявил об обязанности США приступить к «... смелой новой программе, чтобы использовать преимущества наших научных достижений и промышленного прогресса для роста и развитие слаборазвитых регионов» [19, с. 298]. Основная цель содействия развитию, заявленная Трумэном, – «...помощь свободным народам мира, чтобы они собственными усилиями смогли производить больше продуктов, больше одежды, больше предметов для домашнего хозяйства, а также больше всевозможных механических устройств...» [25]. Рефрен «программы четвертого пункта» – содействие национальным усилиям неразвитых стран посредством предоставления экспертной помощи, доступа к знаниям, привлечения инвестиций.

Однако, в силу целого ряда причин, широко анонсированная Трумэном программа содействия развитию не приобрела системный характер, не получила должного развития и институционального закрепления,

переродившись в некий придаток программ военной и экономической помощи союзникам США. Вместе с тем инициатива президента США привела к первой попытке ее нормативного и организационного оформления [31], вызвала и стимулировала широкую академическую, экспертную и административную дискуссию, в ходе которой сформулированы базовые признаки деятельности в области СМР, нашедшие воплощение в международной практике в 60–70-х годах XX века.

Во-первых, содействие международному развитию не рассматривалось как акт помощи «отсталым» народам или акт благотворительности. Цели «программы четвертого пункта» были сформулированы достаточно четко: предложение привлекательной модели социально-экономического развития, расширение зоны американского влияния и формирование выгодного для США мирового экономического порядка. Эти взаимосвязанные цели были обусловлены не только противостоянием с СССР, но и экономическими потребностями США. Трумэн заявляет в письме своему специальному помощнику Гордону Грею: «...Чрезвычайная помощь, конечно, является временной мерой. Нашей основной целью является содействие построению структуры международных экономических отношений, которая позволит каждой стране через свободный поток товаров и капитала достичь здорового экономического роста без необходимости в специальной финансовой помощи. ... Сейчас мы являемся страной-кредитором, и этот факт имеет важное значение как для нашей внутренней, так и для внешней политики. Мы не можем продолжать продавать наши товары за границу или получать отдачу от наших государственных и частных инвестиций за рубежом, если иностранные государства не смогут изыскать средств для платежей» [36].

Содействие развитию рассматривалось как долгосрочный проект, направленный на формирование благоприятной среды и экономического порядка, способствующих экономическому процветанию США, формирование институциональных условий для привлечения инвестиционного капитала и, как следствие, самоподдерживающегося роста

слаборазвитых территорий. На этот факт неоднократно будут указывать последующие президенты, предпринимая усилия по повышению эффективности, институциональному и организационному оформлению деятельности в области содействия развитию. Д. Эйзенхауэр подчеркивал неэффективность программ краткосрочной и безвозмездной экономической помощи, указывая на то, что «...экономическая помощь не может продолжаться бесконечно. Мы должны различать чрезвычайную ситуацию и хроническое заболевание, особый случай и общее правило» [22]. Дж. Ф. Кеннеди, выступая в марте 1961 года со специальным посланием Конгрессу о внешней помощи, подверг критике краткосрочные программы помощи. Он заявил, что «...неравномерное и ненадежное краткосрочное финансирование ослабило стимул к долгосрочному планированию и самопомощи стран-получателей, которые необходимы для серьезного экономического развития» [26].

Во-вторых, упор делается не на финансовую или экономическую помощь, а на предоставление экспертной поддержки, консультационных и образовательных услуг в целях формирования благоприятного инвестиционного климата в стране-реципиенте. В инаугурационной речи Г. Трумэн говорит не о программе финансово-экономической помощи. Если в 1947 году в своем обращении к Конгрессу, испрашивая необходимые средства для оказания помощи Греции и Турции, он заявлял об убеждении, что «...помощь должна оказываться в первую очередь экономическими и финансовыми средствами, которые существенно важны для экономической стабильности и для обеспечения нормального хода политических процессов» [2], то в уже в 1949 году Г. Трумэн утверждал, что материальные ресурсы США, которые могут быть использованы для помощи другим странам, ограничены [25]. Понимание и констатация того, что финансовые и экономические возможности США не безграничны, в том числе в силу национальной специфики принятия решений о выделении средств, направляемых на оказание помощи иностранным государствам, привели к

диверсификации как самих средств оказания помощи, так и источников средств, а также каналов их предоставления.

Это находит отражение в первом Законе о международном развитии 1950 года. Предоставление бюджетных средств для содействия развитию для стран, чье существование не затрагивало интересы США напрямую, не могло быть и не было одобрено Конгрессом. Поэтому в законе делается упор на привлечение частного капитала для инвестиций в экономику менее развитых стран, увязывается принятие решений президентом США об оказании помощи в области развития с объемом привлеченного частного финансирования, предусматриваются гарантии для инвесторов на общую сумму до 200 млн долл. в случае экспроприации или конфискации американских инвестиций и обеспечения конвертируемости валютных поступлений в доллары [34]. Государственные средства, выделяемые для содействия развитию, должны были выполнять роль страховочной сетки и способствовать улучшению социально-политических и экономических условий, снижению давления на правительства путем предоставления средств для удовлетворения базовых потребностей населения в стране-реципиенте. Программы государственной помощи, составляющие, таким образом, первый этап помощи, должны были замещаться частными инвестициями, но «...на ранних стадиях развития функция частных инвестиций должна быть строго ограничена» [30]. Предполагалось, что рост частных инвестиций будет происходить по мере изменения институционального дизайна и формирования благоприятного инвестиционного климата в стране – получателе помощи, для чего необходимы переходный период и поддерживающее финансирование со стороны государства и/или международных организаций [30], что неизбежно делало помощь развитию политически обусловленной.

В-третьих, минимизация государственного участия в программах содействия развитию требовала диверсификации источников, каналов и видов помощи в содействии развитию. Попытки разделить бремя содействия развитию предпринимаются уже на этапе концептуализации программы

«четвертого пункта». Уже в первом докладе Консультативного совета по международному развитию для президента США указывается, что цели развития могут быть достигнуты лишь путем объединенных усилий [32]. А в аналитической записке, подготовленной в ходе дискуссии о соотношении программ дву- и многосторонней помощи, предполагалось, что использование международных организаций, и прежде всего Всемирного банка, позволяет:

- привлекать средства третьих стран для совместной реализации проектов в сфере содействия международному развитию;
- определять те или иные проекты в сфере содействия международному развитию как приоритетные и отвергать некоторые проекты как экономически или технически несостоятельные, аргументируя решения политикой банка;
- выдвигать и поддерживать жесткие условия предоставления помощи, которые не смогло бы навязать одно национальное правительство другому, не опасаясь обвинений в «новом империализме» или же пренебрежении суверенитетом страны реципиента [29].

Привлечение внешних по отношению к государству акторов приводит к попыткам создания механизмов координации не только на национальном, но и на международном уровнях. Создаются организации, формулируются правила, которые будут регулировать процессы предоставления помощи, разрабатываются индикаторы, позволяющие судить об эффективности/неэффективности содействия. В 1950 году для руководства программой «четвертого пункта» на национальном уровне было учреждено Управление по техническому сотрудничеству, а Государственному секретарю было поручено сформировать межведомственный консультативный комитет по техническому сотрудничеству. Для экспертного и аналитического обеспечения и сопровождения деятельности в области содействия международному развитию создается Консультативный совет по международному развитию.

Одновременно с этим разрабатываются механизмы координации таких внешнеполитических инструментов США, как Всемирный банк и Экспортно-импортный банк США, предпринимаются попытки создания организации, которая может обеспечить инвестиции, не требуя государственных гарантий. Уже в 1951 году в докладе Консультативного совета по международному развитию для президента США указывается на необходимость создания организационного и нормативного механизма координации усилий множества национальных и иностранных агентов, способствующих мировому развитию как на национальном, так и международном уровнях [32]. Подобное предложение высказывается и администрацией Всемирного банка в записке, посвященной отношениям Банка и правительства США [29]. Примечательно, что попытки создания подобной системы координации на международном уровне под эгидой ООН, предпринятые в 50-х годах XX века, наталкиваются на возражения администрации США, так как предполагалось, что создание подобного механизма, в силу специфики принятия решений в ООН, затруднит контроль США над формированием правил и процедур, приоритетов и способов содействия мировому развитию [35].

США, настаивая на сохранении за собой контроля над повесткой и потоками помощи в целях развития, не предполагали выстраивание жестко организованного механизма управления. Они предлагали некое подобие сетевой структуры, то есть набора относительно стабильных взаимоотношений, по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей [21, с. 254]. Именно об этом будет говорить Дж. Ф. Кеннеди, представляя Конгрессу Закон о международной помощи в 1961 году, настаивая на институциональном оформлении СМР: «Шестидесятые годы могут быть, и должны быть, <...> периодом, в котором расширенное сообщество свободных, стабильных и самодостаточных

государств может снизить мировую напряженность и отсутствие безопасности. *Эта цель находится в нашем понимании, если и только если другие промышленно развитые страны присоединятся к нам в разработке набора согласованных всеми критериев, набора долгосрочных целей и общего обязательства по достижению этих целей, в которых вклад каждой страны связан с вкладом других и с точными потребностями каждой менее развитой страны»* [26]. Он продолжает линию на диверсификацию источников, средств, каналов и форм содействия международному развитию, не ставя под вопрос лишь цели. Содействие развитию рассматривалось как внешнеполитический инструмент, который способствует реализации внешнеполитических целей: противодействию «коммунистической угрозе» путем предложения привлекательной социально-экономического и политического устройства, создание рынков для продукции, выпускаемой производителями из Соединенных Штатов, и, как следствие, создание и поддержание международного экономического порядка выгодного для США и их союзников.

С момента выступления Кеннеди прошло более 60 лет, но ничего не изменилось. В доктринальном документе USAID, опубликованном в марте 2023 года, содержится ключевая фраза: «В настоящее время USAID ежегодно выделяет около 30 миллиардов долларов иностранной помощи, но, учитывая сегодняшние масштабы проблемы, одной лишь помощи недостаточно. Устойчивый прогресс требует от нас мобилизации коллективных действий, как с правительствами, так и с частным сектором и местными субъектами» [33]. На диверсификацию усилий по содействию международному развитию направлена и запущенная в 2022 году инициатива USAID по локализации программ [27]. Основной посыл документов, опубликованных агентством, – в центре содействия развитию не помощь, а деятельность по формированию сетевых структур, обеспечивающих поддержку внешнеполитических инициатив США, выступающих в качестве структурного элемента зарождающегося мирового порядка. И такой подход не является чем-то новым

в практике США. В докладе комиссии Грея в 1950 году неоднократно указывалось на то, что «местные ресурсы должны обязательно составлять основную часть фондов развития» [30]. Однако предполагалось, что они должны быть дополнены внешней помощью в форме частных инвестиций, государственных займов, технической помощи и грантов. Уже тогда содействие развитию рассматривалось как попытка построить систему воспроизводящихся взаимодействий.

Содействие международному развитию не может быть сведено лишь к предоставлению помощи. Его необходимо рассматривать как институт, сформированный в определенное время и с определенными целями, который может быть охарактеризован как «история, закодированная в правилах» [28, с. 741].

Институты обеспечивают преимущества тем, кому их правила предоставляют доступ к принятию решений. Поскольку транзакционные издержки заключения соглашений вне института высоки, те, кто смиряется с дискриминационными правилами, установленными институтом, оказываются в невыгодном положении. В любом случае институциональные правила определяют относительные возможности участвующих, ограничивают целеполагание и целедостижение, задают формы, механизмы взаимодействия. Однако с того самого момента, как Россия заявила о себе как о доноре, мы играем по правилам, которые были установлены не нами, без или же при минимальном, в основном пассивном участии России. Согласовывая вплоть до января 2022 года методику учета затрат на содействие международному развитию с Организацией экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) [10], описывая в Концепции государственной политики в сфере содействия международному развитию формы содействия, соотносясь с определением и видами официальной помощи развитию ОЭСР [8; 20], мы забываем о том, что указанная организация создавалась в определенное время и с определенными целями. В ее рабочем документе открыто заявляется о том, что «сбор статистических данных о потоках ресурсов в развивающиеся

страны, проводимый КСР, возник в результате вдохновленных США попыток разделить бремя помощи в целях развития» [24]. Мы действительно хотим разделить «бремя помощи в целях развития» с членами ОЭСР? Если да, то было бы нелишним согласование условий нашего участия, в том числе и в принятии решений по ключевым вопросам деятельности организации. В Конвенции, учреждающей Организацию экономического сотрудничества и развития, заявляется, что страны-члены сообщают «...о том, что они будут: а) информировать друг друга и снабжать Организацию информацией, которая необходима для выполнения ее задач» [5]. Информация необходима не ОЭСР, она нужна нам. Тем не менее до сих пор консолидированную информацию о масштабах деятельности Российской Федерации в сфере содействия международному развитию мы можем найти только на портале ОЭСР и лишь на период до 2019 года.

В 2011 году выступая на семинаре, посвященном проблемам вовлечения широких слоев населения – от парламентариев до рядовых граждан – в поддержку возрастающей роли России в качестве нового донора на международной арене, директор департамента международных финансовых отношений Минфина Андрей Бокарев заявил: «Не требуется глубоких исследований, чтобы сказать, что, поставив зерно, муку и продовольствие, Россия накормила 100 тысяч детей в Африке. Следовательно, результат достигнут» [4]. Уместны вопросы: какой результат планировался, какие цели, сформулированные и изложенные в Концепции участия Российской Федерации в содействии международному развитию от 2007 года [9], были достигнуты? И это не досадный промах чиновника, а следствие концептуальной неопределенности СМР как самостоятельного и действенного внешнеполитического инструмента.

Прошло более десяти лет, но принципиально ситуация не изменилась. Печально наблюдать, как представитель Россотрудничества, ведомства, которое «разрабатывает и реализует <...> среднесрочные и долгосрочные программы в сфере содействия международному развитию <...>, а также

осуществляет мониторинг реализации этих программ» [13], заявляет об отсутствии полной статистики по объемам помощи, предоставляемой Россией по каналам многосторонних организаций, а для анализа помощи, оказываемой странам постсоветского пространства, вынужден прибегать к статистике ОЭСР [3]. Вместе с тем в документах стратегического планирования России содержится недвусмысленное выражение: «Информация об объемах и о формах оказания помощи в сфере содействия международному развитию подлежит своевременному учету федеральными органами исполнительной власти, которые организуют анализ проектов и учет средств, выделяемых Российской Федерацией на содействие международному развитию» [8].

Вне постулированных целей деятельности нет смысла в сборе и анализе информации. Не случайно заместитель руководителя Россотрудничества Д. Поликанов упоминает государственную программу лишь в связи с тем, что ее создание будет способствовать координации усилий множества государственных и негосударственных акторов в деле трансляции «мягкой силы» и расширения «гуманитарного влияния» России. Но даже если отбросить возражения относительно того, что содействие международному развитию не совсем касается «мягкой силы», привлекает внимание его заявление, что «...у российской “мягкой силы” имеется большой потенциал, который может быть реализован при наличии четкого целеполагания» [12], и указание на сложность не только формирования целей, но и создания системы целеполагания.

Оценка эффективности программ содействия международному развитию не сводится к подсчету объемов оказанной помощи, а предполагает соотнесение достигнутых целей и объемов средств, затраченных на это. В этом случае инструментальная ценность информации становится очевидной. Она необходима для координации усилий государственных, общественных и частных организаций, участвующих в содействии международному развитию, определения эффективности усилий, коррекции избранного курса. Использовать информацию, собранную, квантифицированную и

кодифицированную по правилам и для нужд организаций, созданных без нашего участия и для реализации интересов, не совпадающих с нашими, означает соглашаться на роль зависимой страны, которая лишь имитирует глобальное влияние, выполняя роль инструмента в чужих руках. Необходимо понять и принять, что помощь, предоставляемая нашей страной, – лишь средство, прибегая к которому, мы создаем и интегрируем социально-экономическое и политическое пространство, где мы устанавливаем и поддерживаем «правила игры».

Сегодня в России нет четкого ответа на вопрос, зачем мы участвуем в содействии международному развитию. Не оказание помощи, которое можно объяснить соображениями гуманитарного характера, а именно содействие международному развитию, которое можно рассматривать как систему мероприятий, осуществляемых государством, международным сообществом, национальными, региональными, международными, правительственными и неправительственными организациями. Эта система мероприятий согласована по времени, месту, целям и задачам. Определение цели нашего участия в содействии развитию, форм и методов ее достижения должно стать предметом максимально широкой дискуссии, результаты которой могут найти отражение в документах стратегического планирования и нормативных актах, закрепляющих и регулирующих национально- специфическую деятельность в сфере СМР.

Список источников и литературы

1. Глазунова Е.Н. У истоков содействия мировому развитию: Программа «четвертого пункта» Г.Трумэна. М. ЛЕНАНД, 214. – 248с.
2. Доктрина Трумэна // История США в документах. - URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/doktrina-trumena.php> (дата обращения: 16.05.2023).
3. Ермолов М. Границы и масштабы российского содействия международному развитию // Российский совет по международным делам. - URL:

<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/granitsy-i-masshtaby-rossiyskogo-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/> (дата обращения: 16.05.2023).

4. И накормим, и вылечим. 800 миллионов долларов потратила Россия за год на помощь беднейшим странам // Российская газета - Федеральный выпуск № 9(5385). - URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2011/01/20.html> (дата обращения: 16.05.2023).

5. Конвенция об Организации экономического сотрудничества и развития (Париж, 14 декабря 1960 г.) // Гарант.Ру. - URL: <https://base.garant.ru/2564514/> (дата обращения: 16.05.2023).

6. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г., N 229 // Президент России. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 16.05.2023).

7. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г., N 640 // Президент России. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 16.05.2023).

8. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. Утверждена Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259 // Президент России. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334> (дата обращения: 16.05.2023).

9. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 14 июня 2007 г., N Пр-1040 // Министерство финансов. - URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/international/development/?id_65=13932-kontsepsiya_uchastiya_rossii_v_sodeistvii_mezhdunarodnomu_razvitiyu (дата обращения: 16.05.2023).

10. *Максимова А.В.* Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 1. С. 56–79.

11. Повестка дня для развития. Доклад Генерального секретаря. А/48/935 // ООН. - URL: <https://undocs.org/ru/A/48/935> (дата обращения: 16.05.2023).

12. *Поликанов Д.* Роль «мягкой силы» в международных отношениях: современный российский опыт и перспективы // Российский совет по международным делам. - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-myagkoj-sily-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-sovremennyy-rossiyskiy-opyt-i-perspektivy/> (дата обращения: 16.05.2023).

13. Положение о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. N 1315 // Консультант Плюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833/d000c16dfaa166410dc332cad218c75aba94aca5/ (дата обращения: 16.05.2023).

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 мая 2021 г. №786 О системе управления государственными программами Российской Федерации // Гарант.Ру. - URL: <https://base.garant.ru/400820533/#:~:text=Настоящее%20Положение%20устанавливает%20правила%20разработки,%20О%20государственном%20оборонном%20заказе%22> (дата обращения: 16.05.2023).

15. Правительство Российской Федерации. - URL: <http://government.ru/rugovclassifier/897/> (дата обращения: 16.05.2023).

16. *Сибрук Дж.* Мировая бедность. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. – 192 с.

17. Содействие международному развитию. Учебное пособие / Под редакцией В.И. Бартенева и Е.Н. Глазуновой Е.Н. – М.: Всемирный банк, 2014. – 408 с.

18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г., N 400 // Президент России. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 16.05.2023).

19. Трумэн Г. Воспоминания: В двух томах. Том 2. Годы испытаний и надежд. М.: Принципум, 2021. – 672 с.

20. Указ Президента Российской Федерации от 13.03.2023 № 161 О внесении изменений в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259 // Гарант.Ру. - URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1613157/#:~:text=марта%202023%20г.-,N%20161%20%22О%20внесении%20изменений%20в%20Концепцию%20государственной%20политики%20Российской,N%20259%22> (дата обращения: 16.05.2023).

21. Borzel T. Organizing Babylon – on the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998. Vol. 76. № 2. P. 253-273.

22. Eisenhower D.D. Special Message to the Congress on Foreign Economic Policy // The American Presidency Project. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/233632> (дата обращения: 16.05.2023).

23. Google Books Ngram Viewer. – URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=development+assistance&year_start=1920&year_end=2019&corpus=26&smoothing=0 (дата обращения: 16.05.2023).

24. Hynes W., Scott S. The Evolution of Official Development Assistance: Achievements, Criticisms and a Way Forward // OECD Development Co-operation Working Papers. 2013. No. 12. Paris: OECD Publishing. - URL: <https://read.oecd->

rian, Foreign Service Institute United States Department of State. - URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v01/d304> (дата обращения: 16.05.2023).

32. Partners in Progress: A Report to the President by the International Development Advisory Board. March 1951 (Summary) // The Harry S. Truman Library and Museum. - URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/summary-partners-progress-report-president-international-development?documentid=NA&pagenumber=1> (дата обращения: 16.05.2023).

33. Policy Framework: Driving Progress Beyond Programs // United States Agency for International Development. - URL: <https://www.usaid.gov/policy/documents/mar-23-2023-usaids-policy-framework> (дата обращения: 16.05.2023).

34. Record of the 81st Congress (second session). (1950) // CQ Press. - URL: <http://library.cqpress.com/cqresearcher/cqresrre1950092500> (дата обращения: 16.05.2023).

35. Transcript of oral history interview with J. Burke Knapp held on July 1961 // World Bank Group Archives Oral Histories. - URL: <https://oralhistory.worldbank.org/transcripts/transcript-oral-history-interview-j-burke-knapp-held-july-1961> (дата обращения: 16.05.2023).

36. *Truman H.S.* Letter to Gordon Gray Regarding His Appointment as Special Assistant to the President. // The American Presidency Project. - URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/230877> (дата обращения: 16.05.2023).

Шангараев Руслан Насимович,
доктор политических наук, доцент кафедры государственного
управления во внешнеполитической деятельности,
Дипломатическая академия МИД России,
shang143@mail.ru
Ruslan N. Shangaraev,
Doctor of Political Sciences of the
Department of Public Administration in Foreign Policy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
shang143@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

COGNITIVE WARFARE AS MODERN FORM OF INTERSTATE CONFRONTATION

Аннотация: с окончанием холодной войны, появлением новых акторов на мировой арене и стремлением ряда из них к расширению сферы своего геополитического влияния происходит неизбежное нарастание конфликтности в межгосударственных отношениях. Деформация традиционного миропорядка сопровождается активизацией деятельности спецслужб ряда стран, которые активно ведут поиск новых методов влияния на различные категории населения для смены нелояльных к ним политических режимов.

Ключевые слова: когнитивная война, гибридная война, дезориентирование, дезинформация, информационное противоборство, геополитика.

Abstract: with the end of the Cold War, the emergence of new actors on the world stage and the desire of a number of them to expand their sphere of geopolitical influence, there is an inevitable increase in conflict in interstate relations. The deformation of the traditional world order is accompanied by the intensification of the activities of the special services of a number of countries that are actively searching for new methods of exerting beneficial influence on various

categories of the population in order to change political regimes that are disloyal to themselves.

Keywords: cognitive war, hybrid warfare, disorientation, disinformation, information warfare, geopolitics.

Главная суть сегодняшней глобальной повестки заключается в том, что инструменты ведения войны и соперничества в мирное время перемешались до степени совмещения, радикально повлияв на спектр формируемых угроз государственному суверенитету. Это привело к возникновению нового типа межгосударственного противоборства – когнитивной войны, цель которой состоит в уничтожении самосознания, изменении ментальной, цивилизационной основы общества противника. При этом ведение подобных войн требует значительных финансовых ресурсов как на разработку их стратегии, так и на непосредственную реализацию агрессивных планов [1]. Для этого в ход идут так называемые цветные революции, а если называть вещи своими именами, то государственные перевороты, спровоцированные и финансируемые извне [2]. Вместе с тем ведущие российские и зарубежные ученые сходятся во мнении, что цветные революции являются инструментом реализации внешнеполитической стратегии США.

Доктрины военно-политического экспансионизма США и их союзников для изменения мирового политического ландшафта включают в себя гибридное воздействие, значимую часть которого составляет информационно-психологическое воздействие. Прежде всего, они ориентированы на регионы и страны, где установление американской гегемонии невозможно в результате осуществления превентивных войн [9; 10; 11].

Неолиберальные концепции, продвигаемые в этих целях в международную политическую повестку, допускают широкий спектр методов непрямого вмешательства в суверенные интересы стран. Так, вызывает недоумение использование понятия «ненасильственный

экстремизм», позволяющее попирает ранее незыблемые нормы международного права. Подобная экспансия порождает эскалацию напряженности в отдельных странах и целых регионах, вызванную социально-политическими противоречиями в определении ценностных ориентиров между глобальными структурами и традиционными государствами [3].

При невозможности в значительном ряде случаев прямой конфронтации между ведущими мировыми державами, в том числе с Россией, у агрессоров возрастает спрос на гибридные войны. При этом основной целью методов непрямого вмешательства является разрушение традиционной системы ценностей народов, базирующейся на историческом наследии, культуре, территориальной близости, религиозных взглядах, используемых языках, традиционных видах ведения хозяйства и экономической деятельности народов, а также выстраивании взаимоотношений с жителями сопредельных стран.

В настоящее время мир столкнулся с призраком системного кризиса, коллапсом моделей развития, большая часть которых строилась на основе неизбежности утраты национальными государствами своей внутренней целостности и перехода к явному или скрытому управлению крупнейшими экономическими, социальными, а в перспективе и политическими системами на сетевой основе. Все более очевидным становится доминирование на мировой политической арене транснациональных корпораций, международных социальных, гуманитарных и политических структур. Фактически ставится вопрос о демонтаже мироустройства, основанного на национальных государствах, общепринятых государственных границах и национальных представительствах в международных организациях (включая ООН) [12; 13; 14].

В этой связи сопутствующим элементом, способствующим разложению общества и получению необходимых материальных ресурсов, выступает наркоиндустрия, в значительной степени связанная с

политическими кругами. Так, по данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), площадь земель, где выращивается кока в Колумбии, составила 160–170 тыс. га земли, а в целом в 2019 году производство кокаина оценивалось в 1,137 тыс. тонн. Наркоиндустрия наносит порой не меньший урон государствам, чем классические войны, а также ведет к росту транснациональной преступности, используемой для ресурсного обеспечения цветных революций (примером может выступать Никарагуа в 2018 году) и других форм государственных переворотов (операция «Геден» против Венесуэлы осуществлялась руками наемников, наркобаронов и дезертиров) или гибридных войн. При этом эволюционируют международные преступные формирования, которые используют более высокие уровни организации и конспирации.

Расширение гибридных форм противоборства между государствами и их коалициями привело к трансформации традиционных форм межгосударственного противоборства. Все больший удельный вес в них приобретает использование политико-дипломатических, экономических, информационных, кибернетических, психологических средств и способов достижения политических целей.

Термины «экономическая», «информационная», «дипломатическая» и «кибервойна» прочно вошли в современный оборот. Уже не кажутся фантастикой климатическая и бактериологическая войны, особенно на фоне текущих климатических катаклизмов и пандемии коронавируса COVID–19. Одной из получающих распространение экономических войн являются санкционные войны. Экономические санкции против какого-либо государства вводятся в обход международного права.

При этом информационная война может рассматриваться как совокупность целого ряда разновидностей войн, имеющих собственные индивидуальные особенности и преследующих единую цель, в числе которых кибервойны, когнитивная, сетевая и социальная войны.

Кибервойны ориентированы на нарушение штатного режима функционирования вычислительных систем противника, обеспечивающих деятельность военных штабов и иных государственных структур, финансовых систем, деловых центров, на дезорганизацию транспортных систем и жизнеобеспечения страны. В качестве составных частей кибервойны выделяют: вандализм, пропаганда, кибершпионаж, а также непосредственные атаки на компьютерные системы и серверы.

Сетецентрическая война предусматривает смещение акцента с платформы на сетевые технологии. Концепцию данной войны предложили американские военные теоретики А. Себровски и Дж. Гарстка в конце XX века [5]. Концепция сетецентрических боевых действий внедрена в качестве доктрины и нашла отражение в боевых уставах ВС США.

Социальная война (societal warfare) [6] направлена на разрушение социальной инфраструктуры противника.

Когнитивная война относится к войнам на поражение сознания [7].

Вместе с тем высокими темпами совершенствуются методы воздействия на массовое сознание населения целых стран. Можно с уверенностью утверждать, что наряду с иными аспектами информационных войн расширяется полигон ведения когнитивного воздействия. Несмотря на скрытый характер основных используемых механизмов воздействия на умы людей и их целей, его сценарии нашли отражение в спонсируемых НАТО исследовательских разработках (официально используют данный термин с 2017 года; первый научный симпозиум НАТО по когнитивным войнам прошел в июне 2021 года во французском городе Бордо).

Заместитель директора и начальник штаба Управления поддержки сотрудничества (CSO) НАТО в Нейи-сюр-Сен (Франция) определил: «Когнитивная война – это наиболее продвинутая на сегодняшний день форма манипулирования человеческим разумом, позволяющая влиять на индивидуальное или коллективное поведение с целью получения тактического или стратегического преимущества. В этой области действия

полем битвы становится человеческий мозг. Преследуемая цель состоит в том, чтобы влиять не только на то, что думают цели, но и на то, как они думают, и, в конечном счете, на то, как они действуют. Когнитивная война обязательно связана с другими способами и областями действия для захвата мозгов, такими как кибервойна и информационная война. Как концепция, когнитивная война также включает в себя другую важную область, которая быстро развивается: когнитивную неврологию» [8].

До недавнего времени НАТО разделяло войну на пять различных оперативных областей: воздушную, наземную, морскую, космическую и кибернетическую. Но с развитием стратегий когнитивной войны военный альянс обсуждает новый, шестой уровень – «человеческую область».

Целью когнитивных войн является дестабилизация общественно-политической ситуации в государстве путем генерирования протестного потенциала в обществе, обострения межнациональных и межконфессиональных противоречий, создания политической сингулярности. В результате формируются угрозы смены невоенным образом политического режима государств и их распада.

Ведение когнитивной войны предусматривает задействование широкого спектра инструментов воздействия на общественное сознание, доведение социально чувствительной информации до различных социальных групп, управление поведением их членов путем оказания непрямого воздействия на массовое сознание. Так, могут использоваться кибератаки с высоким уровнем социального инжиниринга, включающие возможности искусственного интеллекта, а также неформальные и вербальные каналы доведения информации.

Список литературы

1. Шангараев Р.Н. Дезориентирование в контексте когнитивных войн // Вестник учёных-международников. 2023. № 2 (24), с79-88.

2. Путин В.В. Выступление на заседании Совета Безопасности 22 июля 2014 г. – URL: [http:// special.kremlin.ru/events/president/transcripts/46305](http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/46305) (дата обращения 19.01.2021).
3. Белозеров В.К., Харичкин И.К. Управляемый хаос в глобальных политических стратегиях // Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах: сборник статей / под ред. И.В. Бочарникова. М.: ЭкономИнформ, 2015. С. 64.
4. А.М. Ильницкий, кандидат технических наук, "Ментальная война России", <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/336904/>
5. Cebrowski, Arthur K. and John J. Garstka. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future. U.S. Naval Institute Proceedings, January 1998.
6. The Emerging Risk of Virtual Societal Warfare // The RAND Corporation. 2019.
7. Countering cognitive warfare: awareness and resilience // Johns Hopkins University & Imperial College London. 2021.
8. https://pikabu.ru/story/nato_vedyot_voynu_za_mozgi_9760621
9. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Политический анализ стратегических коммуникаций. Дипломатическая академия МИД России, Москва, 2023.
10. Новые медиа и имиджевые риски во внешнеполитической деятельности. Шангараев Р.Н. Дипломатическая академия МИД России, Москва, 2022.
11. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Основные приоритеты стратегии национальной обороны США – 2022 // Обозреватель. 2021. № 11 (382). С. 26-39.
12. DIGITAL DIPLOMACY. Danelyan A.A., Mikhaylik A., Zaemsky V.F., Karpovich O.G., Manoilo A.V., Troyansky G., Shangaraev R.N. Москва, 2021.
13. Шангараев Р.Н. Цифровая дипломатия как механизм информационной коммуникации США // Современные вызовы и угрозы в условиях трансформации международных отношений. Материалы научного семинара:

"Цифровая дипломатия: традиции прошлого - технологии будущего",
Москва, Дипломатическая академия МИД России, 22 октября 2020 года. Сер.
"Цифровая дипломатия: традиции прошлого - технологии будущего" Москва,
2020. С. 67-75

14. Шангараев Р.Н. Современные информационно-коммуникационные технологии и стратегическое управление // Russian Journal of Management. 2021. Т. 9. № 1. С. 6-10

Нарбут Кирилл Андреевич,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
kirill.narbut@mail.ru
Kirill A. Narbut,
Post-Graduate Degree Student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
kirill.narbut@mail.ru

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

RUSSIA'S RELATIONS WITH LATIN AMERICAN COUNTRIES IN A CHANGING WORLD ORDER

Аннотация: в настоящее время в связи с трендом на диверсификацию торговых партнеров Латинская Америка становится все более привлекательным регионом на международной арене. В данной статье рассматриваются отношения между Россией и Латинской Америкой в условиях меняющегося миропорядка. В работе проводится анализ текущих показателей экономического, политического и культурного сотрудничества между странами. Выделены наиболее перспективные проекты и сферы сотрудничества между Россией и ЛКА в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также рассмотрено взаимодействие между РФ и Латинской Америкой в условиях санкционного давления на Россию со стороны западных государств.

Ключевые слова: Российская Федерация, Латинская Америка, сотрудничество, экономическая дипломатия, меняющийся миропорядок, санкции, национальные валюты.

Abstract: nowadays, due to the trend towards diversification of trading partners, Latin America is becoming an increasingly attractive region in the international arena. This article examines the relations between Russia and Latin America in a changing world order. The article analyzes the current indicators of economic, political, and cultural cooperation between the countries. The article

highlights the most promising areas and projects between Russia and the LCA in the short and medium term, and, furthermore, examines the interaction between the Russian Federation and Latin America in the context of sanctions pressure on Russia from Western states.

Keywords: Russian Federation, Latin America, cooperation, economic diplomacy, changing world order, sanctions, national currencies.

Современное состояние и приоритетные направления сотрудничества РФ со странами Латинской Америки

Россия и страны Латинской Америки и Карибского бассейна придерживаются единых принципов в области многосторонней дипломатии, развитии многополярного мира, совместно выступают за поддержание прозрачности и мультилатерализма во внешней торговле. Тем не менее показатели взаимной торговли остаются на низком уровне по сравнению с основными торговыми партнерами ЛКА, такими как США, Китай и ЕС. Это позволяет заявлять о том, что потенциал взаимодействий в политико-дипломатической и торгово-экономической сферах использован не полностью, а значит, существует пространство для маневра и поиска новых механизмов в арсенале России с целью наращивания взаимной торговли и укрепления экономической дипломатии в регионе. Введение санкций в отношении России со стороны Запада в 2014 году сначала снизило взаимный объем торговли, однако уже к 2018 году товарооборот вернулся к досанкционным показателям. В 2022 году, после эскалации конфликта между Россией и Украиной, западными странами во главе с США вновь были введены санкции против России. На этот раз они затронули значительную часть финансовых резервов Центрального банка России, были наложены ограничения на большое количество физических и юридических лиц. Была ограничена работа целого ряда банков, как внутри страны, так и за ее пределами. Большинство стран Европы закрыло воздушное пространство для самолетов из России, произошла блокировка морских портов, а также было введено эмбарго на российскую

сырьевую и несырьевую продукцию разного типа. В условиях такого рода открытой экономической войны против России наращивание политических и экономических связей со странами Латинской Америки, на наш взгляд, является очевидным и необходимым шагом к снижению давления на экономику России. В свою очередь, страны ЛКА воздержались от ввода прямых санкций против РФ, однако существуют определенные сложности в логистической сфере в торговых отношениях между странами в связи с нарушившимися каналами поставок продукции из-за закрытия воздушного пространства, а также блокировки большого количества морских портов. Так, представитель Министерства промышленности Российской Федерации Владислав Демидов заявил, что Аргентина и Чили приостановили поставки литиевого сырья в Россию [9]. Это произошло вследствие западных ограничений против финансовых и транспортных компаний России, а также нарушения транспортных маршрутов. Можно с уверенностью говорить о том, что подобный случай будет не единственным в нынешних условиях, а значит, России необходимо проанализировать все возможности и риски для того, чтобы поддерживать и дальше развивать политические и экономические связи со странами ЛКА.

В связи с вышеперечисленными условиями и тенденциями в российском арсенале можно обозначить некоторые меры, которые могут способствовать если не блокировке, то как минимум в определенной степени ослаблению влияния санкций Запада на возможности России и ее компаний в области торговли, политических контактов, экономической дипломатии и финансирования операций как с государственными, так и коммерческими структурами региона.

Наращивание поставок нефти и газа в страны Африки, Азии и Латинской Америки в настоящий момент является одним из ключевых условий для противостояния западным санкциям и снижения финансовых убытков и рисков. Об этом заявил президент Российской Федерации В.В. Путин: «Вместе с нефтегазовыми компаниями составить планы расширения

экспортной инфраструктуры в страны Африки, Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона» [7]. Он назвал переориентацию поставок нефти и газа на новые рынки одной из ключевых задач для России на ближайшее будущее. Действительно, расширение поставок, а также совместная разработка нефтегазовых месторождений в странах Латинской Америки необходимы для России в условиях жестких санкций со стороны Запада.

Сотрудничество с регионом ЛКА в условиях санкционного давления на Россию со стороны западных стран

Очевидно, что Запад во главе с США не позволит России и странам ЛКА полноценно сотрудничать, так как это снизит эффективность наложенных ими санкций. Так, стоит вспомнить о том, что США и Европа пригрозили последствиями за так называемую помощь России для обхода санкций [2]. При этом необходимо понимать, что влияние США и Европы на Латинскую Америку куда больше, так же как и рычагов давления на нее, для того чтобы убедить страны ЛКА не наращивать новые торгово-экономические связи, особенно в нефтегазовой отрасли. России следует в такой ситуации тщательно оценить все возможные риски попыток такого сотрудничества и инициатив, вероятно, даже прибегнуть к своего рода демпингу в отрасли с целью увеличения заинтересованности стран Латинской Америки в совместной работе российских и латиноамериканских нефтегазовых компаний.

В реализации вышеперечисленных инициатив и возможностей России следует предпринять следующие шаги, которые были описаны в книге «Латинская Америка в системе международных экономических отношений» (под редакцией Л.Н. Симоновой) [4].

1. В книге говорится, что учреждение российско-латиноамериканского банка или совместной организации, которая бы проводила взаиморасчеты между Россией и странами Латинской Америки, осуществляла кредитование совместных проектов и программ, положительно скажется на росте

экономического взаимодействия между Россией и странами ЛКА. Действительно, такого рода инициативы значительно упростят проведение взаиморасчетов между странами, реализацию инвестиционных проектов, а также облегчат кредитование важных программ в рамках экономической дипломатии. Примером может служить создание Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в рамках реализации китайской инициативы «Один пояс и один путь» [1], к которому в дальнейшем присоединилось около 100 стран мира, что в значительной степени способствует осуществлению строительства инфраструктурных объектов, финансированию двусторонних и многосторонних инициатив и развитию экономического сотрудничества между странами – членами АБИИ.

2. Переход на расчет в национальных валютах между Россией и странами ЛКА также является весьма актуальной и важной инициативой для укрепления национальных экономик. Авторы книги отмечают, что расширение использования рубля и национальных валют стран ЛКА обеспечит возможности для увеличения внешнеэкономических связей России с латиноамериканскими странами. Также подчеркивается, что как в России, так и в Латинской Америке существует опыт проведения подобных операций. Так, в регионе действует соглашение о взаимных платежах и кредитах, заключенное еще в 1982 году между центральными банками 12 государств Южной Америки и Мексики в рамках Латиноамериканской ассоциации интеграции. Кроме того, в настоящее время соглашение о платежах в национальных валютах действует в расчетах Бразилии с Аргентиной и Уругваем. В 2018 году аналогичное соглашение Бразилия подписала с Парагваем [10].

В настоящий момент, ввиду обострения отношений между Россией и Западом, введения последним значительных санкций в отношении России, вопрос о переходе на взаиморасчеты в национальных валютах между странами стал особо актуальным. Более того, уже принимаются меры и инициативы по переходу на такой вид оплаты между Россией и целым рядом стран мирового

сообщества. Заморозка части международных активов Российской Федерации странами Запада продемонстрировала другим странам, что проведение независимой внешней политики может привести к аресту финансовых резервов суверенного государства со стороны стран Запада, что уже привнесло изменение в финансовую деятельность ряда стран, в частности увеличило объем торговли в национальных валютах. Так, между Россией и Китаем и раньше использовался данный способ взаимной торговли и оплаты. В настоящий же момент, после блокировки российских резервов в странах Запада, обе страны уже сообщили о том, что они подготовили инфраструктуру для торговли в национальных валютах [8]. Заместитель главы МИД России Игорь Моргулов в своей речи заявил о том, что недавние события наглядно показали, что только национальные валюты являются наиболее защищенной формой платежа. В свою очередь, как отмечает замглавы МИД, у России уже создана и функционирует вся необходимая инфраструктура, а именно: в России действует уполномоченный для клиринга юаней банк, на Московской бирже ведутся торги парой рубль–юань, между центробанками заключено соглашение о валютном свопе [8]. Осуществление взаимной торговли в национальных валютах между двумя столькими крупными странами несомненно будет способствовать укреплению экономики каждой стороны, а также ослабит влияние и силу доллара в мире.

Роль политико-экономических контактов между странами

Необходимо увеличивать контакты между Россией и регионом Латинской Америки на политическом уровне. Так, в марте 2022 года в Москве был проведен вебинар «Новые возможности импорта из стран Латинской Америки и Карибского бассейна» [3]. Глава ТПП РФ Сергей Катырин назвал вебинар «беспрецедентной по масштабу встречей», в которой приняли участие практически все главы дипмиссий стран Латинской Америки и Карибского бассейна – от Эквадора и Чили до Панамы и Мексики [6]. Цель данного мероприятия заключалась в развитии деловых связей между Россией и

Латинской Америкой в современных условиях, которые позволяют активизировать и наладить поставки, сотрудничество и кооперацию между бизнес-сообществами России и ЛКА.

Тем не менее кажется важным повышать уровень такого рода контактов и связей, примером которого может служить визит Председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко для участия в инаугурации нового президента Бразилии Лулы да Силвы [5]. Участие в инаугурации президента Бразилии высокопоставленного чиновника из России станет фундаментом для дальнейшего развития отношений между двумя странами. Также не стоит забывать о значимости визитов на высшем уровне. Личный визит президента страны послужил бы драйвером роста активности как политических, так и экономических связей между Россией и странами Латинской Америки.

Заключение

России необходимо и дальше работать в направлении укрепления политико-экономических связей с Латинской Америкой, используя свой авторитет на международной арене. У России нет явных противоречий или конфликтов с какой-либо из стран региона, внешняя политика нашей страны в регионе довольно гибкая, что позволяет адаптироваться к различным изменениям, происходящим в ЛКА. Введение западными странами большого количества санкций в отношении России, которые были вызваны началом украинского конфликта в 2022 году, также должны подтолкнуть Москву к пересмотру своих торговых связей с акцентом на диверсификации своих торговых партнеров. Это активизирует политико-экономические отношения со странами Латинской Америки, так как абсолютное большинство стран ЛКА не поддержали введенные ограничения против России. Формат сотрудничества в рамках ЕАЭС – МЕРКОСУР несомненно является перспективным и многообещающим для развития отношений между сторонами, что также предполагает значительный рост взаимного товарооборота между странами – членами двух объединений. Существует ряд

направлений, которые кажутся перспективными для дальнейшего сотрудничества со странами ЛКА. Среди них, на наш взгляд, стоит выделить энергетическую сферу, горнодобывающую отрасль, а также область высоких технологий, где у России накоплено достаточно опыта и есть потенциал для выхода крупных российских IT-компаний на соответствующий рынок Латинской Америки.

Литература

1. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. [Электронный ресурс] // ТАСС. 25.08.2015. Режим доступа: <https://tass.ru/info/2205258?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru> (дата обращения: 27.12.2022)
2. Госдеп пригрозил Китаю последствиями за помощь России в обходе санкций. [Электронный ресурс] // РИА новости. 18.04.2022. Режим доступа: <https://ria.ru/20220418/sanktsii-1784198239.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop> (дата обращения: 27.12.2022)
3. Импорт из стран Латинской Америки: новые возможности. [Электронный ресурс] // Торгово-промышленная палата РФ. 24.04.2022. Режим доступа: <<https://video.tpprf.ru/films/news/8066/>> (дата обращения: 27.01.2023)
4. Институт Латинской Америки Российской академии наук. Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Под ред. Симоновой Л.Н. Москва. стр. 485. 2020г.
5. Матвиенко прибыла в Бразилию для участия в инаугурации Лулы да Силвы. [Электронный ресурс] // РИА новости. 31.12.2022. Режим доступа: <https://ria.ru/20220426/torgovlya-1785471850.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop> (дата обращения: 05.01.2023)

6. Послы Аргентины, Бразилии и Венесуэлы в Москве осудили санкции против России. [Электронный ресурс] // ТАСС. 23.04.2022. Режим доступа:

<https://tass.ru/ekonomika/14453591?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru> (дата обращения: 27.12.2022)

7. Путин призвал расширять возможности для энергопоставок в Африку, Латинскую Америку и АТР. [Электронный ресурс] // RT. 14.04.2022. Режим доступа: <<https://russian.rt.com/business/news/990496-putin-postavki-gaza-i-nefti-rossiya>> (дата обращения: 27.12.2022)

8. Россия и Китай подготовили инфраструктуру для торговли в нацвалютах. [Электронный ресурс] // РИА новости. 26.04.2022. Режим доступа: <https://ria.ru/20220426/torgovlya-1785471850.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop> (дата обращения: 27.12.2022)

9. Чили и Аргентина приостановили поставки литиевого сырья в Россию. [Электронный ресурс] // РБК. 12.04.2022. Режим доступа: <<https://www.rbc.ru/politics/12/04/2022/6255bbfb9a79476aacc9089>> (дата обращения: 27.12.2022)

10. Brasil y Paraguay empiezan a usar monedas locales en su comercio bilateral. [Электронный ресурс] // SELA .2018. Режим доступа: <http://www.sela.org/es/prensa/servicio-informativo/2018/08/20180807/brasilparaguay/national_currency> (дата обращения: 27.12.2022)

Валиев Айдамир Александрович,
аспирант,
Дипломатическая академия
МИД России,
aidamirv@mail.ru
Aidamir A. Valiev,
Ph.D. student,
Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
aidamirv@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАДИКАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

RADICAL IDEOLOGY IMPACT CENTRAL ASIA

Аннотация: Центральная Азия представляет собой весьма многогранный, полиэтничный, многоконфессиональный регион. Здесь пересекается множество культур, национальных традиций и укладов, объединенных общим фактором – религиозным.

Ключевые слова: Центральная Азия, радикальная идеология, экстремизм, радикализм.

Abstract: Central Asia is a very multifaceted, multi-ethnic, multi-confessional region. Many cultures, national traditions and ways of life intersect here, united by a common factor - religious.

Keywords: Central Asia, radical ideology, extremism, radicalism.

Для более лучшего понимания предмета анализа целесообразно проанализировать исследования о роли религии в Центральной Азии в книге Religion, Conflict, and Stability in the Former Soviet Union, подготовленной аналитическим центром RAND Corporation. Там авторы затронули весьма важную и имеющую большое влияние на регион тему. Безусловно, в таком регионе, как Центральная Азия, вопросы религии на протяжении истории играли существенную роль. В этом смысле не стал исключением даже 70-

летний период советской власти с ее официально провозглашенным атеизмом [1].

Представляются интересными сразу несколько тезисов. Во-первых, в данной главе авторы выделяют фактор религиозного радикализма и его роль в регионе. Отмечают также, что в 1990-х – начале 2000-х гг. вероятность обострения радикальных настроений в регионе была крайне высока. Это было обусловлено как распадом Советского Союза, так и начавшимися вооруженными межэтническими, межконфессиональными и межклановыми столкновениями во внезапно обретших независимость республиках. Тем не менее Центральная Азия не утонула в неконтролируемом и тотальном разгуле радикализма. Конечно, исламский радикализм представлял собой весьма серьезную угрозу и стал испытанием для региона в 1990-е гг., однако в итоге ожидаемой и прогнозируемой по большей части западными экспертами повальной радикализации не случилось. Что же послужило причиной ограниченного распространения радикальных течений ислама и формирования террористических формирований? По словам авторов, такой сценарий стал возможен благодаря политике, проводимой региональными акторами и Москвой, а также ввиду определенных особенностей самого ислама в Центральной Азии.

Во-вторых, подчеркивается, что конфессиональный и религиозный факторы продолжали играть важную роль в жизни республик региона, даже в советский период, когда, казалось бы, вопросы религии всячески подавлялись и замалчивались. По мнению авторов, примечательно, что именно религиозность и приверженность жителей региона традициям внесли значительный вклад, помимо всего прочего, в распад Советского Союза. Иными словами, это стало не результатом распада СССР, а одной из его причин.

В-третьих, авторы проводят четкое разграничение между политическим исламом, исламским радикализмом и экстремизмом, а также терроризмом. В то же время признается тот факт, что выделенные категории могут где-то

совпадать и пересекаться по смыслу. Итак, политический ислам – это течение, имеющее политические цели, которые могут быть как государственными, так и негосударственными. Это течение, как правило, основывается на идеологии, базирующейся на религиозном и социально-политическом контекстах. При этом политический ислам может носить как радикальный, так и нерадикальный характер. Экстремизм не терпит иных, отличных точек зрения и выходит за рамки мировоззрения традиционного исламского общества. Терроризм, в свою очередь, является инструментом исламского радикализма и носит исключительно насильственный характер.

В то же время, вероятно, было бы полезным отдельно отметить весьма тесную связь между исламским радикализмом и терроризмом, порой грань между ними и вовсе не заметна. Радикализм зачастую толкает его приверженцев на насильственное подчинение, принуждение. В этой связи важно выработать стратегию, позволяющую ограничивать этот переход к насильственным мерам. Необходимо приложить максимальные усилия для минимизации связи между радикализмом и терроризмом, а в идеале – продолжать жесткую и бескомпромиссную борьбу с последним. В этом отношении показателен и весьма успешен пример подавления террористического подполья на российском Северном Кавказе.

Исламский экстремизм в Центральной Азии и на Северном Кавказе является угрозой для Российской Федерации. Среди стран СНГ особенно выделяются Узбекистан и Таджикистан, что вполне логично, поскольку эти страны и имели значительный конфликтогенный потенциал вскоре после распада Советского Союза. Достаточно вспомнить конфликты в Ферганской долине или гражданскую войну в Таджикистане. Вдобавок ко всему этому сохраняется и непосредственная близость Афганистана к региональным границам, а Афганистан – это государство с непрекращающимся внутренним конфликтом, иностранным контингентом, наркотрафиком. Близость Афганистана дает религиозным фанатикам и террористам новые возможности, в частности возможности интеграции. Они начинают активно

сотрудничать с различными запрещенными в России террористическими организациями, такими как «Аль-Каида», ИГ, «Талибан» и т.д.

Сегодня ситуация с религиозным экстремизмом и терроризмом в Центральной Азии неоднозначна. С одной стороны, сейчас вероятность радикализации и ее активного распространения, как представляется, сведена к минимуму, особенно если сравнивать с 1990-ми и 2000-ми гг., характеризующимися крайней нестабильностью не только в самом регионе, но и на всем постсоветском пространстве. С другой стороны, никто не отменял влияния внерегиональных, третьих, сторон – Турции, стран Персидского залива и Южной Азии. Не стоит забывать о том, что там тоже есть очаги радикальных исламистских течений, что, в свою очередь, может оказать влияние в том числе и на Центральную Азию.

Некоторые эксперты говорят также о волне религиозного ренессанса в странах Центральной Азии в ближайшем будущем. Вероятно, масштабного религиозного влияния не предвидится, но некое «пробуждение» (в плане более активного влияния на общественно-политическую жизнь стран региона) вполне может иметь место. Данные процессы в значительной степени обусловлены политикой государственных структур, активно поддерживающих, развивающих религиозное образование и создающих благоприятные условия для расширения роли и влияния мусульманских общин. В этой связи обсуждение вопросов о месте и роли ислама в политической системе, масштабах и перспективах его влияния на население приобретают серьезное значение. Отмечая увеличение влияния ислама на жителей Центральной Азии, не следует забывать, что этот процесс связан не только с активной миссионерской деятельностью имамов и различных исламских институтов; интерес к исламу связан с некоторым снижением авторитета светской власти, а также деградацией отдельных политических систем и режимов стран региона [2].

В процессе «пробуждения» Центральной Азии важную роль, скорее всего, будут играть религиозные лидеры, а экстремистские проповедники

должны будут обосновать и легитимизировать их влияние и власть. Сегодня мы видим, что представители исламской общественной мысли становятся более авторитетными и влиятельными для населения региона, чем светские политики. Более того, они все активнее внедряют в сознание населения тезис о неотделимости ислама от политики. Поэтому особое внимание следует обратить на ведущуюся в странах ЦА подготовку высококвалифицированных исламских кадров. В то же время крайне важно понимать, что эти процессы пока не носят глобальный характер в регионе, следовательно, говорить о тотальном «пробуждении» не представляется верным.

Важно, что проблемы, связанные с масштабами исламизации, хорошо понимает руководство центральноазиатских государств. Однако конкретных шагов по локализации и сдерживанию распространения радикального ислама практически нет. Более того, иногда именно политическая власть создает условия, благоприятствующие его распространению и укоренению. Сегодня мы можем наблюдать парадоксальную ситуацию. С одной стороны, руководство стран региона демонстрирует озабоченность возможностью проникновения радикальных исламских группировок из-за рубежа, прежде всего из Афганистана, но с другой – активно способствует развитию исламского самосознания населения. Необходимо отметить, что все без исключения правительства стран Центральной Азии видят своими главными противниками исламских радикалов.

Эксперты отмечают, что, несмотря на успех попыток Центральной Азии избежать масштабной радикализации, риск ее расширения в наши дни существует и он отнюдь не безобиден. Риск распространения радикальных течений ислама и, как следствие, расширения террористической сети существует. Вопрос состоит в том, в какой степени это будет развиваться, какие конкретно шаги будут предприняты руководством бывших советских республик, какие цели будет преследовать руководство. Не стоит забывать и о влиянии третьих сторон (прежде всего Турции) и о том, насколько открытыми и подверженными этому влиянию будут страны Центральной Азии сегодня.

Важно понимать, что террористические организации рассматривают государства Центральной Азии в качестве вербовочной базы для пополнения своих рядов и главного направления распространения радикальной экстремистской идеологии исламского толка. Серьезную опасность для России и государств Центральной Азии представляют иностранные террористы-боевики, возвращающиеся в страны исхода или в третьи государства (Афганистан, Сирию). Подобные радикалы прошли боевую и идеологическую подготовку в международных террористических организациях и нацелены на дальнейшее применение своего подрывного опыта.

Ситуацию осложняет не снижающаяся обороты идеологическая, пропагандистская и рекруторская деятельность лидеров «террористического интернационала» с использованием информационно-коммуникационных технологий, в первую очередь Интернета и социальных сетей, а также оказываемая Западом помощь террористам с целью переориентировать их активность против неудобных государств, включая Россию [3].

В связи с этим в качестве важнейшей задачи обеспечения национальной безопасности Россия выделяет предупреждение пропагандистской и рекруторской активности террористических группировок и выступает с развернутыми инициативами на международной арене. Россия отстаивает позицию по недопустимости какой-либо подпитки террористов, включая кадровую, материально-техническую, финансовую и информационную поддержку, что является непосредственным оправданием террористической деятельности. Также она фиксирует политизированное потакание террористам со стороны Запада, нацеленное на переориентацию активности террористов против неудобных правительств [4].

Уровень террористической угрозы в регионе требует более плотной координации действий и продвижения совместных усилий по всем приоритетным аспектам международного антитеррористического сотрудничества, прежде всего в ООН. Важно вести регулярную «сверку часов»

по вопросам антитеррора как на двустороннем уровне, так и по линии профильных региональных структур – ШОС, ОДКБ.

Вызывают серьезные опасения неоднократные попытки боевиков ИГИЛ²⁰ взять под свой контроль контрабанду наркотиков через афганотаджикскую границу. Хотелось бы подчеркнуть, что незаконный оборот опиатов из Афганистана продолжает оставаться одним из финансовых источников международного терроризма и, как следствие, еще одной угрозой стабильности и безопасности в регионе [7].

В связи с этим осложняет ситуацию политическая всеядность правительств и элит стран Центральной Азии, их готовность идти на частичную сдачу суверенитета за дотации от любых доноров. Факт инициативного участия правительств стран Центральной Азии в западных антиэкстремистских программах подтверждает, что по ряду причин центральноазиатские республики не смущают все углубляющаяся их вовлеченность в международное сотрудничество по ПНЭ и опасность навязывания Западом концепции в качестве некоего международного стандарта антиэкстремистского взаимодействия [5; 6].

Закрепление в государствах Центральной Азии западных приоритетов в вопросах оценки угроз и организации деятельности по противодействию терроризму и экстремизму способно нанести существенный ущерб национальным интересам России. На этом фоне абсолютно неприемлемы рассуждения о целесообразности интегрирования сотрудников профильных российских ведомств в реализацию западных программ, тем более в плане самовнушения, что таким образом гарантируется продвижение российских интересов в регионе [8; 9].

В этой связи можно сделать следующие выводы.

1. Видится необходимой плотная и системная работа с партнерами из Центральной Азии в двустороннем формате, в том числе с использованием ресурсов РАТС ШОС, ОДКБ, АТЦ СНГ.

²⁰ Международная террористическая организация, запрещена в России

2. Назрела острая необходимость существенно повысить эффективность координации действий России в сфере международного контртеррористического сотрудничества. Для этого необходимо регулярно, на системной основе проводить «сверку часов» по вопросам антитеррора и обеспечивать практические шаги по реализации согласованных общих задач по линии ключевых международных площадок, прежде всего ООН.

3. Целесообразно выводить проблематику вредоносных проектов ПНЭ в странах Центральной Азии, а также проектов вмешательства во внутренние дела России и центральноазиатских государств.

Список литературы

1. Religion, Conflict, and Stability in the Former Soviet Union // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2195.html

2. Радикализация в Центральной Азии: удалось ли избежать? // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/radikalizatsiya-v-tsentralnoy-azii-udalos-li-izbezhat/>

3. Зайцева Е.А. Вопросы безопасности Центрально азиатского региона на современном этапе осуществления регионального сотрудничества/ Е.А. Зайцева // Постсоветские исследования. Т.2. - С. 380.

4. Ханалиев Н.У. Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центрально-Азиатский регион // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. - 2020. - Т. 7. - №3. - С. 205-225. doi: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-205-225

5. Национальная безопасность России: внутренние угрозы реализации стратегии : монография / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленко, А.И. Поварова, А.И. Россошанский ; под науч. руководством д.э.н., профессора В.А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 132 с.

6. Рогов А.С., Федотова Ю.Г. Государственная безопасность: элемент или содержание национальной безопасности Российской Федерации / А. С. Рогов, Ю. Г. Федотова // Власть. 2016. № 12. - С. 128-132.

7. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Международный терроризм и современные противоречия мировых глобальных процессов // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 7-8 (174-175). С. 1-9.

8. Ногмов А.М., Шангараев Р.Н. Основные методы совершения террористических атак на современном этапе // Международный правовой курьер. 2018. № 3 (27). С. 37-40.

9. Жабин Д.А., Ногмова А.Ш., Шангараев Р.Н. Противодействие государственных органов Российской Федерации международному терроризму на современном этапе // Дипломатическая служба. 2017. № 4. С. 79-85

Итиуридзе Лали Алексеевна,
кандидат социологических наук, доцент,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Lali A. Itiuridze,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Plekhanov Russian University of Economics

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

SOME ASPECTS OF FOOD SECURITY

Аннотация: по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (Food and Agriculture Organization of the United Nations – FAO), в 2022 году 850 млн человек страдали от недоедания. Наиболее уязвимыми странами в этом отношении являются Сомали, Джибути и Эфиопия, которые из-за засухи традиционно испытывают сильную зависимость от поставок зерна. Подобные проблемы существуют по всей зоне Сахеля (12 государств с населением порядка 300 млн чел.). Перебои со снабжением продовольствия, связанные с политико-экономической ситуацией, возникли также в Афганистане, Ливане и Тунисе.

Ключевые слова. ООН, Китай, Индия, Европейский союз, Европейская комиссия, продовольственная безопасность, сельское хозяйство, сельскохозяйственные инициативы, зерно.

Abstract: according to the Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), in 2022, 850 million people. suffered from malnutrition. The most vulnerable countries in this regard are Somalia, Djibouti and Ethiopia, which are traditionally heavily dependent on grain supplies due to drought. Similar problems exist throughout the Sahel (12 states with a population of about 300 million people). Politico-economic food disruptions also occurred in Afghanistan, Lebanon and Tunisia.

Keywords: UN, China, India, European Union. European Commission, food security, agriculture, agricultural initiatives, grain.

Эксперты отмечают, что новых сельскохозяйственных площадей в последнее время не вводится, объемы производства зерновых культур не увеличиваются и при этом на фоне сложной геополитической обстановки поставщики испытывают затруднения с доставкой пищевой продукции, основную часть которой составляет пшеница. Положительным моментом, по мнению специалистов, является то, что в 2022 году в ключевых сельхозрайонах не произошло климатического бедствия. С другой стороны, украинский кризис продолжается (примерно 20% экспорта зерна на мировой рынок поступает из Черноморского региона), цены на зерно растут, создавая риски дестабилизации рынков и усиливая продуктовую зависимость в отдельных регионах планеты [1]. Основной проблемой аналитики считают то, что всего 8 стран обеспечивают 80% мирового экспорта пшеницы. При этом более чем две трети внешней торговли данным сырьем приходится на морские перевозки, которые становятся все менее надежными из-за протекционистских мер и санкционных ограничений^[1].

Эксперты обращают внимание на особую роль Китая на мировом рынке зерновых, а также на китайскую практику создания резервов из дефицитного для государства сырья. Крупнейшая в стране продовольственная компания Cofco владеет значительным флотом зерновозов и зернохранилищами по всему миру (запасов пшеницы в мире хватает на квартал. Без Cofco их хватит только на четыре недели). К тому же производство зерновых в самой КНР сталкивается с трудностями. Северо-восточные регионы, где расположены ключевые сельхозугодья, подвергаются влиянию урбанизации, истощены и становятся зоной рискованного земледелия.

Аналитики указывают также на дефицит водоснабжения вышеупомянутых территорий из-за истощения водных ресурсов Гималаев, что одновременно связано с китайско-индийской пограничной проблематикой. Тем не менее КНР занимает первое место по производству пшеницы, на втором находится Индия. При этом Нью-Дели иногда все же отправляет зерно на экспорт, а Пекин использует его исключительно для внутреннего

потребления и уделяет значительное внимание модернизации сельского хозяйства для повышения производительности. В частности, крупнейшая китайская компания Chem-China приобрела лидера европейских сельскохозяйственных технологий в области биологии и геномной инженерии – швейцарскую фирму Syngenta [2].

Деятельность Китая в сфере повышения собственной продовольственной безопасности привлекает особое внимание стран ЕС. С учетом нынешних геополитических обстоятельств и климатических изменений в Брюсселе готовят поправки в законодательство, чтобы смягчить ранее введенные запреты на имплементацию передовых научных достижений на внутреннем рынке. Планируется, что Еврокомиссия (ЕК) в начале июня 2023 года опубликует предложения, которые могут радикально, по мнению специалистов, изменить определение и расширить рамки использования генетически модифицированной продукции в Европе. В принципе на данный момент речь идет о новой технике селекции (new breeding techniques – NBT), что является более точной модификацией генома, чем в случае с ГМО. Но эксперты говорят о вероятности полного исключения ГМО из ограничений, чтобы предоставить науке возможность, в частности, для создания устойчивых к засухе растений.

Франция, Испания и Италия поддерживают проект Еврокомиссии. Однако в германской правящей коалиции нет единства относительно вопроса новых технологий селекции с изменением генома. Поскольку предложения ЕК должны приниматься ЕС квалифицированным большинством (55% голосов стран, представляющих 65% населения), исследователи предполагают, что результат голосования, которое пройдет в течение текущего года, возможно, не будет успешным и усилит противоречия внутри ЕС [3].

Обостряя дискуссию на тему применения ГМО в сельском хозяйстве Европы, генеральный директор Союза французских селекционеров (Union Française de Semenciers) Рашель Блюмель (Rachel Blumel) признала, что если бы в ЕС с 2000 года не использовали методики улучшения гена зерновых, то к

2020 году урожайность была бы на 20% ниже. Однако так считают не все специалисты. По мнению некоторых из них, для создания зерновой культуры, которая бы выдерживала климатические стрессы, технология NBT является тупиковым путем развития агронауки. В качестве аргумента они приводят пример успешного выведения сорта зерна Jabal посредством скрещивания с сирийским зерном из засушливых районов. Тем не менее Европейский инвестиционный банк (European Investment Bank) выделил 40 млн евро французской фирме Florimond Desprez на проведение соответствующих исследований. Сегодня результаты усовершенствования генома зерна внедряют в сельскохозяйственное производство в США, Бразилии, Аргентине, Японии. Р. Блюмель настаивает, что Европа, блокируя внедрение новых технологий, может утратить еще и зерновой суверенитет [4].

Поддерживая сельскохозяйственные инициативы Еврокомиссии, аналитик Института международных и стратегических отношений (Institut de relations internationales et stratégiques – IRIS) Себастьян Аби (Sébastien Abis) считает одновременно необходимым экстенсивное развитие земледелия. Тем более что в Европе имеется потребность выделения земель под производство культур для выработки биотоплива по программе энергоперехода. По его словам, следует поддерживать наращивание посевных площадей в Индонезии, Малайзии, на Филиппинах, во Вьетнаме, в Эфиопии, ЮАР, Марокко и Мексике. Французский исследователь подчеркивает, что если не придать мировому сельскому хозяйству устойчивости, то к концу этого века человечество столкнется с продуктовым кризисом [5].

На фоне неминуемого сокращения посевов на Украине такой сценарий не кажется маловероятным. По данным Международного комитета спасения (International Rescue Committee), 25% украинских сельхозпроизводителей прекратили свою деятельность, их ущерб независимые эксперты оценили в 2,25 млрд долл. Снижение уровня будущего украинского урожая зерновых может составить от 10 до 20 млн т [6].

Однако сокращение производства сельхозпродукции по различным причинам – явление не новое. Как указывают аналитики, за последние 30 лет доля экспорта США в мировой торговле сельскохозяйственной продукцией упала с 14 до 9,2%, Нидерландов – с 8 до 6,2%, Франции – с 8,4 до 4,2%. Причем в снижении зернового производства и его экспорта французы винят конкуренцию с востока Европы, в основном со стороны российских земледельцев. Тем не менее специалисты прежде всего обращают внимание на негативное воздействие запретительных европейских норм, имеющих отношение к сельскому хозяйству, которые вводятся преимущественно под давлением экологических НПО.

Президент французского объединения профсоюзов фермеров (Fédération nationale des syndicats d'exploitants agricoles – FNSEA) Кристиан Ламберт (Christiane Lambert) отмечала, что ограничительные меры, касающиеся применения средств для защиты растений и скота, подрывают деятельность аграриев в Европе. Конфликт между сельхозпроизводителями и властями усугубился до такой степени, что в Париже в феврале 2023 года обещали механически не переносить европейские нормы в национальное законодательство. Однако дискуссии о новом законе обостряются, и к лету, т.е. к моменту его принятия, к противостоянию с фермерами подключатся экологические НПО [7].

Дебаты о качестве продукции сельского хозяйства, его влиянии на экологию и убытках фермеров выходят на международный уровень. Так, Нидерланды собираются отказаться от договора ЕС с латиноамериканскими государствами, входящими в объединение МЕРКОСУР [13], если из него не будет исключен пункт о свободной торговле сельхозтоварами. Евродепутат Джереми Десеркль (Jérémy Decerclé) указывает на целый ряд конфликтных ситуаций в мире, вызванных протекционистскими мерами. По его словам, из-за особенностей регулирования индийского агросектора сорвалось подписание многостороннего соглашения в рамках ВТО [14]. Эта же тема находится в центре разногласий по договору между США и Канадой, а также

по соглашениям о партнерстве между ЕС и Африкой [15]. Одновременно Дж. Десеркль подчеркивает, что речь чаще всего идет о завышенных требованиях к сельхозпроизводству в Европе, которые в то же время не учитываются при импорте сельхозпродукции. В связи с этим депутат призывает задуматься о негативном влиянии ограничительных мер для национальных производителей на продовольственный суверенитет Евросоюза [8].

Другим существенным фактором, отрицательно влияющим на сельскохозяйственную деятельность, является возрастающий недостаток водных ресурсов. В географическом плане испытывают так называемый водный стресс север Китая, Индия, Пакистан, зона Сахель в Африке, а также Ближний Восток и запад США. Примерно 2,3 млрд человек проживают в местах, где минимум один раз в год возникает острая нужда в воде. Однако договоренностей о взаимодействии по мерам нейтрализации процессов, связанных с обезвоживанием планеты, не существует на международном уровне. И это уже проблема политическая [16]. Как отмечает представитель Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Ксавье Лефлев (Xavier Leflaive), защитой климата, лесов и океанов мировая общественность озаботилась. Хотя очевидно, что следует скоординировать также усилия в рамках вышеуказанных программ со сбережением водных ресурсов Земли [9].

По мнению аналитиков, если не добиться взаимодействия, то водная проблема приведет не просто к падению сельскохозяйственного производства, а станет причиной новых кризисов и военных столкновений. Фрагментация мировой политики этому в полной мере способствует [12]. В будущем году по тематике конфликтных ситуаций, связанных с водными ресурсами, обещают представить доклад в ЮНЕСКО. В марте 2023 года по теме недостатка воды высказался Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, заявивший, что человечество слепо следует опасным путем [10].

Список литературы

1. *Cheyvialle A.* Sans agriculture plus durable, ce siècle finira très mal // Le Figaro. 04.04.2023. – <https://www.lefigaro.fr>.
2. L'interview de Sébastien Abis (IRIS) par Stéphane Soumier // B SMART. 20.03.2023. – <https://www.youtube.com>.
3. *Krinke Ch.* Germany: no government support for GMO deregulation I/ infOGM. 06.02.2023. – <https://www.infogm.org>.
4. *Struna H.* Sécheresse: 'Europe divisée sur les promesses «des nouveau OGM» // Euroactiv. 09.03.2023. – <https://www.euroactiv.fr>.
5. Agriculture mondiale: nourrir ou verdir, quel choix? Entretien avec Sébastien Abis // IRIS. 01.03.2023. – <https://www.iris-france.org>.
6. *Ptak G.* Les secteur agricole ukrainien très fragilisé par la guerre // Les Echos. 22.03.2023. – <https://www.lesechos.fr>.
7. *Détrovat O.* Comment la France sacrifie son agriculture sur l'autel des norms // Le Figaro. 23.03.2023. – <https://www.lefigaro.fr>.
8. *Decerle J.* Ne détruisons pas la durabilité de notre agriculture // Les Echos. 24.03.2023. – <https://www.lesechos.fr>.
9. *Hiault R.* Les pénuries d'eau seront de plus en plus fréquentes dans le monde // Les Echos. 23.03.2023. – <https://www.lesechos.fr>.
10. *Jacque M.* Le «stress hydrique» touché plus d'un quart de la population // Les Echos. 23.03.2023. – <https://www.lesechos.fr>.
11. Grabova O.N., Suglobov A.E., Karpovich O.G. Evolutionary institutional analysis and prospects of developing tax systems // *Espacios*. 2018. Т. 39. № 16. С. 40.
12. Шангараев Р.Н. Формирование кластерных структур в современной экономике // *Горизонты экономики*. 2011. № 2. С. 71-72.
13. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Перспективы сотрудничества России со странами Латинской Америки // *Russian Journal of Management*. 2019. Т. 7. № 2. С. 26-30.

14. Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы // (2-е издание, с изменениями и дополнениями) Москва, 2020.

15. Россия - Африка: стратегическое сотрудничество. Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Троянский М.Г., Шангараев Р.Н. (2-е издание, исправленное и дополненное) Москва, 2023.

16. Актуальные проблемы реализации целей устойчивого развития: теория и практика. Анисимов И.О., Баринаева В.А., Гуляева Е.Е., Данельян А.А., Карпович О.Г., Логинова А.Д., Мартиросян А.Ж., Мачнев К.Е., Нечаева Ю.С., Сидорова Л.Н., Тимакова О.А., Шангараев Р.Н. Москва, Дипломатическая академия МИД России, 2023.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.5

Алькин Кирилл Алексеевич,
Ленинградский государственный университет,
Санкт-Петербург,
newk3rell@yandex.ru

Гибадулин Тимур Рашидович,
Ленинградский государственный университет
Санкт-Петербург,
gibadulintimur@mail.ru

Кадочников Алексей Николаевич,
кандидат физико-математических наук, профессор,
Ленинградский государственный университет
Санкт-Петербург,
ank1805@yandex.ru

Kirill A. Alkin,
Leningrad State University,
Saint Petersburg,
newk3rell@yandex.ru

Timur R. Gibadulin,
Leningrad State University,
Saint Petersburg,
gibadulintimur@mail.ru
Alexey N. Kadochnikov,

PhD, professor
Leningrad State University,
Saint Petersburg,
ank1805@yandex.ru

О ЛЕНД-ЛИЗЕ НА УКРАИНУ И ПЕРСПЕКТИВЕ ЕГО ВЛИЯНИЯ НА УКРАИНСКУЮ «ВОЕННУЮ» ЭКОНОМИКУ

ABOUT LEND-LEASE TO UKRAINE AND THE PROSPECT OF ITS IMPACT ON THE UKRAINIAN “MILITARY” ECONOMY

Аннотация: цель исследования – проанализировать влияние ленд-лиза США на экономику Украины. Авторами проанализирован правовой аспект

ленд-лиза, его исторический опыт, а также текущая конъюнктура поставок на Украину. В статье приведены потенциальные варианты развития событий на Украине на основе исследованных данных. Данная статья может быть полезна всем формирующим облик мира завтрашнего дня, а также интересующимся историей, политологией и экономикой.

Ключевые слова: ленд-лиз, Украина, экономика, СВО.

Abstract: the purpose of the study is to analyze the impact of the US lend-lease on the economy of Ukraine. The authors have analyzed the legal aspect of lend-lease, its historical experience, as well as the current situation of supplies to Ukraine. The article presents potential options for the development of events in Ukraine based on the data studied. This article can be useful to everyone shaping the face of the world of tomorrow, as well as those interested in history and economics.

Keywords: lend-lease, Ukraine, economics, SMO.

В настоящее время во всем мире происходят глобальные геополитические, экономические и социальные изменения, одним из основных катализаторов которых стали события, происходящие в рамках специальной военной операции на Украине. Столкновение западных коалиционных интересов (США и стран Европейского союза) с целью создания однополярного мира с доминированием США и интересов России, а также стран, претендующих на разрушение гегемонии западных держав в целях восстановления многополярного мира, утраченного после распада СССР, привели к горячей фазе конфликта на территории Украины, из-за чего экономическая война коллективных сил Запада и России приблизилась к своему апогею.

В ходе событий на Украине, влияющих на экономику стран - участников конфликта, можно выделить одно из ключевых – ленд-лиз, согласно которому украинское правительство будет снабжаться материальными и прочими средствами, которые помогут «защитить демократию». Данный нормативно-правовой акт №117-118 (Ukraine Democracy Defense Lend-Lease Act of 2022) [1] был подписан 9 мая президентом США Джо Байденом. Полное название данного нормативно-правового акта – «Закон о предоставлении президенту расширенных полномочий по заключению соглашений с правительством Украины о предоставлении или аренде оборонных средств этому правительству для защиты гражданского населения Украины от российского военного вторжения или других целей» (To provide enhanced authority for the President to enter into agreements with the Government of Ukraine to lend or lease defense articles to that Government to protect civilian populations in Ukraine from Russian military invasion, and for other purposes). Закон о ленд-лизе предоставляет президенту США на 2022/2023 финансовый год расширенные полномочия на заключение соглашений с украинскими властями о предоставлении оборонных средств во временное пользование или аренду. Следует отметить, что данный документ внесли на рассмотрение в Сенат США еще до начала специальной военной операции, а именно 19 января 2022 года, что свидетельствует о том, что американское правительство подготавливало нормативно-правовую базу для поддержки вооруженных сил Украины заранее. На основании этого можно выдвинуть тезис о том, что одной из целей данной программы является не поддержка государства от внешних угроз, а создание политической зависимости.

Закон о ленд-лизе помогает обойти множество бюрократических препятствий, чтобы в кратчайшие сроки наращивать объемы военной помощи Киеву. В соответствии с документом не позднее чем через 60 дней после принятия данного законопроекта глава Белого дома должен был создать ускоренные механизмы поставок вооружений. Помимо этого, согласно акту США, также могут предлагать странам Восточной Европы военную технику в

обмен на советские танки и зенитные ракетные комплексы, которые будут передаваться украинским войскам.

Поставки США по программе ленд-лиза, за которые впоследствии так или иначе должна будет заплатить Украина, осуществляются в кредит или аренду. Эти последствия могут оказать сильное влияние на развитие экономики страны вплоть до нескольких следующих десятилетий. В законе №117-118 определено, что данный нормативно-правовой акт является исключением и к нему не применяются положения:

1) Section 503(b)(3) of the Foreign Assistance Act of 1961 (22 U.S.C. 2311(b)(3)) [2]. В соответствии с данным положением кредит имеет фиксированную продолжительность, которая не может превышать 5 лет.

2) Section 61 of the (22 U.S.C. 2796) [3]. Регулирует множество административных вопросов, таких как возможность президента предоставлять военную технику только при наличии определенных условий и т.д.

Соответственно, Украине могут предоставить долгосрочный кредит и неограниченную военную помощь, несмотря на дополнительные ограничения, предусмотренные законодательным актом о ленд-лизе.

Остальные нормативно-правовые акты регулирует в том числе и данный ленд-лиз. Это говорит о том, что Запад не пойдет на уступки Украине и она будет получать помощь на условиях прежних программ ленд-лиза, однако выплата кредита может затянуться на долгие годы.

Для более подробного анализа необходимо определить суммы поддержки, количество и виды военной техники, а также другую помощь, поставляемую по программе ленд-лиза.

В момент подписания акта Джо Байден запросил у Конгресса США дополнительные 33 млрд долларов, которые будут направлены на поддержку Украины. Из этой суммы 20 млрд должны пойти на военную помощь, 8,5 млрд – на экономические нужды Киева, а также 3 млрд – на гуманитарные расходы. Позднее сумма была увеличена до 40 млрд долларов США. Однако, в связи со

спадом экономики США в 2022 году и необходимыми затратами на обеспечение безопасности США, администрация израсходовала большую часть средств, которые должны были быть направлены на поддержку Украины [4]. Первые лица США и Украины упоминали также в своих выступлениях виды военной техники, которые будут поставлены на Украину согласно программе ленд-лиза [4].

Первый пакет американской помощи в виде военной техники предусматривает следующие виды вооружения: реактивные системы залпового огня M142 HIMARS, зенитно-ракетные комплексы;

- 1) броневые автомобили «Хамви»;
- 2) самоходные артиллерийские установки M109A6 Paladin;
- 3) тактические машины для буксировки оружия;
- 4) грузовики и прицепы для тяжелой техники;
- 5) радары;
- 6) системы борьбы с беспилотниками;
- 7) системы безопасности связи;
- 8) противоминное оборудование;
- 9) бронежилеты и амуницию.

Также ВСУ получили интерактивные доски с актуальной и обновляющейся картой боевых действий со спутника, с помощью которой они получают большое преимущество в скорости реагирования на смену позиции противника [7].

Кроме этого, вооруженным силам Украины также будут поставлены боеприпасы, авиационные средства поражения, различное военнотехническое имущество и т.д.

Последствия данной поддержки проявились уже в течение первого месяца действия данной программы. Например, с помощью ракет HIMARS 24 октября была обстреляна Каховская ГЭС, 25 сентября реактивные системы залпового огня HIMARS нанесли удар по гостинице Play в центре Херсона, в которой на тот момент находилась съемочная группа Russia Today Мурада Гадзиева, в результате чего погибло два человека. 16 октября этими

же ракетами вооруженные силы Украины обстреляли здание администрации Донецка, при этом пострадали два мирных жителя (по сообщениям штаба территориальной обороны ДНР), а также совершили обстрел колонии в Еленовке [5].

Ключевыми видами вооружения в других пакетах являются:

- 1) танки Т-72Б с усовершенствованными системами управления очередью, средствами связи и бронезащитой;
- 2) зенитно-ракетные комплексы Avenger, а также предназначенные для них ракеты Stinger;
- 3) речные бронекатера;
- 4) дроны-камикадзе Phoenix ghost;
- 5) высокоточные малогабаритные планирующие авиабомбы SDB.

США также оказывают военную помощь в виде интеграции западных ракет, не переданных по Варшавскому договору, в старые советские системы ПВО.

Данные виды вооружения полностью переворачивают карту военных действий. С помощью РСЗО HIMARS были нанесены удары по Антоновскому мосту. Также посредством этих ракетных комплексов было разрушено более 50 складов боевых комплектов Российской Федерации. В связи с данными событиями с целью сокращения потерь личного состава было решено перегруппировать войска из Херсона на левый берег Днепра.

Помимо использования западного вооружения для ведения военных действий на территории Украины и присоединенных территорий России, ВСУ совершили несколько ракетных ударов по территории Российской Федерации. Российские силы ПВО уничтожили ракеты и дроны, направленные Украиной на аэропорт г. Энгельса. Были нанесены удары и по различным областям Крыма, Брянской и Ростовской областей.

Полностью оценить влияние ленд-лиза на Украине достаточно сложно, так как «каждый бронезилет и радар вносит свой вклад», однако с уверенностью можно сказать, что страны Запада оказывают существенную помощь украинской армии и способствуют дополнительной эскалации конфликта. Запланированный военный бюджет Украины на 2022 год составил 319,4 млрд гривен (8,76 млрд долларов) [8], а только первый пакет военной помощи Украины от США по программе ленд-лиза составляет более 2 млрд долларов, то есть более 20% от военного бюджета Украины.

Помимо поддержки, которую Украина получает с начала специальной военной операции, стоит отметить, что ее милитаризация Западом проходила с середины 1990-х годов (после распада СССР), несмотря на большие запасы вооружения, оставшиеся на постсоветском пространстве. На момент распада Советского Союза на Украине было 176 межконтинентальных баллистических ракет (130 SS-19 и 46 SS-24), 43 стратегических бомбардировщика (23 Ту-95 и 20 Ту-160), 241 тактический бомбардировщик (90 Ту-16, 70 Ту-22, 81 Ту-22М), 20 самолетов ИЛ-78 для дозаправки в воздухе, 245 ударных истребителей Су-24, 80 модернизированных тяжеловесных перехватчиков МиГ-25 и 260 истребителей МиГ-29 и Су-27. Ядерное оружие было передано Российской Федерации, а часть стрелкового вооружения была продана в Китай, Северную Корею и Иран в 1990-е годы. Некоммерческая организация Small Arms survey утверждает, что с 2013 по 2015 год продали или похитили 300 тысяч единиц стрелкового оружия, поставленного США и оставшегося со времен СССР. Бойцы ВСУ были неоднократно замечены в попытках продать третьим лицам гранаты, мины и патроны.

С учетом того, что целью работы является анализ возможных последствий ленд-лиза для украинской экономики, государственности и перспектив развития в денежно-кредитной сфере, стоит обратиться к историческим примерам, в частности к опыту поставок по ленд-лизу в СССР и Британское содружество наций (далее – Великобритания), изучив с

помощью этих примеров механизм поставок, а также оплаты за произведенные поставки при условии всех необходимых возвратов, и на основании этого опыта предположить пути решения украинского вопроса.

В период Второй мировой войны США осуществляли ленд-лиз в 42 страны. За это время союзникам были поставлены миллионы тонн товаров военного и гражданского назначения. Вклад ленд-лиза в победу союзников нельзя недооценивать. Безусловно, США оставались прагматичными, начиная и продолжая программу ленд-лиза. В тяжелые для США моменты войны (атака на Перл-Харбор) поставки по ленд-лизу в СССР не происходили до полугода. Функционирование механизма ленд-лиза рассмотрено ниже.

Закон о ленд-лизе был принят в 1941 году. Общая сумма, на которую США осуществили ленд-лиз, равна 50,1 млрд долларов США (далее – долларов), что эквивалентно примерно 750 млрд долларов по курсу 2018 года. В том числе в Великобританию было поставлено продукции на 31,4 млрд долларов (471 млрд долларов по курсу 2018 года). В ноябре 1941 года в программу ленд-лиза включили СССР. По программе ленд-лиза в СССР было поставлено 17 500 тыс. тонн различных изделий, которые обошлись казначейству США в 11,3 млрд долларов. По курсу 2018 года это составило около 169 млрд долларов [6].

Поставки в СССР шли различными логистическими путями: через Аляску и Тихий океан в порты Дальнего Востока (суда ходили под советскими флагами), через Архангельск и Мурманск, а также через Иран.

К декабрю 1941 года суммарный ВВП СССР и Великобритании соотносился с ВВП Германии и ее европейских союзников как 1:1. Это обусловлено тем, что к тому моменту Великобритания была истощена морской блокадой и сколько-нибудь существенно помочь СССР в краткосрочной перспективе не могла. Более того, по итогам 1941 года Великобритания проигрывала битву за Атлантику, что было чревато полным коллапсом для экономики страны, практически целиком зависимой от внешней торговли, и реальной угрозой осуществления планируемой Гитлером ее оккупации.

В свою очередь, ВВП СССР в 1942 году, вследствие оккупации Германией значительных территорий, снизился более чем на треть по сравнению с довоенным уровнем, при этом из почти 200 млн человек населения около 78 млн и главные промышленные центры остались на оккупированных территориях, а также под блокадой и у линии фронта.

Таким образом, в 1942 году СССР и Великобритания уступали Германии и ее сателлитам и по ВВП (0,9:1), и по населению (с учетом потерь СССР вследствие оккупации). В этой ситуации руководству США была очевидна необходимость оказания срочной военно-технической помощи обеим странам. Более того, США были единственной страной мира, обладавшей достаточными производственными мощностями для оказания такой поддержки в довольно сжатые сроки, чтобы повлиять на ход боевых действий в 1942 году. В течение всего 1941 года США продолжили наращивать военную помощь Великобритании, а 1 октября 1941 года Рузвельт одобрил подключение СССР к ленд-лизу.

Ленд-лиз вкупе с нарастающей помощью Великобритании в ее битве за Атлантику оказался критическим фактором, вовлекшим США в войну, особенно на европейском фронте. Гитлер, объявляя войну США 11 декабря 1941 года, упомянул оба этих фактора как ключевые в принятии решения вступить в войну с США.

С тяжелым началом войны и необходимостью выиграть время для осуществления перебазирования вглубь страны военной и прочей промышленности ленд-лиз в СССР сначала осуществлялся преимущественно в виде жизненно необходимых поставок американской и английской военной техники и оборудования – самолетов, бронетехники, военных и прочих судов, автомобилей, железнодорожной техники, сотен тысяч и миллионов тонн авиационного топлива, снарядов для орудий, патронов для пистолетов-пулеметов и пулеметов (отличающихся от применяемых в СССР калибров оружия), автомобильных покрышек, запчастей для танков, самолетов и автомобилей и т.п. Уже с 1943 года, когда перебазированная промышленность развернулась в полной

мере, но продовольственные резервы были практически исчерпаны, а руководство союзников перестало сомневаться в способности СССР к долговременной войне, в СССР начали ввозить в основном стратегические материалы (цветные металлы и т.п.), оборудование для промышленности и продукты питания в связи с продовольственным кризисом.

Ограничения в поставках вооружения со стороны США и Британии касались в основном тяжелых бомбардировщиков. Союзники под различными предложениями избегали поставок четырехмоторных бомбардировщиков с большой бомбовой нагрузкой и дальним радиусом действия. Очевидно, что в доступе СССР к данным вооружениям союзники видели угрозу в послевоенное время. Без сомнения, это в определенной мере препятствовало достижению победы над гитлеровской Германией: СССР имел ограниченные возможности дальней бомбардировочной авиации и в условиях войны не мог даже восполнить потери в ней.

За исключением встречных поставок, намного меньших по объему (особенно от СССР) ввиду того, что военная техника и материалы, потерянные в ходе войны, не подлежали возмещению, ленд-лиз в итоге был оплачен получателями (в том числе СССР и западными союзниками) в очень малых долях (считанные проценты) и в основном с большой отсрочкой (спустя десятилетия). Однако не следует недооценивать важность такого «ответного ленд-лиза». Например, особенно ценным в условиях войны для США оказалось решение СССР о доступе США к технологии производства порохов для снарядов систем залпового огня («Катюша»). СССР имел приоритет и значительное преимущество в разработке такого вида оружия на то время. Хотя такое решение о передаче технологии производства было вынужденным для СССР, оно позволило наладить производство нужных порохов в США для «Катюш». Тем самым США сумели решить важную в условиях военного времени задачу быстрого обеспечения и своей армии подобным оружием, имевшим огромное значение в условиях Второй мировой войны.

Предметы снабжения по программе ленд-лиза, которые не были поставлены в СССР на момент окончания Второй мировой войны, но находились к этому времени на складах или в производстве, были предоставлены Советскому Союзу по так называемому «трубопроводному соглашению» (Pipeline Agreement), подписанному 15.10.1945 г. Поставки по этому соглашению, которые состояли только из промышленного оборудования и запчастей, СССР обязался оплатить в долларах и с небольшим процентом на общую сумму в 222 миллиона долларов. В частности, было поставлено следующее оборудование: электрогенераторы, паровые котлы, двигатели, трансформаторы, кузнечно-прессовое оборудование, шахтное оборудование, различные станки (включая прецизионные и полуавтоматические). Эти поставки СССР оплатил не полностью.

Сегмент	Производство в СССР	Объем поставок	Процент от произведенного в СССР
Взрывчатые вещества	558 тыс. тонн	295,6 тыс. тонн	53%
Медь	534 тыс. тонн	404 тыс. тонн	76%
Алюминий	283 тыс. тонн	301 тыс. тонн	106%
Олово	13 тыс. тонн	29 тыс. тонн	223%
Авиабензин	4700 тыс. тонн	2586 тыс. тонн	55%
Автомобильные шины	5953 тыс. штук	3659 тыс. штук	62%
Железнодорожные локомотивы	1086 шт.	11075 шт.	1020%
Железнодорожные рельсы	1101,1 тыс. тонн	622.1 тыс. тонн	57%
Сахар	995 тыс. тонн	658 тыс. тонн	66%
Мясные консервы	432.5 млн банок	2077 млн банок	480%
Жиры животные	565 тыс. тонн	602 тыс. тонн	107%

В целом было поставлено примерно 15% от произведенных в СССР самолетов, танков и артиллерии. Поставки по некоторым статьям ленд-лиза были осуществлены в объемах, в разы превышающих производство в Советском Союзе.

Объем американских поставок по ленд-лизу составил около 10,8 млрд долларов. Согласно закону о ленд-лизе оплате подлежала только уцелевшая в ходе войны техника. Для согласования итоговой суммы сразу по окончании войны начались советско-американские переговоры. В США изначально было рассчитано, что подлежащая оплате сумма за уцелевшую гражданскую технику и оборудование (с учетом их износа) составляет 2,6 млрд долларов. Во время переговоров эта сумма была снижена вдвое, до 1,3 млрд долларов. На переговорах 1948 года советские представители согласились выплатить лишь 170 млн долл. и получили предсказуемый отказ американской стороны. Переговоры 1949 года тоже ни к чему не привели (советская сторона увеличила предлагаемую сумму до 200 млн долл. с рассрочкой на 50 лет, американская же снизила до 1 млрд долл. с рассрочкой на 30 лет). В 1951 году американцы дважды снижали сумму платежа, которая стала равняться 800 млн долл., однако советская сторона соглашалась уплатить только 300 млн долларов.

Соглашение с СССР о порядке погашения долгов по ленд-лизу было заключено лишь в 1972 году. По этому соглашению СССР обязался до 2001 года заплатить 722 млн долл., включая проценты. К июлю 1973 года были осуществлены три платежа на общую сумму 48 млн долл., после чего выплаты были прекращены в связи с вводом американской стороной дискриминационных мер в торговле с СССР (поправка Джексона – Вэника). В июне 1990 года в ходе переговоров президентов США и СССР стороны вернулись к обсуждению долга. Был установлен новый срок окончательного погашения задолженности – 2030 год, а также сумма – 674 млн долларов.

В 1992–1994 годах Российская Федерация подписала со странами – правопреемниками СССР двусторонние соглашения о «нулевом варианте». В связи с этим 2 апреля 1993 года Правительство РФ заявило о принятии на себя ответственности по всем долгам СССР. Россия полностью погасила свою задолженность 21 августа 2006 года.

Исходя из вышеописанного можно сделать вывод о том, что СССР не спешил рассчитываться с США по долгам ленд-лиза и основной причиной принято считать развязавшуюся холодную войну. СССР, не вошедший в план Маршалла, а создавший с союзниками собственную организацию послевоенного восстановления экономики (Совет экономической взаимопомощи, СЭВ), вышел из орбиты влияния США и стал вторым полюсом дуполярного мира. Также стоит отметить факт опосредованного влияния ленд-лиза в СССР. Советская сторона смогла ознакомиться с некоторыми технологиями США, а Штаты, в свою очередь, с передовыми технологиями СССР. В целом можно сказать о сохранении в СССР геополитического и экономического суверенитета. Ленд-лиз не привил руководству советского государства «дух братолюбия и партнерства» и не склонил к политической лояльности.

Великобритания зависела от ленд-лиза больше, чем СССР, ввиду меньшей промышленной и ресурсной базы. Ограничения наложила и морская блокада со стороны нацистов. Великобритания совокупно получила более половины от общего объема ленд-лиза и впоследствии исправно обслуживала свой долг по нему. Помимо обслуживания долга она активно участвовала в программе обратного ленд-лиза, согласно которой уже союзники предоставляли армии США товары, обслуживание и транспортные услуги, свои военные базы. На 90% (в стоимостном выражении) обратный ленд-лиз обеспечивался Великобританией вместе с ее колониями: это были как высокотехнологичные изделия военного назначения, так и обслуживание, снабжение (в том числе медикаментами) американских баз на территории Британских островов. Австралия и Новая Зеландия обеспечивали базы США на юге Тихого океана сель-

хозпродукцией. СССР поставил 300 тыс. тонн хромовой и 32 тыс. тонн марганцевой руды, а также большие запасы платины, золота, дерева, и других материалов, в которых США остро нуждались.

Великобритания также вошла в послевоенный план Маршалла, который обеспечил консолидацию западных сил во главе с США по восстановлению экономики вошедших в план государств.

За расчетный период (каждый год) Великобритания должна была платить 75 млн долларов.

В 1950 году 75 млн долл. были эквивалентны 56,81 млн долл. 1945 года. В 1970 году 75 млн долл. уже составляли 35,32 млн долл. 1945 года. В 1980 году инфляция превратила 75 млн в 17,16 млн долл., а в 1991 году это уже было 9,92 млн долл. в ценах 1945 года. В 2005 году выплаченные 75 млн представляли собой только 7,75 млн долл. 1945 года. Последний перевод состоялся 31 декабря 2006 года и составил 83 млн долл., что равнялось 7,45 млн долл. 1945 года.

Таким образом Великобритания по долгам ленд-лиза за 50 лет выплатила США 1,331 млрд долл. в ценах 1945 года без учета процентов.

Итого: $1,331/24,635 * 100 = 5,4\%$

Безусловно, США не получили от Великобритании прямой финансовой (кредитной) выгоды, но опосредованно смогли форсированными темпами развить свою экономику и национальную валюту и с помощью этого «притянуть» Великобританию на орбиту своего влияния.

Итогом ленд-лиза и плана Маршалла стала фактическая потеря Великобританией роли ведущей мировой державы и высокой степени внешнего суверенитета.

Для полного анализа влияния ленд-лиза на Украину следует рассмотреть экономическое положение Украины на данный момент.

ВВП Украины за 2021 год (до начала специальной военной операции) составлял 200 млрд долларов. В 2022 году на фоне военных действий ВВП страны упал на 30,4% (с погрешностью в 2%), что является наихудшим результатом в истории страны. Аналитики Министерства экономики Украины оценили падение ВВП на основе данных, полученных от Госстата. В первом квартале 2022 года падение составило 15,1%, во втором – 37,2%, в третьем – 30,8%. Опираясь на позиции международных аналитиков, Всемирного банка, а также украинских государственных органов, можно предположить, что ВВП страны в 2023 году будет варьироваться в диапазоне от 3 до 4%. Также следует отметить несколько важных показателей, влияющих на экономику страны.

1. На данный момент Украина проходит пик своей инфляции, в 2022 году данный показатель составил 26,6%.

2. Официальные международные валютные резервы Национального банка Украины составляли 28,8 млрд долл. на 28 февраля 2023 года, показывая отрицательную динамику в последние 3 года.

3. В 2022 году Украина утвердила бюджет на 2023 год с рекордным дефицитом. Согласно данному акту доходы государства составят 34 млрд долл., расходы – 72 млрд долл. Предельный объем государственного долга увеличен до 172,7 млн долл. При этом украинская власть надеется, что западные коллеги полностью профинансируют дефицит бюджета в 38 млрд долл.

4. Полное восстановление экономики Украины от влияния СВО займет годы или даже десятки лет.

5. Государственный долг Украины на 2021 год составил 92 млрд долл., а норма данного показателя варьируется от 60% от ВВП (для стран ЕС) до 77% (Всемирный банк считает данный показатель максимальным).

На данный момент Украина получила 31 пакет военной помощи, что составляет более 27 млрд долларов. С учетом исторического опыта Украине необходимо будет выплатить 10% от предоставляемых средств по программе ленд-лиза, то есть 2,7 млрд долл. США.

США также оказали финансовую и гуманитарную помощь на 23,7 млрд долларов. При этом стоит отметить, что экономика Украины не отличается стабильностью. Помимо мирового кризиса 2008 года и пандемии, во время майдана и начала военных действий в ДНР, с 2013 по 2016 год, в Украине наблюдается устойчивое снижение ВВП.

Сальдо государственного бюджета:

2019 год – (-1,96%);

2020 год – (-5,18%);

2021 год – (-3,63%).

Однако положительным аспектом развития экономики Украины является поддержка США и стран ЕС. Так, в октябре 2022 года данные страны договорились предоставлять каждый месяц по 1,5 млрд евро для поддержки бюджета. Также ЕС разрабатывает механизм поддержки Украины с помощью активов России, замороженных весной 2023 года (17,4 млрд долл. США).

Несмотря на ряд данных, приведенных выше, выводы о влиянии ленд-лиза на экономику страны сделать затруднительно ввиду разнообразия сценариев военной операции. Однако можно отметить тяжелую экономическую ситуацию на Украине, а с учетом продолжения боевых действий в течение неопределенного срока положение страны становится все более обременительным. США будут пытаться склонить Украину к высокой степени политической лояльности по примеру послевоенной Великобритании.

На основе проанализированной информации мы можем предположить два вероятных исхода влияния ленд-лиза:

1. Если Украина после проведения СВО в той или иной форме останется независимым государством с внешним суверенитетом (любая конфигурация мира без придания Украине статуса нейтрального государства с конкретными гарантиями), то весьма вероятно полное вхождение оставшейся независимой части Украины в сферу влияния США с дальнейшей экономической экспансией в форме обратного ленд-лиза/плана помощи по восстановлению экономики. Украина будет принуждена полностью открыть свой рынок и потеряет внутренний и внешний экономико-политический суверенитет. Будет также создана угроза формирования постоянного очага напряженности в связи с агрессивной политикой Украины по отношению к России, обеспечена перманентная политическая и экономическая лояльность Украины к линии, проводимой Соединенными Штатами.

2. В случае если Украина после проведения СВО станет фактически нейтральным государством или войдет в состав России, то можно говорить о потенциальном бойкоте платежей по ленд-лизу и прочей военной помощи от западной коалиции, так как это преступное подталкивание к продолжению братоубийственной войны. Украинская экономика будет восстанавливаться за счет средств граждан и, возможно, помощи ряда государств, дружественных России, а также самой Российской Федерации.

Данные сценарии мы считаем наиболее вероятными, а инструмент ленд-лиза «в защиту демократии» рассматриваем как инструмент затягивания конфликта и попытку опосредованно загнать Украину в безвыходное финансовое положение, приравненное к кабале. Это прослеживается на примере Великобритании. Произшедшая экспансия американского капитала лишила Великобританию роли одной из ведущих мировых держав и фактически лишила политико-экономического суверенитета.

Список литературы

1. Соединенные Штаты Америки. Законы. Ukraine Democracy Defense Lend-Lease Act of 2022 (последняя редакция). Ссылка: <https://www.congress.gov/117/plaws/publ118/PLAW-117publ118.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).
2. Соединенные Штаты Америки. Законы. foreign relations and intercourse chapter 32 - foreign assistance subchapter ii - military assistance and sales. Ссылка на источник: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title22/html/USCODE-2010-title22-chap32-subchapII.htm> (дата обращения: 29.10.2022)
3. Соединенные Штаты Америки. Законы. ARMS EXPORT CONTROL ACT [Public Law 90–629] [As Amended Through P.L. 117–81, Enacted December 27, 2021]. Ссылка на источник: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1061/pdf/COMPS-1061.pdf> (дата обращения: 20.10.2022).
4. The Washington Post. Pentagon will double powerful HIMARS artillery for Ukraine. - URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/09/28/himars-ukraine/> (дата обращения: 11.10.2022).
5. «МИЦ «Известия», 2022. Пушилин назвал цель удара ВСУ по колонии в Еленовке – URL: <https://iz.ru/1372032/2022-07-29/pushilin-nazval-tcel-udara-vsuv-po-kolonii-v-elenovke> (дата обращения: 10.10.2022).
6. U.S. BUREAU OF LABOR STATISTICS - URL: https://www.bls.gov/data/inflation_calculator.htm (дата обращения: 25.10.2022).
7. Соглашение между Правительством СССР и Правительством Соединённых Штатов Америки о торговле (Вместе с «Процедурой применения статьи 3», «Положением о Коммерческом бюро Соединённых Штатов Америки в СССР» и «Положением о Торговом представительстве СССР в Соединённых Штатах Америки») (Заключено в г. Вашингтоне 18.10.1972) // Сборник

торговых договоров и соглашений по торгово-экономическому сотрудничеству СССР с иностранными государствами (на 1 января 1977 года). М.: Экономика, 1977, 1977. Т. 2. С. 143-152. 999 с.

8. Sandbox Networks Inc «Lend-lease». новостной электронный журнал. – Sandbox Networks Inc 2022. URL: <https://www.infoplease.com/encyclopedia/history/north-america/us/lendlease/> (дата обращения 22.10.2022).

9. «Долги по ленд-лизу и их погашения» 2022. URL: <https://diana-mihailova.livejournal.com/7559290.html> (дата обращения 22.10.2022).

Говорова Юлия Юрьевна,
соискатель,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
juliana05-09@qip.ru

Yulia Yu. Govorova,
PhD student,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
juliana05-09@qip.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США В АРКТИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

US ECONOMIC POLICY IN THE ARCTIC AT THE PRESENT STAGE

Аннотация: в статье рассмотрены приоритетные направления экономической политики США в Арктике и освещение проблемных вопросов в двустороннем и многостороннем взаимодействии с приарктическими государствами. Для достижения поставленной цели исследованы институциональный механизм международно-правового регулирования сотрудничества государств в Арктике и деятельность арктической «пятерки», показана роль Арктического совета в решении экономических вопросов в Арктическом регионе. Изучена арктическая экономическая политика России, Канады, Дании и Норвегии. Кроме того, определены интересы Финляндии, Швеции и Исландии в Арктике, а также экономическая политика КНР, проводимая в этом регионе. Проведен анализ нормативно-правового и геополитического измерения политики США в Арктике и определены приоритетные направления.

Ключевые слова: Арктика, США, Россия, Канада, Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция, Исландия, КНР.

Abstract: in the article the priority directions of the US economic policy in the Arctic and problematic issues in bilateral and multilateral cooperation with the Arctic states are analyzed. In order to achieve the goal set by the author the institutional mechanism of international legal cooperation regulation between states in the Arctic and the activities of the “Arctic Five” are analyzed, the role of the Arctic Council in solving economic issues in the Arctic region is demonstrated. Various aspects are analyzed: the Arctic economic policy of Russia, Canada, Denmark and Norway is determined; the interests of Finland, Sweden and Iceland in the Arctic are analyzed; the economic policy of China in the Arctic is examined. The analysis of the regulatory and geopolitical dimension of US policy in the Arctic was carried out and priority areas were identified.

Key words: the Arctic, the USA, Russia, Canada, Denmark, Norway, Finland, Sweden, Iceland, China.

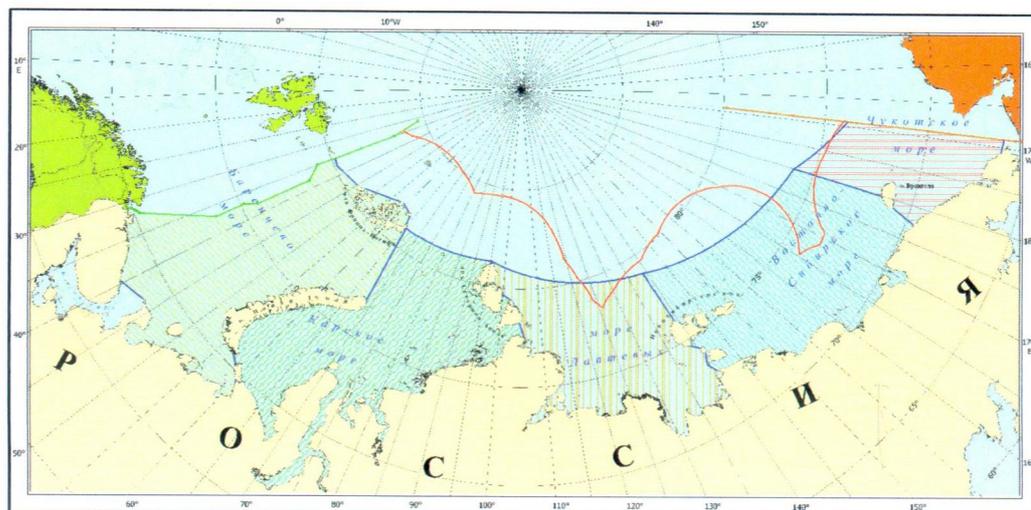
В начале XXI века одной из важнейших геополитических и экономических проблем становятся международные отношения, затрагивающие Арктический регион. Это обусловлено целым рядом факторов. Прежде всего, регион представляет собой потенциальный источник природных ресурсов и коммуникационное пространство. Территория является объектом управления арктических государств и предметом регулирования международного права.

Вследствие глобального потепления в мире повышается интерес к территориям, которые ранее были труднодоступными в связи с погодными условиями. За последние годы активно проводится разведка недр Арктики, которая богата месторождениями разнообразных полезных ископаемых, особенно энергоносителей. Причем воды этого региона все больше становятся доступными в течение года для любых видов экономической деятельности.

В условиях глобализации эволюция понятия «Арктика» рассматривается с помощью мирополитического подхода, применяемого при изучении новых международных явлений и процессов [5]. Под ним понимается экономическое, геополитическое, социокультурное, этническое пространство вокруг Северного полюса. В соответствии с нормами современного международного права эта территория находится под управлением арктических и приарктических государств. К Арктическому региону относят 8 государств: Россию, Соединенные Штаты, Данию, Канаду, Швецию, Норвегию, Финляндию, Исландию [1]. Отметим, что с изменением природно-климатических условий и новыми возможностями между государствами региона обострилось соперничество за доступ к арктическим ресурсам. Конкуренция с каждым годом становится более жесткой. Кроме того, все больше стран стремятся принять участие в распределении ресурсов.

Мир начинает более внимательно относиться к вопросам, связанным не только с борьбой за ресурсы, но и с изменением климата. Это и загрязнение экосистем, т.е. экологические проблемы, таяние ледового покрова, являющееся актуальным для Арктики и всего мира в целом. Следовательно, переплетение указанных факторов и предопределяет превращение Арктики в весомый фактор экономики и в арену борьбы ведущих акторов современных международных отношений.

Уникальное географическое положение и огромные запасы природных ресурсов повышают стратегическое значение Арктики и приводят к столкновению интересов ведущих государств мира, которые не всегда принимают во внимание коренные интересы арктических государств, каждое из которых имеет собственное видение развития региона и решения его экономических проблем. Отметим, что одну из самых радикальных позиций в указанной борьбе занимают Соединенные Штаты Америки, так как Арктика выступает территорией формирования межгосударственных отношений на фоне столкновения экономических интересов арктических государств.

- внешняя граница исключительной экономической зоны России;
- линия разграничения между Россией и Норвегией по Соглашению от 11 июля 2007 г. и Договору от 15 сентября 2010 г.;
- линия разграничения по Соглашению между СССР и США от 1 июня 1990 г.

Рис. 1. Границы исключительной экономической зоны России в Арктике и границы морей в пределах Арктической зоны Российской Федерации (Источник: Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Исходные линии в Арктике: применимое международное право. М.: МГИМО МИД РОССИИ, 2018. С.164).

Арктика имеет достаточно весомое геополитическое и геостратегическое значение для США с учетом таких факторов, как природно-ресурсный потенциал (запасы нефти и газа), транспортные и логистические маршруты (Северо-Западный проход и Северный морской путь). Помимо этого, климатические изменения становятся причиной милитаризации и противостояния между США и Россией. [4].

Отмечается изменение мотивации деятельности США на Крайнем Севере. Это не только введение основательной нормативно-правовой базы и стратегии США, но и расширение сфер влияния в Арктическом регионе, что проявляется в ряде факторов.

Во-первых, это энергетический фактор как элемент доступа компаний США и других государств к разведке и добыче нефти и газа. Обращает внимание снятие администрацией Д. Трампа моратория на добычу нефти на Аляске, что не только обострило отношения США с Канадой, но и

переориентировало американскую политику с климатически-ориентированной, которая была приоритетной при администрации Б. Обамы, на энергетическую безопасность.

Во-вторых, Арктический регион для США имеет стратегическое значение в целях поддержания безопасности. Другие важные вопросы для США в сфере безопасности – свобода судоходства в Арктике [6] и наличие ряда территориальных противоречий в регионе с Канадой и Россией (вопросы границ в море Бофорта, статус Северо-Западного прохода и Северного морского пути).

В-третьих, это поддержка глобального лидерства и «сдерживания» России и Китая в Арктике. США в последнее время активно развивают свою экономическую политику в Арктике, привлекая механизмы НАТО.

Арктика – территория к северу от полярного круга, занимающая площадь около 21 тыс. кв. км с населением около 4 миллионов. Эта территория разделена между 8 странами: США, Россией, Канадой, Норвегией, Данией, Финляндией, Швецией и Исландией. Исторически сложилось разделение территории по концепции секторов, то есть, верхней точкой сектора является Северный полюс, а нижней – сухопутная граница государства. Все морское пространство, которое входит в границы сектора, принадлежало определенному государству. Арктическим странам предстоит исключительная экономическая зона (200 морских миль) с возможностью продления континентального шельфа, если государство сможет доказать, что геология шельфа является продолжением материка. Россия и Канада стремятся оставить «секторальную» концепцию. Далее от континентального шельфа – зона открытого моря – территория, свободная для судоходства, научной деятельности для всех стран мира.

Международно-правовой режим Арктики базируется на нормах международного права, международных договорах и нормах национального права арктических государств [7].

Арктический регион является достаточно выгодным для развития экономической деятельности по нескольким причинам. Во-первых, в Арктике содержатся значительные месторождения природных ресурсов: 10–13% неразведанных запасов мировой нефти и 30% газа. Кроме того, этот регион богат запасами никеля, угля, фосфатов, драгоценных металлов, урана. Ни одна из стран не откажется от возможности разработки таких месторождений. Во-вторых, это выгодное географическое расположение. Арктика – регион больших транзитных возможностей. В ближайшее время она может стать важной морской транспортной артерией, альтернативой Суэцкому каналу. Северный морской путь позволит сократить продолжительность и стоимость перевозок между Азией, Европой и Америкой. Поэтому этим морским путем уже заинтересовались многие государства, учитывая немалую прибыль. В-третьих, Арктика интересна еще своими рыбными ресурсами. Промышленное рыболовство достаточно хорошо развито в этом регионе. Также в настоящее время начинает развиваться туризм.

В Арктике активно ведется научная деятельность. Арктические государства владеют полярными станциями, исследуют территорию, морское дно, природу, климат региона и обмениваются этими данными.

С каждым годом все острее становится изменение климата, и этим обеспокоено большинство стран мира. В Арктике потепление происходит в несколько раз быстрее, чем в любом другом регионе. В связи с этим обеспокоенность государств непредсказуемыми последствиями глобального потепления заставляет их вести диалог в данном направлении. Противодействие изменению климата в Арктике является едва ли не единственным вопросом, в отношении которого заявления и интересы арктических стран совпадают. Каждая из них в своей национальной стратегии

в Арктике заявляет о необходимости вести сотрудничество для сохранения окружающей среды и работать в направлении устойчивого развития.

Согласно стратегиям государств изменение климата является одной из самых важных экономических проблем, с которыми столкнулось человечество. Так, в 1996 году был создан международный форум – Арктический совет – для сотрудничества в сфере охраны окружающей среды. Сегодня Арктический совет занимается большим кругом вопросов, от экологических и климатических до поисковых операций и научно-исследовательской работы. К тому же в Арктический совет, кроме постоянных членов, входят еще и страны-наблюдатели (Китай, Германия, Япония и другие), которые также заинтересованы в решении сложных вопросов Арктики.

Вопросами безопасности в Арктическом совете не занимаются. Ранее суровые погодные условия не позволяли использовать ресурсы Арктики, это было невыгодно. Но с изменением климата ситуация изменилась. Таяние льдов открывает новые возможности для экономической деятельности в регионе, чем государства удачно пользуются. Соответственно, они проявляют интерес к перспективам развития региона и вспоминают прошлые территориальные претензии. В связи с этим Арктика становится конфликтогенным регионом.

Россия, Канада и Дания предъявляют претензии относительно продления континентального шельфа. Россия заявляет, что хребты Ломоносова и Менделеева являются продолжением Евразии, Канада же считает, что это продолжение канадского Арктического архипелага. Дания первой начала исследование геологии континентального шельфа и утверждает, что хребет Ломоносова следует считать продолжением Гренландии. Сейчас этим вопросом занимается комиссия ООН, которой придется решить эту непростую задачу. Если комиссия решит вопрос в пользу одной из стран, ее континентальный шельф будет продолжен, а следовательно, откроется доступ к новым месторождениям.

В последнее время Соединенные Штаты Америки изменили свое отношение к Арктике и ее значению на международной арене. Однако подходы, озвученные официальными представителями государства и изложенные в официальных документах, подтверждают, что предметная дискуссия во властных кругах относительно Арктики отсутствует, а наработки экспертов и ученых игнорируются ради экономической целесообразности и своеобразного понимания как национальных интересов, так и международной безопасности, а также средств их обеспечения.

Администрация Д. Трампа, по аналогии с другими президентскими администрациями США в постбиополярный период, не ставила цель разработать отдельную арктическую политику, ни как внутреннюю, ни как отдельное измерение внешней политики. Тем не менее она, в отличие от других администраций, попыталась ее внедрить в процесс обеспечения национальной и международной безопасности. Однако агрессивные подходы и инструменты, которые предпочитали президенты Д. Трамп и Дж. Байден как в ведении внешней политики, так и в процессе обеспечения международной безопасности, не подходят для реализации политики США в Арктике. Попытка разделить регион на «врагов» и «друзей» продемонстрировала непонимание правящими элитами США специфики региона и процессов, которые в нем происходят на протяжении всего постбиополярного периода, а также встретила довольно прохладную реакцию других арктических акторов, нежелающих превращать регион в еще один конфликтный регион на международной арене.

Также нужно отметить, что официальные документы, положенные в основу арктической политики Соединенных Штатов Америки, демонстрируют довольно амбициозные цели в регионе, которые являются прямым отражением их внутренних интересов, прежде всего экономических. В этом контексте нужно рассматривать стремление США добиться реализации принципа свободы навигации, а именно на Северном морском пути.

Вместе с тем анализ официальных документов и заявлений показывает, что США не обладают достаточной ресурсной базой для достижения заявленных целей. В связи с этим постулируется тезис о необходимости сотрудничества с союзниками-партнерами, но при этом не учитываются их интересы и будущее Арктики, зато присутствует попытка навязать свое видение процессов, которые происходят в регионе. Довольно агрессивная, но в то же время непродуманная экономическая политика США в Арктике останется на повестке дня современных международных отношений, особенно в контексте климатических изменений.

Арктика имеет достаточно весомое экономическое, геополитическое и геостратегическое значение для США с учетом следующих факторов: природно-ресурсный потенциал (залежи нефти и газа), транспортные и логистические маршруты (Северо-Западный проход и Северный морской путь).

США не признают подходы приарктических государств к определению статуса региона, основываясь на собственных национальных интересах, а также в условиях неподписания ими конвенции ООН по морскому праву (ЮНКЛОС) [2].

Список источников и литературы

1. Арктический совет <https://www.arctic-council.org/ru/about/states/> (дата обращения: 16.12.2022).
2. Арктическое напряжение - Морские вести России <http://www.morvesti.ru/themes/1698/53313> (дата обращения: 17.12.2022).
3. Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П. Исходные линии в Арктике: применимое международное право. М.: МГИМО МИД РОССИИ, 2018. С.164.
4. Синчук Ю. Ю., Синчук Ю. В. Российская Арктика: северный морской путь. Цивилизационные аспекты развития арктических регионов России. Сборник трудов конференции. Изд. Институт мировых цивилизаций. М., 2021.С. 477-485.

5. Харлампыева Н. К. Эволюция понятия «Арктика». Наука и образование. Гуманитарные науки, история. 2014. № 3. С. 5 – 8.
6. <http://polpred.com/?ns=1&cnt=151§or=3&page=107/#1>. (дата обращения: 16.12.2022).
7. <http://mgimo.ru/upload/iblock/9fc/Asia+and+the+Arctic.pdf>. (дата обращения: 10.12.2022).

Вершинина Тамара Владимировна,
заместитель декана факультета
мировой экономики и международное права,
Дипломатическая академия МИД России,
t.vershinina@dipacademy.ru

Tamara V. Vershinina,
Deputy Dean of the Faculty
World Economy and International Law,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia,
t.vershinina@dipacademy.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

FEATURES OF DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY RUSSIAN NATIONAL PAYMENT SYSTEM

Аннотация: платежи и расчеты прошли в своем развитии путь от несистемных, неорганизованных форм случайных отношений между индивидуумами к институционально сложным иерархическим платежным системам с расширяющимися внешними связями и формами оказания услуг, в которых деятельность подчинена интересам конечного потребителя.

Ключевые слова: Россия, национальная платежная система, финансовые системы, ценные бумаги, санкции.

Abstract: payments and settlements have gone in their development from non-systemic, unorganized forms of random relationships between individuals to institutionally complex hierarchical payment systems with expanding external relations and forms of service provision, in which activities are subordinated to the interests of the end consumer.

Key words: Russia, national payment system, financial systems, securities, sanctions.

В XXI веке глобальная финансовая либерализация и достижения в области информационных технологий позволили многим странам значительно обновить архитектуру как систем крупных платежей, в том числе

систем платежей по ценным бумагам, так и систем розничных платежей, а также процессов и процедур, выполняемых субъектами НПС, регулирующими органами и пользователями систем. Это относится и к Российской Федерации.

Однако если западные финансовые системы, в частности национальные платежные системы, имеют продолжительный и последовательный характер институционализации, то в российском государстве в силу специфики и частоты значимых исторических событий активное развитие НПС началось относительно недавно.

При рассмотрении эволюции НПС исследуется временной период от возникновения ранних форм безналичных расчетов (зарождение), последующих системных трансформаций (процесс развития) до их текущего состояния в национальной платежной системе (процессы цифровой инноватизации). Переход от одного этапа к другому был связан с трансформациями внешней среды или с внешним воздействием каких-либо макроэкономических, политических, научно-технологических факторов, вызывавших адекватный регулятивный ответ, в результате чего менялись внутренние регулятивы платежных систем [9].

Таким образом, логика выделения этапов эволюции НПС России состоит в относительной схожести характеристик функционирования платежного оборота и однородности внутренних факторов развития элементов платежных систем.

По мнению автора, в современной эволюции российской национальной платежной системы особенно важно отметить несколько ключевых событий, существенным образом повлиявших на процесс ее ускоренной институционализации: мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., присоединение Республики Крым и города федерального значения Севастополя к территории Российской Федерации в 2014 году, пандемия COVID-19 в 2020 году, а также специальная военная операции России на территории Украины, проводимая с февраля 2022 года.

Так, изначальный импульс для скорейшего формирования НПС России придал мировой экономический кризис 2008–2009 гг., последствия которого оказали негативное воздействие на состояние российской экономики и стабильность денежного обращения, в очередной раз выявив проблему критической зависимости от глобальных платежных систем, составляющую угрозу национальному финансовому суверенитету [1]. В результате был принят комплекс государственных мер по формированию суверенной платежной системы страны, что выразилось в принятии ФЗ «О национальной платежной системе» № 161-ФЗ от 27.06.2011 г., а также целого ряда стратегически важных документов, которые обновляются и сегодня.

Еще одним значимым катализатором развития НПС следует признать введение США, Европейским союзом и рядом других стран экономических санкций в отношении России в результате присоединения Республики Крым и города федерального значения Севастополя к территории Российской Федерации в 2014 году, которые до критических уровней повысили риски потери операбельности не только в международных и трансграничных расчетах, но и во внутреннем платежном обороте страны. Так, к наиболее существенным ограничениям в контексте темы исследования следует отнести введение санкций против ведущих российских банков, в том числе государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», ПАО «Сбербанк России», Банк ВТБ (ПАО), «Газпромбанк» (АО), АО «Россельхозбанк» и др., преимущественно направленных на ограничение доступа к зарубежным рынкам капитала и кредитам, а также на снижение срока займов.

Кроме того, 21 марта 2014 года международные платежные системы Visa и Mastercard без предварительного уведомления заблокировали операции по картам четырех российских банков: АО «АБ «РОССИЯ» и его дочерней организации АО «Собибанк» (в 2020 году была присоединена к АО «Генбанк»), АО «СМП Банк» и его дочерней организации АО «ИнвестКапиталБанк». Данное событие было вызвано введением Департаментом казначейства США санкций в отношении непосредственно

АО «АБ «Россия», а также 20 россиян, среди которых совладелец и председатель совета директоров банка «РОССИЯ» Юрий Ковальчук, бизнесмены Аркадий и Борис Ротенберги, являющиеся совладельцами «СМП Банка» [2].

В результате несколько сотен тысяч клиентов вышеуказанных кредитных организаций пострадали из-за блокировки карт, т.к. приостановка платежей подразумевала, что данные карты не могут быть использованы в банкоматах (за исключением банкоматов вышеперечисленных КО и банкоматов НКО «Объединенная расчетная система», которая была ликвидирована в 2020 году), торгово-сервисных точках и при совершении интернет-платежей.

Позднее, в конце 2014 года, в рамках «антикрымских» санкций США международные платежные системы Visa и Mastercard были вынуждены приостановить прием, эмиссию и обслуживание в банкоматах своих карт на территории Крыма.

Таким образом, международные ПС были использованы США в качестве инструмента манипулирования.

В условиях усложнившейся геополитической обстановки было принято решение о создании в рамках НПС полноценной платежной системы, которая бы эмитировала собственный национальный платежный инструмент и в рамках которой можно было бы реализовать взаимодействие с иностранными платежными системами на иных принципах, с учетом экономических и политических интересов России. Такой платежной системой стала национальная система платежных карт (НСПК), потребительским брендом которой является национальная платежная карта «Мир».

Следует отметить, что до основания НСПК предпринималось несколько попыток создания общероссийской платежной системы.

Так, в 2000 году Правительство Российской Федерации совместно со Сбербанком России планировало создать единую национальную карту на основе ПС «Сберкарт», функционирующей на территории России с 1993 года.

Однако шквал критики со стороны других кредитных организаций, которые выступали против того, чтобы во главе единой ПС стоял Сбербанк, а также проблемы с финансированием привели к сворачиванию проекта [3].

В 2003 году ПС «Золотая Корона» и ОАО «Уралвнешторгбанк» (был ликвидирован в 2006 году) разработали проект «Федеральная карта», в рамках первого этапа реализации которого планировалось создание единого процессингового центра, к которому должны были подключиться все российские банки. В рамках второго этапа реализации намечался выпуск совмещенной с какой-либо международной ПС карты, которая на территории России работала бы как локальная, а за рубежом – как международная. У Банка России проект не вызвал должного интереса.

Попытка создать свою карточную систему в России предпринималась еще в 2010 году, когда был предложен к реализации проект «Универсальная электронная карта», которая, помимо функций собственно банковской платежной карты, должна была стать универсальным средством идентификации гражданина. В 2017 году реализация проекта была приостановлена [4].

Так, до 2014 года в условиях отсутствия правовых запретов и ограничений на российском платежном рынке в абсолютном большинстве доминировали международные платежные системы Visa и Mastercard, на долю которых приходилось около 90% всех безналичных расчетов внутри страны, что впоследствии привело к вышеописанным событиям.

Говоря о специфике цифрового этапа развития российской НПС, следует отметить, что его начало обусловлено принятием в 2017 году программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которая позднее была трансформирована в национальный проект. Платежные системы отдельно к числу приоритетных сфер в программе не отнесены, но, по мнению автора, они способны выступать проводниками и акселераторами цифровой экономики в обслуживаемых сферах. Применительно к национальной платежной системе задачи цифровой экономики были поставлены в Основных

направлениях развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг., а также в проекте Основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022–2024 гг. [7; 8].

На момент принятия программы российский платежный рынок характеризовался низкой маржинальностью банковского бизнеса, стремлением участников к созданию цифровых экосистем в рамках бизнес-моделей и партнерству с технологическими компаниями, утратой традиционными участниками – банками – монополии на оказание платежных услуг, и, как следствие, ростом доли платежного рынка, занимаемого нефинансовыми участниками. Все эти факторы выступили весомыми предпосылками к развитию финансовых технологий на цифровой основе.

Необходимость в цифровизации финансового рынка стала еще более очевидной во время пандемии COVID-19, экономические последствия которой в 2020 году вызвали новую волну финансового кризиса в мировой экономике ввиду нарушения традиционных схем экономического взаимодействия и обмена [5; 6].

Ввиду мировых тенденций на интеграцию глобальных финансовых рынков и укрупнение финансовых потоков в последние несколько лет в рамках национальной платежной системы велась активная работа по имплементации международных норм и современных стандартов проведения платежей и расчетов. Дальнейшие перспективы международного сотрудничества в данной области пока труднопредсказуемы в связи с обострением геополитической обстановки в 2022 году на фоне событий на Украине.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что отличительной особенностью современной национальной платежной системы России является то, что в процессе ее эволюции и становления в ней нашли отражение отдельные наработки советского банковского опыта, а также собственные и заимствованные из международной практики современные организационные, технологические и технические достижения.

Список литературы

1. Коробейникова, О.М. Розничные платежные системы в цифровой экономике: теория и методология: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10 / О.М. Коробейникова. — Минск, 2020. — С. 41.
2. Хронология введения санкций и ответные меры Российской Федерации в 2014-2015 гг. [Электронный ресурс] // Новостное агентство «Россия сегодня». — URL: <https://ria.ru/20151125/1328470681.html> .
3. Платежный суверенитет. [Электронный ресурс] // Информационное агентство «РБК». — URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2014/06/56bc7e5f9a794701b81d2b78> .
4. В Российской Федерации закрыли проект по выпуску универсальных электронных карт. [Электронный ресурс] // Новостное агентство «Россия сегодня». — URL: <https://ria.ru/20170116/1485821911.html>
5. Шангараев Р.Н. Формирование кластерных структур в современной экономике // Горизонты экономики. 2011. № 2. С. 71-72.
6. Шангараев Р.Н., Гришкина А.В. Вызовы и угрозы национальной платежной системы России в контексте деглобализации // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 11 (87). С. 3867-3874.
7. Деглобализация и дедолларизация национальной платежной системы Российской Федерации. Шангараев Р.Н., Гришкина А.В. Дипломатическая академия МИД России / Москва, 2023.
8. Шангараев Р.Н., Гришкина А.В. Особенности развития международных платежных отношений на современном этапе: сценарий дедолларизации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93). С. 4735-4743.
9. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. Карпович О.Г., Манойло А.В.(2-е издание, с изменениями и дополнениями) Москва, 2020.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Добровольский Леонид Валерьевич,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России,

dobrovolsky.l@mail.ru.

Ногмова Аделина Шафиковна,

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и

политической философии,

Дипломатическая академия МИД России

Leonid V. Dobrovolsky,

post-graduate student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,

dobrovolsky.l@mail.ru.

Adelina Sh. Nogmova,

Ph.D. (Political Science), Associate Professor of the Department of Political

Theory and Political Philosophy,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

MILITARY INDUSTRIAL POLICY RUSSIAN EMPIRE

Аннотация: в статье исследованы направления и результаты практической реализации военно-промышленной политики Российской империи XVIII – начала XX в. Рассмотрено создание военной промышленности в период проведения реформ Петром I, ее последующее развитие в период индустриализации Российской империи во второй половине XIX в. Особое внимание уделено исследованию состояния и результатов военно-производственной деятельности промышленности по обеспечению российской армии вооружением и другими предметами боевого снабжения в годы Первой мировой войны. Проанализированы и обобщены сведения из всеподданнейших докладов (отчетов) военного (морского) ведомства за 1914–1916 гг. и их представления в правительство и Государственную думу по вопросам развития военной промышленности, заказов авиационной,

автомобильной техники и другого вооружения. Рассмотрены вопросы создания и деятельности военно-промышленных комитетов, предназначенных для объединения усилий производственного сектора российской экономики в целях обеспечения потребностей армии необходимой военной продукцией.

Ключевые слова: военно-промышленная политика, военная промышленность, казенные и частновладельческие военные производства, ежегодные всеподданнейшие доклады по Военному министерству, всеподданнейшие отчеты Морского министерства за 1914–1916 гг., авиастроение и автомобилестроение Российской империи, программа заводского строительства А.А. Маниковского, военно-промышленные комитеты.

Abstract: the article studies the directions and results of the practical implementation of the military-industrial policy of the Russian Empire in the 18th - early 20th centuries. The creation of the military industry during the reforms of Peter I, its subsequent development during the industrialization of the Russian Empire in the second half of the 19th century is considered. Particular attention is paid to the study of the state and results of the military production activities of the industry to provide the Russian army with weapons and other military supplies during the First World War. Analyzed and summarized information from the most subordinate reports (reports) of the military (naval) department for 1914-1916. and their submission to the government and the State Duma on the development of the military industry, orders for airplanes, automotive equipment and other weapons, proposals by the head of the GAU A.A. Manikovsky on the development and mobilization deployment of Russian industry in wartime, as well as the program of state-owned factory construction developed by him. The issues of the creation and activities of military-industrial committees designed to unite the efforts of the manufacturing sector of the Russian economy in order to provide the needs of the army with the necessary military products are considered.

Key words: Military-industrial policy, military industry, state-owned and privately owned military production, annual all-subject reports on the Military

Ministry, all-subject reports of the Naval Ministry for 1914-1916, aircraft building and automotive industry of the Russian Empire, A.A. Manikovsky, military-industrial committees.

Введение

Современная военно-политическая обстановка в мире характеризуется сложностью, зачастую непредсказуемостью процессов своего развития, протекающих на фоне общего и закономерного обрушения несущих конструкций поддержания системы однополярного мира со всеми его неприемлемыми для большей части мирового сообщества ценностными ориентирами, глобализацией экономики, информационного пространства и других сфер жизнедеятельности, грубым вмешательством в дела не поддерживающих ее государств. Еще больше ситуацию обостряет развязанная усилиями США и НАТО гибридная война против России на фоне проведения ею на Украине специальной военной операции с бесчисленным количеством санкционных ограничений, массовым использованием средств дезинформации мирового сообщества, возрастанием объемов поставок нацистско-бандеровскому режиму Украины современного вооружения и военной техники, средств боевого обеспечения (освещения обстановки, разведки, связи, РЭБ и др.), непосредственным участием под видом наемников иностранных военных специалистов и воинских формирований для обучения украинских военнослужащих по стандартам НАТО, проведением ими террористических и диверсионных акций и др. Все это в совокупности при дальнейшей эскалации может явиться прологом к развязыванию Третьей мировой войны.

В этих условиях актуализируется необходимость выработки и реализации руководством нашей страны сбалансированной и эффективной военно-промышленной политики, направленной на инновационное развитие оборонно-промышленного комплекса, обеспечивающего не только гарантированное поддержание ее надежной обороны и национальной

безопасности, оснащение вооруженных сил всеми необходимыми современными средствами ведения вооруженной борьбы, но и одновременное расширение участия и увеличение общего вклада в повышение эффективности российской экономики.

На основании этого представляется целесообразным изучение, обобщение и использование положительного опыта развития, мобилизационного развертывания и производственной деятельности в военное время военной и гражданской промышленности имперского и советского периодов развития России.

Исследование военно-промышленной политики Российской империи

Военно-промышленная политика является составной частью государственной военно-экономической политики, в рамках которой она направлена на практическую реализацию официально принятых взглядов, подходов, целей, задач и системы мероприятий, непосредственно связанных с созданием, развитием и поддержанием возможностей материальной базы военно-производственной сферы, а также обеспечивающих своевременное и полное удовлетворение военных потребностей страны.

Военно-промышленная политика играла важную роль во все периоды общественно-политического и социально-экономического развития России, используя материальные и людские ресурсы для создания ориентированной на выпуск военной продукции совокупности интегрированных в военно-промышленный комплекс производственных объектов при одновременном развитии связанных с ним других отраслей экономики страны, непосредственно или опосредованно участвовавших в военно-экономическом обеспечении обороны и безопасности страны.

Анализ содержания и направленности военно-промышленной политики Российской империи объективно свидетельствует о том, что наибольшие результаты ее практической реализации были достигнуты в период правления Петра I. Проведенные им преобразования всех сфер жизнедеятельности

общества и государства были подчинены общей стратегической цели создания и оснащения вооружением и военным имуществом регулярной армии и флота для обеспечения вооруженной защиты и успешного военного противоборства со Швецией в Северной войне (1700–1721 гг.) за выход к Балтийскому морю, расширение территории Российской империи и установление прямых торговых связей со странами Европы. Основу целеполагания этой политики составляли отнюдь не юношеские военные увлечения Петра I, связанные с потешными полками и игровым отображением отдельных фрагментов военных действий, но глубокое познание и понимание им законов войны и вооруженной борьбы, определяющих закономерную зависимость хода и исхода войны от реального соотношения экономических, политических, военных (наличие сил, средств и способов ведения войны), научно-технических (разработка и выпуск всех видов вооружения и военного имущества), социально-моральных (система комплектования армий людскими ресурсами, их обучения и воспитания) и религиозных возможностей воюющих сторон.

Для достижения поставленной цели было организовано и осуществлено глубокое реформирование военно-экономической и других сфер жизнедеятельности общества и государства, обеспечившее в короткие исторические сроки не только материальное военно-техническое оснащение и кадровое обеспечение создаваемой регулярной армии и флота, обучение и воспитание направляемых для их комплектования людских ресурсов, но и параллельное интенсивное развитие промышленности, сельского хозяйства, транспорта и торговли, образования, реформирование финансовой, налоговой системы и др.

В соответствии с указанными целями в процессе практической реализации военно-промышленной политики осуществлялось массовое строительство судостроительных верфей (Адмиралтейской, Архангельской, Воронежской, Московско-Преображенской, Олонецкой и др.), металлургических, медеплавильных, металлообрабатывающих, оружейных,

пороховых заводов, арсеналов, многочисленных мануфактур (предприятий, основанных на разделении труда в производственных операциях с использованием ремесленной техники) других отраслей промышленности (пищевой, деревообрабатывающей, суконной, шелкопрядельной, полотняной, парусинной, кожевенной, пищевой, бумажной, стекольной, фаянсовой и др.) [11; 17; 22].

Предпринятыми императором мерами и действиями уже к 1710 году было осуществлено создание системы военно-промышленных производств, полностью удовлетворявших потребности армии и флота в вооружении и военном имуществе, выпускаемых российскими заводами, по качественным параметрам и боевым свойствам соответствовавших или превосходивших их заграничные аналоги.

Общая численность казенных и частновладельческих мануфактур за годы правления Петра I возросла в 11 раз и к 1725 году составила более 220 таких предприятий различного производственного профиля, в числе которых Тульский, Сестрорецкий и Шуйский оружейные заводы, более 44 железоделательных и медеплавильных заводов, в совокупности ежегодно производивших более 6 650 тыс. пудов чугуна и более 7 тыс. пудов меди. Россия отказалась от традиционного импорта металлов, превратившись в крупного экспортера меди, бронзы, чугуна и других металлов [11; 17; 22].

Были проведены глубокие преобразования в сельском хозяйстве, обеспечившие не только потребности страны основными продуктами и продовольственное снабжение армии и флота, но и возможность осуществления экспорта зерна и других сельскохозяйственных продуктов (меда, воска, пеньки, кожи, седла, узды и пр.) в другие страны.

Повышению интенсивности и объемов торговли способствовало также развитие традиционных торговых центров (Архангельска, Астрахани, Москвы, Новгорода, Пскова, Путивля, Смоленска и др.) и торговых маршрутов (Балтийско-Днепровского, Балтийско-Волжского и др.), а также строительство Вышневолоцкого и Ладожского обводных каналов,

значительно расширявших возможности транспортировки по воде товаров из других регионов России, в том числе из регионов Каспийского моря в Балтийское море [11; 17; 22].

В процессе реализации военно-промышленной политики и развития экономики страны широко использовались принципы протекционизма и меркантилизма, предусматривающие всестороннюю поддержку отечественных производителей, предоставление им государственных ссуд, освобождение от налогов. В интересах стимулирования и развития предпринимательства получила широкое распространение практика строительства государством казенных заводов и их последующей передачи частным владельцам на выгодных для последних условиях с сохранением за уполномоченными государственными органами права контроля за технологией производства, количеством и качеством выпускаемой продукции по профилям производства со строгим спросом за выявленные упущения и недостатки [11; 17; 22].

Устанавливался запрет на ввоз отдельных видов товаров, потребность в которых полностью обеспечивалась отечественными производителями, а также комплекс жестких мер по номенклатуре и количественно-качественным характеристикам производимой ими продукции. Стимулирование и поддержка производства российских товаров осуществлялись путем установления высоких таможенных пошлин на ввоз аналогичной продукции иностранного производства, достигавших, в соответствии с введенным в действие в 1724 году новым таможенным тарифом, до 75% от общей стоимости ввозимого в страну товара. При этом отсутствие российского производства по отдельным видам товаров компенсировалось снижением до 20–30% таможенной пошлины на ввоз аналогичной продукции на территорию страны с обязательной ее оплатой в иностранной валюте по выгодному для России курсу. Это обеспечивало возможность накопления валютных средств для закупки необходимого оборудования и материалов. Все это в

совокупности способствовало существенному увеличению положительного сальдо торгового баланса, к 1726 году характеризующегося двукратным превышением во внешнеторговом товарообороте объемов экспорта над импортом, что обеспечивало возрастание на данной основе объемов и концентрации в государственной казне денежных средств с их последующим использованием в интересах военно-экономического развития государства [11; 17; 22].

Практическое решение возникших в условиях бурного развития промышленности проблем кадрового обеспечения создаваемых производств осуществлялось различными способами. Использование в начальной стадии реформ для решения этих проблем по европейским стандартам того периода труда наемных рабочих оказалось неэффективным вследствие малочисленности вольного населения в стране, высокой интенсивности развития промышленности и отсутствия системы профессиональной подготовки специалистов различного профиля. Не получило распространения по количественно-качественным параметрам и привлечение к труду на создаваемых производственных объектах «гулящих людей» (беглых солдат и крепостных, бродяг, нищих, преступников), которые в принудительном порядке отправлялись для работы на предприятиях вследствие их недостаточной численности, низкой профессиональной пригодности, дисциплины и управляемости. Все эти неудавшиеся подходы к решению кадровых проблем с использованием вышеуказанных категорий населения обусловили необходимость массового использования труда крепостных крестьян, по существу ставших основателями рабочего класса Российской империи. Сначала крепостных крестьян целыми сельскими поселениями приписывали к создаваемым промышленным предприятиям, а в последующем владельцам таких предприятий было разрешено покупать крепостных крестьян, именуемых посессионными работниками, которые должны были трудиться на предприятии всю жизнь и продаваться только вместе с ним. В обнародованном

указе

Петра I 1721 года по этому вопросу отмечалось, что «...Того ради позволяется для размноженія такихъ заводовъ, какъ шляхетству, так и купецкимъ людямъ, к темъ заводамъ деревни покупать невозбранно съ позволения Берг- и Мануфактур-коллегіи, токмо подъ такой кондиціей, дабы те деревни всегда были уже при техъ заводахъ неотлучно. И для того какъ шляхетству, такъ и купечеству техъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать и никакими вымыслами ни за кем не крепить и на выкупе такихъ деревень никому не отдавать, разве кто похочетъ для необходимыхъ своихъ нуждъ те деревни и съ теми заводы продать, то такимъ продавать съ позволенія Берг-коллегіи. А ежели кто противъ сего поступить, то онаго всего того лишитъ безповоротно...» [11; 22].

Таким образом, реализация в Российской империи выработанной Петром I военно-промышленной политики обеспечила не только оснащение созданных им регулярной армии и флота вооружением и всеми видами военного имущества, но и послужила мощным импульсом экономического развития государства, способствовавшим укреплению его могущества, роли и места в международном сообществе.

В последующие периоды военно-политического и социально-экономического развития Российской империи наиболее ощутимые результаты реализации ее военно-промышленной политики были достигнуты во второй половине XIX – начале XX в. (1861–1913 гг.).

Этот период характеризуется общим индустриальным подъемом страны, в процессе которого она достигла высоких результатов экономического развития. Более чем в четыре раза был увеличен общий объем промышленного производства, ежегодный прирост которого в 1885–1914 гг. составлял в среднем 6,25–8,0%, в 7,4–7,8 раз возросла выплавка стали и чугуна, в 8 раз – добыча каменного угля, в 3,5 раза – добыча нефти. Создаются и интенсивно развиваются новые для российской промышленности отрасли – угольная, нефтяная, машиностроительная, химическая. Происходит формирование основных индустриальных районов: Центрального

промышленного, Северо-Западного, Польского, Уральского горнозаводского, Бакинского нефтяного. Высокими темпами развивается машиностроение, по объемам выпуска продукции которого Российская империя занимает третье место в мире. При этом более 63% средств производства и оборудования в машиностроительной отрасли производится отечественной промышленностью. Отмечается интенсивное развитие текстильной промышленности, в которой количество ткацких фабрик возросло на 94%, а объемы производства текстильной продукции – более чем в 2 раза. Осуществляется активная электрификация страны, по объему выработки электроэнергии Россия занимает третье место в мире. Отмечается также интенсивное развитие сельского хозяйства, по объемам экспорта продукции которого (зерна, яиц, молока, масла, мяса, сахара и др.), а также по количеству домашних животных на душу населения (лошадей, крупного рогатого скота, овец) Россия занимает первое место в мире [9; 10; 18; 23].

Центральным системообразующим звеном индустриализации Российской империи в указанный период является интенсивное строительство сети железных дорог, превратившее данное транспортное средство в подлинный локомотив промышленного развития страны. Общая протяженность сети железных дорог, построенных в 1861–1917 гг., составляла 58 251 км (второе место в мире после США) со среднегодовым приростом в 1 575 км. Обеспечение потребности в железнодорожном транспорте, обусловленной высокими темпами железнодорожного строительства, осуществлялось организацией интенсивного развития отечественного паровозо- и вагоностроения, для стимулирования которых на указанные виды импортных транспортных средств были установлены высокие ввозные пошлины. Уже в 1866 году был построен Коломенский машиностроительный завод, превратившийся во флагмана отечественного паровозостроения. К началу XX в. производство паровозов и комплектующих к ним механизмов и устройств осуществлялось уже на 9 таких заводах (Александровском, Боткинском, Путиловском, Сормовском, Невском, Коломенском, Брянском,

Харьковском, Луганском), суммарная ежегодная производительность 7 самых крупных из которых составляла 1 200 паровозов (во Франции – 500, в Германии – 1 400, в США – 3 153 ед.). Крупнейшим производителем железнодорожных вагонов, платформ и большегрузных железнодорожных нефтяных цистерн становится основанный с высочайшего разрешения в 1873 году Брянский рельсопрокатный, железоделательный и механический завод, ежемесячная производительность которого в 1913 году составляла 300 вагонов и платформ [9; 10; 18; 23].

В условиях интенсивного экономического развития Российской империи в указанный период основные усилия в реализации ее военно-промышленной политики были направлены на технико-технологическое развитие и совершенствование отечественной производственной базы, обеспечивающей производство и оснащение армии и флота современным вооружением, военной техникой и военным имуществом с учетом опыта Крымской войны 1853–1856 гг., тяжелых потерь русской армии под Плевной в Русско-турецкой войне 1887–1888 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг. Этот опыт наглядно показал техническое несовершенство, низкие боевые свойства и тактико-технические характеристики стрелкового и артиллерийского вооружения, находящегося на оснащении российской армии. Практической реализацией военно-промышленной политики предусматривалось приоритетное производство и оснащение армии и флота нарезным артиллерийским и стрелковым оружием, заряжаемым патронами через казенную часть.

Вместе с тем наличие примыкающих к побережью Российской империи обширных акваторий океанских и морских пространств в условиях подтвержденной Крымской войной непригодности применения парусного флота к вооруженной борьбе на море обуславливало объективную потребность в интенсивном развитии российского парового броненосного военно-морского флота для обеспечения безопасности ее прибрежных территорий и защиты морской торговли. В этих целях было организовано строительство и ввод в

действие целого ряда государственных (казенных) судостроительных заводов, а также предприятий по производству корабельной брони, артиллерии, артиллерийских боеприпасов и другого корабельного оборудования. В период 1856–1898 гг. последовательно вводятся в действие Балтийский судостроительный и механический завод (1856 год), Новоадмиралтейский судостроительный завод (Санкт-Петербург), Невский судостроительный и механический завод (Санкт-Петербург), Кронштадтское адмиралтейство (1858 год), в 1892 году официально переименованное в Кронштадтский судостроительный и судоремонтный завод Морского ведомства, судостроительный завод общества Николаевских заводов и верфей в г. Николаеве (современное название – Черноморский судостроительный завод). На Путиловском заводе, созданном на основе переведенного в столицу империи в 1801 году Кронштадтского чугунолитейного завода, в 1890–1902 гг. организуется собственное крупнотоннажное судостроительное и пушечное производство. Переоборудуются под строительство кораблей производственные мощности Охтенского адмиралтейства, Охтинская верфь завода Крейтона (Санкт-Петербург), сам завод Крейтона в Финляндии, Ижорский завод, Лазаревское адмиралтейство (Севастополь), Николаевское адмиралтейство, Черноморский механический и котельный завод (Николаев), Архангельское адмиралтейство. Возводятся, переоборудуются и вводятся в действие заводы по производству корабельной, полевой и крепостной артиллерии (Обуховский сталелитейный завод (1863 год), Пермский чугуно-пушечный завод (1864 год), Санкт-Петербургский металлический завод (1867 год), Уральский механический завод (1892 год), Черноморский механический и котельный завод в г. Николаеве (1897 год)). Вводятся в действие заводы по производству брони (Александровский Южно-Российский железоделательный и железопрокатный завод в г. Екатеринославе (1887 год), Днепровский металлургический завод в Екатеринославской губернии (1887 год), Ижорский завод в Колпино (1895 год), мариупольские металлургический завод «Никополь» (1896 год) и металлургический завод компании «Русский

Провиданс» (1898 год), Таганрогский металлургический завод (1897 год)). На базе Варшавского сталелитейного завода и бельгийской компании «Коккериль» в 1896 году создается Южно-Русское металлургическое общество [6; 7; 9; 10; 18; 23].

Следует отметить, что важными направлениями реализации военно-промышленной политики Российской империи рассматриваемого периода являлись создание и развитие новых для российской промышленности отраслей: автомобиле- и авиастроения, производства двигателей внутреннего сгорания, точного машиностроения и др.

В области автомобилестроения предусматривалось создание отечественной производственной базы для выпуска автомобильной техники, комплектующих механизмов и устройств, обеспечивающих оснащение российской армии и возрастающие потребности населения страны. Системообразующая роль в основании автомобильной промышленности принадлежала построенному в 1869 году Русско-Балтийскому вагонному заводу (Рига), на котором в связи с возрастанием в стране спроса на автомобили в 1908 году было организовано автомобильное отделение, а в 1909 году был выпущен первый автомобиль «Руссо-Балт». Военным ведомством Российской империи, заинтересованным в заказах для армии автомобилей, после проведенного в 1910 году всестороннего обследования завода была признана его способность к ежегодному выпуску до 300 автомобилей. При этом в заключении особо указывалось на самостоятельное производство заводом всех частей автомобиля за исключением отдельных комплектующих механизмов (манометров, радиаторов, магнето и др.). По различным сведениям, Русско-Балтийским заводом за 1909–1918 гг. было произведено 451–623 автомобиля (60 автомобилей в год), две трети из которых выпускались по заказам военного ведомства. Следует отметить неоднозначность оценки исследователями состояния отечественного автомобилестроения в указанный период. В частности, В.В. Поликарповым подчеркивается сложный и противоречивый путь создания и становления

российской автомобильной промышленности, связанный с незаинтересованностью российских промышленников в ее развитии из-за отсутствия стимулирования производства автомобильной техники гарантированными долговременными заказами государства, и прежде всего его военного ведомства, которое в лице военного министра (В.А. Сухомлинова) и начальника Генерального штаба (Я.Г. Жилинского), по выражению автора, «проглядело проблему автомобилизации российской армии внутренними средствами страны». Реально действующим до конца войны являлся лишь Русско-Балтийский завод с годовой производительностью менее 100 автомобилей при значительном использовании зарубежных материалов, деталей и узлов. По этой причине, а также из-за недостатка финансовых средств к началу войны не была реализована программа моторизации войск, предусматривавшая создание за 1914–1920 гг. 44 автомобильных рот, а также запасных, ремонтных, крепостных команд, рот, мастерских. Из-за отсутствия возможностей реализации данной программы было создано только 5 автомобильных рот и 6 отдельных автомобильных команд, укомплектованность которых автомобильной техникой составляла не более 70% от установленных штатных норм снабжения [3; 4; 5].

В целях дальнейшего развития отечественного автомобилестроения в 1916 году была начата реализация государственной программы поддержки строительства 6 крупных автопредприятий (завода Автомобильного московского общества (АМО), автомобильных обществ «В.А. Лебедев К^о», «Русский Рено», «Аксай» в Ростове-на-Дону, Русско-Балтийского завода (переведенного из Риги в Москву) и завода «Бекас» в Мытищах). Однако в связи с последовавшими в 1917 году падением политического режима Российской империи и революционными преобразованиями выполнение указанной программы не было завершено [3; 4; 5].

В области авиастроения российская военно-промышленная политика была направлена на стимулирование и всестороннюю поддержку частного

предпринимательства в создании и развитии отечественных предприятий по производству летательных аппаратов (самолетов и дирижаблей), их вооружения и комплектующих для них устройств и механизмов. Это обеспечивалось увеличением объемов государственных заказов авиационной техники для оснащения армии, выделением авиастроительным предприятиям кредитов, освобождением их от ряда налогов, сборов и др.

Еще в 1885 году при Императорском Русском техническом обществе создается воздухоплавательная команда, в последующем преобразованная в отдельный воздухоплавательный парк, находившийся в ведении Комиссии по воздухоплаванию, голубиной почте и сторожевым вышкам. В 1908 году создается Императорский Всероссийский аэроклуб (ИВАК) под председательством князя Александра Михайловича, начинается строительство дирижаблей. В 1910 году организуется *создание российской военной авиации* [1; 2].

В период 1910–1917 гг., по данным Д.А. Соболева и других исследователей истории российского авиапрома, в различных регионах страны разворачивается интенсивное строительство производственных объектов авиастроительного профиля, создаются авиастроительные предприятия в Петрограде (ПРТВ «С.С. Щетинин К^о» – «Гамаюн», РБВЗ «Авиа-Балт», авиазаводы А.А. Слюсаренко и В.А. Лебедева), в Москве («Дукс» и Московский авиационный завод Ф.Э. Моска), Одессе (Завод аэропланов А.А. Анатра), Симферополе (Завод аэропланов и авиационных моторов А.А. Анатра), Таганроге (Таганрогский завод В.А. Лебедева), Карасубазаре (Первый Крымский аэроплановый завод В.Ф. Адаменко), Бердянске (АО «Вдова Матис и сыновья»). Наряду с вышеуказанными объектами в Ярославле было начато возведение двух самолетостроительных заводов, в Рыбинске организовано создание производственного предприятия «Русский Рено», предназначенного для освоения и серийного выпуска авиационных двигателей. В окрестностях Херсона создается авиационный научно-промышленный комплекс с авиашколой, в котором было предусмотрено

строительство двух заводов для серийного выпуска самолетов и авиационных двигателей, опытного завода со специальным аэродромом для реализации новых проектов, а также лаборатории с аэродинамической трубой, обеспечивающей проведение исследований летательных аппаратов с реальными весогабаритными характеристиками [1; 2].

Основные авиастроительные предприятия Российской империи начала XX в. приведены в табл. 1.

Выдающийся вклад в развитие отечественной авиации принадлежит создателю аэродинамики Н.Е. Жуковскому, авиаконструктору И.И. Сикорскому и морскому офицеру, капитану 1 ранга А.Ф. Можайскому, в 1883 году завершившему постройку первого летательного аппарата, испытания которого были проведены в 1884–1885 гг. В последующие годы под руководством и при непосредственном участии А.Ф. Можайского был осуществлен целый ряд государственных проектов, направленных на создание и развитие отечественного авиастроения, в числе которых сооружение аэродинамической трубы (1902 год), создание первого в Европе аэродинамического института (1904 год) и Императорского аэроклуба (1908 год), бюро по разработке методов полета и производству расчетов прочности самолетов (1916 год), а также центрального аэродинамического государственного института – ЦАГИ (1918 год) и др.

Таблица 1. Основные авиастроительные предприятия Российской империи

Наименование и место расположения авиастроительного предприятия	Год начала выпуска самолетов	Количество выпущенных самолетов за 1916-1917 гг., ед.
ПРТВ «С,С, Щетинин К ^о » («Гамаюн») (Петроград)	1910	24
Русско-Балтийский вагонный завод (РВБЗ) «Авиа-Балт» (Рига, Петроград)	1910	3
«Дукс» (Москва)	1912	39
Авиазавод В.В. Слюсаренко (Рига, Петроград)	1913	5
АО воздухоплавания «В.А. Лебедев» (Петроград)	1914	19
Завод Ф.Ф. Терещенко (Червонное)	1914	–
Завод аэропланов А.А. Анатра (Одесса)	1914	17
Московский авиационный завод Ф. Э. Моска (Москва)	1915	2
Первый Крымский аэропланый завод В.Ф. Адаменко (Карасубазар)	1916	1
Завод аэропланов и авиационных моторов А.А. Анатра (Симферополь)	1917	5
АО «Вдова Матис и сыновья» (Бердянск)	1919	–
Таганрогский завод В.А. Лебедева (Таганрог)	1923	–

Составлено автором, источник: [1; 2].

Реализация государственной военно-промышленной политики в области самолетостроения способствовала созданию в Российской империи в короткие исторические сроки целостной системы разработки, испытания, серийного производства и выпуска летательных аппаратов различных типов, а также подготовке для них летно-технического состава. К октябрю 1917 года российская авиационная промышленность включала 34 авиационных производственных предприятия: на 14 заводах осуществлялся выпуск самолетов, 7 заводов специализировались на производстве авиационных двигателей, 6 заводов производили авиационные комплектующие механизмы и устройства (воздушные винты и лыжи, магнето, авиационные приборы и другое оборудование), остальные находились в стадии завершения

строительства. Российской авиационной промышленностью в 1914 году было произведено 525 самолетов различных типов, а в 1915 году ее производительность возросла и обеспечила производство и выпуск уже 1 290 самолетов [1; 2; 8; 21].

Все это в совокупности обеспечило возможность формирования императорского военно-воздушного флота, численность авиационного состава которого к началу Первой мировой войны составляла 263 самолета и 14 дирижаблей. К октябрю 1917 года численность авиационного парка военно-воздушного флота Российской империи была увеличена до 1 500 летательных аппаратов различного типа, а его организационная структура включала более 300 авиационных формирований, в том числе 91 авиаотряд, 87 воздухоплавательных отрядов, 32 отряда гидроавиации, 14 авиационных дивизионов, 4 боевых отряда самолетов «Илья Муромец», 11 авиационных и воздухоплавательных школ, дивизион корабельной авиации, 8 авиапарков, а также многочисленные авиабазы, авиационные мастерские, в том числе мобильного типа (поезда-мастерские), воздухоплавательные парки и др. [1; 2; 21].

Вместе с тем исследователями отмечается наличие в российском самолетостроении в годы Первой мировой войны острейшей проблемы, связанной с отсутствием отечественной производственной базы авиационного моторостроения. В.В. Поликарпов обращает внимание на то, что авиационное ведомство Российской империи, проанализировав снабжение фронта самолетами, установило невозможность исполнения «...хотя бы минимальной программы русского аэропланного строительства», предусматривающей не более трети плана полного снабжения армии авиацией. При потребности российской армии в ее авиационном оснащении, составлявшей в ноябре 1916 года не менее 3 375 самолетов, российскими заводами в этот период осуществлялось выполнение заказа на 2 290 самолетов, 80% из которых строить не имело смысла из-за отсутствия авиационных двигателей. С учетом принятых мер для решения данной проблемы российскими заводами в 1916

году было произведено и поставлено заказчику (Авиационному ведомству) 1 769 самолетов и 666 авиационных двигателей, при этом значительная часть самолетов и авиационных двигателей была собрана из поставляемых Францией и Великобританией готовых деталей и узлов. В Германии в указанный период было выпущено 8 182 самолета и 7 823 авиационных двигателя, во Франции – 7 549 самолетов и 16 875 двигателей [1; 2; 21].

Результаты практической реализации военно-промышленной политики по линии военного и морского ведомств ежегодно представлялись во всеподданнейших докладах и отчетах императору Николаю II. В частности, во всеподданнейших докладах военного ведомства за 1914–1916 гг. отмечается, что с началом Первой мировой войны установленных в довоенный период норм боевого снабжения армии хватило только на первые 4–5 месяцев войны, после чего в войсках стала ощущаться острая, все более возрастающая нехватка вооружения и боеприпасов. В целях обеспечения армии всеми необходимыми средствами для ведения длительной войны был осуществлен комплекс экстренных мер по повышению производительности в системе военных производств (увеличение рабочего времени, упразднение воскресных и праздничных дней, экстренное дооборудование дополнительных производственных площадей и др.), способствовавших повышению производительности казенных военных заводов в 1,5–2,5 раза, а на отдельных военных производствах почти в 5 раз [7].

В докладах особое внимание обращается на решение острейшей для армии проблемы обеспечения ее взрывчатыми веществами, обусловленной прекращением с началом войны зарубежных поставок (в основном из Германии) необходимых для этого сырьевых ресурсов (бензола, толуола и др.). Отмечается промышленное освоение получения из каменного угля Донбасского региона и нефти основных отечественных химических компонентов для создания тротила и других взрывчатых веществ (бензола, толуола, ксилола, нафталина, аммиака, аммиачной селитры и др.),

обеспечивших уже к 1916 году их форсированное производство и поставку в армию около 1,4 млн пудов., т.е. почти в 3 раза больше, чем в 1915 году [7].

В части заготовления воздухоплавательного имущества отмечается, что для безостановочного пополнения аэропланами действующих армий организовано выполнение плана зарубежных (преимущественно из Франции) поставок значительных партий моторов и материалов для постройки аэропланов и моторов. Для обеспечения сигнализации и повышения защищенности летательных аппаратов докладывается о разработке и передаче в армию специальных дымных сигналов различных цветов, а также применении для бронирования аэропланов особой стальной брони и их вооружении пулеметами и пушками. В целях обеспечения проведения ремонта авиационной техники в полевых условиях сообщается о формировании подвижных мастерских в вагонах и тыловых авиационно-автомобильных мастерских, а также подвижных технических мастерских-поездов и состоящих при них особых летучих авиационных мастерских для ремонта авиационной техники и оборудования на местах [7].

По части заготовления автомобильного имущества докладывается о формировании с объявлением мобилизации первых пяти автомобильных рот и пяти команд, а также поставке в войска по военно-автомобильной повинности около 5 230 ед. автомобильной техники (3 тыс. легких, 430 грузовых автомобилей и до 1 800 мотоциклеток). В докладе за 1914 год указывается на разработку плана формирования новых автомобильных частей с необходимостью поставки для их оснащения около 5 000 тыс. ед. различной автомобильной техники в целях обеспечения военных операций, для выполнения которого в 1914 году приобретены и поставлены в войска 2 100 автомобилей разного назначения (1 416 грузовых, 284 специального назначения: цистерны, мастерские, кухни и проч., 300 санитарных и 100 бронированных), 90 тракторов с прицепными повозками и 3 152 мотоциклетки, в том числе 75 с приспособлением для вооружения пулеметами. Сообщается о выполнении плана формирования новых

автомобильных частей, в соответствии с которым к началу 1915 года отправлены в действующую армию 6 новых автомобильных рот, 2 мотоциклетные роты, 2 автомобильные команды и 4 мотоциклетных отделения. Завершается формирование 12-й автомобильной роты и 4 санитарных автомобильных транспортов, дополнительно организовано формирование еще 4 автомобильных рот, 30 мотоциклетных отделений и 11 санитарных автомобильных транспортов [7].

Говорится о направлении в годы войны Совету министров и Государственной думе целого ряда представлений Военного министерства о развитии военной промышленности, включающих постройку новых казенных оружейного (Тула) и сталелитейного (Приволжский район) заводов, третьего патронного казенного завода, казенного автомобильного завода, казенного машиностроительного завода, заводов для изготовления взрывателей и взрывчатых веществ (Уфа и Нижний Новгород), заводов оптического стекла (Изюм), представлений о заказе 10 аэропланов типа «Илья Муромец», заказе частным заводам (акционерным обществам «В.А. Лебедев», обществу «Аксай» в Нахичевани, «П. Ильин», Русско-Балтийскому вагонному заводу и товариществу «Кузнецов и Рябушинский»), о заказе производства для нужд армии 7 500 тыс. автомобилей и др. [7].

Приводятся сведения о выполнении особых заготовлений для обеспечения действующей армии предметами боевого снабжения (прожекторными станциями, телефонным имуществом, оптическим оборудованием: призмными биноклями, стереотрубами, панорамами, минометами и бомбометами, ручными и ружейными гранатами, воздухоплавательным, авиационным и автомобильным имуществом). Особое место в докладе отводится заготовлению удушающих средств в ответ на действия противника. Сообщается о создании особой комиссии для организации и руководства делом снабжения армии удушающими средствами, а также об учреждении в 1916 году при Главном артиллерийском управлении (ГАУ) специального Химического комитета, предназначенного для

организации и координации работ по изысканию и заготовлению удушающих и зажигательных средств, а также выработке и освоению способов борьбы с удушающими газами. Сообщается об освоении в 1916 году на 30 заводах производства удушающих и ядовитых веществ и планируемом вводе в действие в 1917 году еще 11 таких заводов. Докладывается о снаряжении в 1916 году около 1,3 млн удушающих и более 161 тыс. ядовитых снарядов, заготовлении химических мин и ручных химических гранат, выполнении опытных стрельб тяжелыми химическими снарядами [7].

Во всеподданнейших отчетах Морского министерства за 1914–1916 гг. приводится развернутый обзор хода работ по постройке боевых кораблей, подводных лодок и судов вспомогательного флота, предусмотренных судостроительной программой 1912–1916 гг. Анализ судостроительной программы свидетельствует о высоких возможностях российского судостроения, обеспечивающих в период выполнения данной программы одновременную постройку на судостроительных предприятиях 104 боевых кораблей основных классов (линейных кораблей – 8 ед., броненосных крейсеров – 4 ед., легких крейсеров – 8 ед., эскадренных миноносцев – 53 ед., подводных лодок – 30 ед., минных заградителей «Краб» – 1 ед.), а также 106 вспомогательных судов и плавсредств различного предназначения (транспортов, плавучих доков, плавучих кранов, ледоколов, ледорезных буксирных пароходов, нефтеналивных судов, пароходов-отметчиков, буксирных пароходов и катеров, самоходных водоналивных, нефтеналивных, угольных, снарядных, провизионных и мусорных барж, боновых заграждений и др.). В отчетах приводятся фактическая (на момент представления отчета) готовность (в %) постройки каждого корабля, сроки ее завершения, проведения государственных испытаний и передачи кораблей в боевой состав флотов Российской империи [7].

Обобщая вышеизложенное представляется возможным заключить, что в целом реализация государственной военно-промышленной политики в Российской империи в первом десятилетии XX в. обеспечила к началу Первой

мировой войны создание развернутой в различных регионах Российской империи системы военных производств, составивших в последующем материальную основу создания единого военно-промышленного комплекса страны. Создание и серийный выпуск вооружения для российской армии и флота осуществлялись на 23 казенных заводах артиллерийской промышленности (орудийных, оружейных, снарядных, патронных, пороховых, трубочных, химических, алюминиевых, взрывчатых веществ, оптических приборов и др.) и 6 арсеналах I и II разряда Военного ведомства, 14 судостроительных заводах Морского ведомства, в широкой сети заводов горного ведомства, а также частновладельческих предприятиях. В частности, выполнение заказов Главного артиллерийского управления российской армии обеспечивалось не только производственными мощностями находящихся в его велеии казенных военных заводов, но и привлечением к выпуску военной продукции 112 частных заводов. Для выпуска военной продукции по заказам Главного военно-технического управления российской армии использовались производственные мощности 60 наиболее крупных частных заводов, из которых 29 заводов располагались в Петрограде или его окрестностях и 31 завод (провинциальные заводы) – в других губерниях. Военным производством были охвачены более 25 частных горных заводов уральского региона, наладивших технико-технологические линии для выпуска военной продукции с целью выполнения военных заказов. Производством военной продукции занимались все частновладельческие авиастроительные и автомобильные заводы, а также большое количество заводов и иных предприятий других отраслей промышленности (легкой, пищевой, химической и др.). В одном только Петрограде находилось 269 промышленных предприятий, осуществлявших производство и выпуск различных видов продукции для государственной обороны [7].

Сравнительные показатели производства вооружения и военной техники воюющих государств в годы Первой мировой войны приведены в табл. 2.

Вместе с тем, несмотря на реализацию в рамках государственной военно-промышленной политики комплекса мер и действий по развитию военно-промышленных производств, их функционирование не обеспечило к началу Первой мировой войны полноценного и качественного удовлетворения потребностей российской армии в боевом снабжении и прежде всего в артиллерийских боеприпасах.

Таблица 2. Производство вооружения и военной техники воюющих государств в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

Союзы (страны)	Виды вооружения и военной техники								
	Самолеты, тыс. шт.	Танки, тыс. шт.	Арт. орудия, тыс. шт.	Минометы, тыс. шт.	Пулеметы, тыс. шт.	Винтовки, тыс. шт.	Арт. снаряды, тыс. шт.	Патроны, млрд. шт.	Автомобили грузовые, тыс. шт.
Тройственный союз									
Германия	41.177	0,1	69.900	12,0	280,0	8547	229114	8,2	65,0
Австро-Венгрия	4.338	-	11.561	-	40,5	3500	52184	4,0	-
Италия	11.986	-	10.250	-	101,0	2400	90940	3,6	28,0
Англо-русско-французский союз (Антанта)									
Англия	54.957	2,8	25.031	2,5	239,0	3972	218281	8,6	87,0
Россия	5.607	-	12.039	-	27,9	3286	64937	13,5	20,0
Франция	52.146	5,3	25.058	3,0	312,0	3516	282100	6,3	110,0

Составлено автором: источник [8; 12; 14; 15; 16; 19].

Во всеподданнейшем докладе по Военному министерству о мероприятиях и состоянии всех частей военного управления за 1914 год указывается, что «...Чрезвычайное напряжение боевых действий в настоящую войну, вызвавшее непомерный расход боевых и прочих предметов довольствия армии, еще в конце 1914 г. указало на недостаточность заготовленных в мирное время материальных средств и на повелительную необходимость безотлагательного принятия исключительных мер с целью

обеспечения питания армии всеми необходимыми на ведение длительной войны средствами» [7].

Неготовность российской армии к войне, по оценке В.С. Михайлова, была обусловлена недооценкой бывшим военным министром В.А. Сухомлиновым, Генеральным штабом и бывшим руководством Главного артиллерийского управления (ГАУ) характера современной войны и применения в ней вооружения и военной техники (артиллерии, авиации, автомобильной техники и др.), а также роли и места в боевом снабжении российской армии военных заводов, в результате которой «...для них не было разработано никаких мобилизационных заданий на время войны, не было организовано никакой мобилизационной подготовки. И только мировая война с исчерпывающей ясностью и убедительностью определила подлинную роль и значение заводов во время войны, показав, что настоящим источником боевого питания должна быть работа заводов в период самой войны, а не запасы, накопленные в период мира...». Для подтверждения своей оценки автор приводит сведения о крайне низкой загруженности производственных мощностей казенных военных заводов артиллерийского профиля в предвоенные годы (1910–1913 гг.), которая, в частности, по оружейным заводам составляла не более 6–14% от их реальных производственных возможностей [14].

В.В. Поликарповым также отмечается имеющийся в армии с начала войны острый «снарядный голод», в условиях которого уже в декабре 1914 года войскам были даны директивные указания о «...ежедневном расходе не более одного снаряда на орудие». Кроме того, автор в сравнении с казенными военными заводами указывает на «...чрезмерную преувеличенность цен по передаваемым частной промышленности заказам...В этом обнаруживались признаки нежелательного и вредного стремления объединившихся промышленников и посредников, пренебрегая благом общим и интересами государственными, извлекать из обстоятельств военного времени возможно большие выгоды». Для подтверждения своих выводов он приводит сводку

Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части о соотношении цен частных и казенных заводов по разным типам военной продукции (табл. 3) [15].

Таблица 3. Соотношение цен частных и казенных заводов по разным типам военной продукции (артиллерийских снарядов) [13; 15]

Наименование предметов	Средние цены		Переплата	Примерная потребность по январь 1918 г.	Сумма переплат казной частным заводам, руб.
	частные заводы	казенные заводы			
	руб.	руб.	руб.		
Шрапнели 76-мм	15.32	9.83	5.49	33 000 000	181 170 000
Гранаты 76-мм	12.13	9.0	3.13	33 000 000	103 290 000
Гранаты 122-мм	45.58	30.0	15.58	14 000 000	218 120 000
Шрапнели 107-мм	35.0	15.0	20.0	2 500 000	50 000 000
Гауб. гранаты 152-мм	70.0	48.0	22.0	6 000 000	132 000 000
Гауб. шрапн. 152-мм	60.0	36.0	24.0	600 000	114 000 000
Пушечн. гранаты 152-мм	70.0	42.0	28.0	1 000 000	28 000 000
Взрыватели 3ГТ	10.55	8.42	2.ё13	33 000 000	70 290 000
Взрыватели 4ГТ	12.50	11.11	1.39	20 500 000	28 495 000
Дистанц. Трубки 22 сек.	7.0	5.50	1.50	9 500 000	14 250 000
Капсюльные втулки	1.0	0.45	0.55	80 000 000	44 110 000
Бездымный порох	100.0	72.0	28.0	7 500 000	210 000 000
Итого	-	-	-	-	1 094 000 000

Анализ приведенных в сводке сведений убедительно свидетельствует о том, что стоимость различных видов военной продукции (артиллерийских снарядов), поставляемой заказчику (ГАУ) частными заводами, в 1,5 раза и более превышала стоимость их производства казенными военными заводами артиллерийского профиля.

Неподготовленность Российской империи к Первой мировой войне отмечается и в официальном докладе нового начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) российской армии А.А. Маниковского военному министру от 20.10.1916 г., в котором указывается, что «...Настоящая война застала Россию неподготовленной во многих отношениях, но ни в одном эта неподготовленность не имела столь роковых последствий, как по части артиллерийского снабжения армии. Главнейшей причиной этого следует признать непредвидение масштаба настоящей войны, а потому и непринятие заблаговременно надлежащих мер к обеспечению армии необходимым для нее боевым снабжением. Эта неподготовленность главным образом состояла в

том, что в предположениях о потребности в боевом снабжении для будущей войны мы, базируясь на опыте нашей Маньчжурской кампании (масштаб которой, конечно, не мог быть отнесен к большой европейской войне) определили слишком незначительную норму этой потребности, вследствие чего и не развили заблаговременно надлежащим образом ни наши казенные заводы, ни те из частных, которые в мирное время изготовляли предметы боевого снабжения. Точно так же мы предполагали, что возимых комплектов батарей и тех местных артиллерийских парков, которые с началом мобилизации должны были быть собраны (из готовых запасов) Главным артиллерийским управлением, хватит по крайней мере на целый год большой войны, между тем как их хватило всего на 4 месяца, и уже в декабре 1914 г. наша армия стала ощущать острый недостаток в боевом снаряжении» [13].

В достоверности сведений, излагаемых автором доклада, сомневаться не приходится, так как он по должностному положению принимал непосредственное участие в разработке и официальном установлении штатных норм боевого снабжения российской армии боеприпасами, вооружением и военной техникой, выпускаемых военной (артиллерийской) промышленностью по номенклатуре Главного артиллерийского управления.

А.А. Маниковским внесен существенный вклад в развитие военно-промышленной политики Российской империи, выражающийся в обосновании необходимости расширения отечественной военной промышленности с разработкой для реализации этих целей программы казенного заводского строительства, предусматривающей создание 37 военных заводов. Выполнение этой программы обеспечило бы возможность «во что бы то ни стало избавиться по части боевого снабжения от иноземной зависимости и добиться того, чтобы наша армия все необходимое для себя получала бы у себя дома, внутри России...» [13].

Основу структурирования и функционирования военной промышленности, предлагаемую А.А. Маниковским, были должны составлять самостоятельные группы заводов, сформированные в организационном

порядке для производства каждого отдельного вида боевого снаряжения. Организационную и функциональную основу таких групп должны были составлять казенные заводы, «...которые в случаях мобилизации не только соответственно развернутся сами, но и выделяют из себя соответствующий технический персонал для инструктирования остальных членов группы, т. е. однородных производств частной промышленности» [13].

Автор программы развития военной промышленности не только не отвергает участие частновладельческого производственного сектора экономики в выпуске различных видов военной продукции, но и предусматривает теснейшую функциональную связь казенных военных производств с частновладельческими предприятиями, отмечая, что «...без частной промышленности военному ведомству не обойтись, и действительность показала, что эта промышленность во время войны удовлетворяет потребности армии в гораздо большей степени, чем казенные заводы, и что, кроме того, она вообще в гораздо сильнейшей мере, чем казенная, способна к быстрому развертыванию» [13].

Организационным механизмом массового привлечения в короткие сроки с начала войны частновладельческого производственного сектора экономики страны к выпуску военной продукции должен служить план мобилизационного развертывания промышленности и обеспечения выпуска всех видов военной продукции для удовлетворения потребностей армии. Организационную и технико-технологическую основу реализации этого плана должен составлять комплекс казенных заводов, обеспечивающих на основе обмена опытом, технологиями и кадрами быструю адаптацию частновладельческих предприятий к требованиям и стандартам военно-производственной деятельности в военное время. При этом в докладе отмечается, что «...не представляется возможным постоянное и стабильное обеспечение казенными заказами всей или хотя бы значительной части мобилизованной в военное время промышленности, что обуславливает ее неизбежную после окончания войны "демобилизацию" с возвращением к

обычным производствам мирного времени». Для накопления, изучения и использования при необходимости науки и опыта войны на соответствующих предприятиях должно быть предусмотрено сохранение элементов («ячеек») военных производств под непосредственным наблюдением органов военного управления [13; 14].

Вышеуказанное обоснование А.А. Маниковским подходов к развитию военной промышленности, по сути дела, определяет основы военно-промышленной политики, направленной на ее трансформацию в единый военно-промышленный комплекс, являющийся специфическим сектором экономики государства, обеспечивающим не только потребности его обороны и безопасности, но и непосредственное участие в производстве продукции гражданского и двойного назначения в интересах повышения эффективности социально-экономического развития.

Важным элементом военно-промышленной политики в годы Первой мировой войны, заложившим основы последовательной интеграции всей совокупности созданных в Российской империи военных производств в единый военно-промышленный комплекс, явилось принятие в мае 1915 года на IX съезде промышленных и торговых представителей решения о создании военно-промышленных комитетов как объединения промышленников для обеспечения участия всей неиспользованной мощи отечественной промышленности в удовлетворении нужд обороны государства [12; 20].

К полномочиям военно-промышленных комитетов были отнесены организация и обеспечение содействия органам военного управления в осуществлении снабжения армии и флота необходимым ассортиментом продукции военного назначения, формирование и установление цен на ее поставки, осуществление учета и планового распределения заказов и необходимых для их выполнения сырьевых, материальных и финансовых ресурсов, организация постоянного контроля за своевременным выполнением этих заказов, состоянием и использованием транспорта для обеспечения

производства и поставки в войска различных видов военной продукции [12; 20].

Окончательно сеть военно-промышленных комитетов, охватывающая всю территорию Российской империи, сформировалась к середине 1916 года и включала центральный, 32 губернских и 221 местный военно-промышленный комитет [12; 20].

Состав и структурно-логическая схема деятельности военно-промышленных комитетов Российской империи показаны на рис. 1.

Рис. 2. Состав и структурно-логическая схема деятельности военно-промышленных комитетов Российской империи. Составлено автором, источник: [12; 20]

Финансовую основу деятельности военно-промышленных комитетов составляли авансирование правительством заказов военной продукции, а также отчисления до 1% от общей стоимости заказов, размещенных при посредничестве комитетов.

Следует отметить, что создание военно-промышленных комитетов в стране, с одной стороны, способствовало объединению усилий производственных мощностей промышленности, направляя их на выпуск военной продукции для обеспечения потребностей действующей армии. С другой стороны, в организационном и общественно-политическом аспекте это повлекло за собой усложнение вопросов управления промышленностью в части распределения и контроля исполнения военных заказов, так как способствовало возникновению прецедента, связанного с параллельным функционированием двух управленческих структур общеимперского уровня: Особого совещания по государственной обороне, перевозкам (далее – Особое совещание), топливу и продовольствию с региональными отделениями, представленными заводскими совещаниями, и военно-промышленных комитетов.

Кроме того, продекларированное в основе создания военно-промышленных комитетов «содействие» правительственным учреждениям в снабжении армии и флота в практической реализации (при отсутствии нормированных законодательством реальных механизмов управления и информационного обеспечения широко распространенными в военно-производственной сфере сведениями ограниченного доступа) получило, наряду с экономической деятельностью, все более усиливающуюся политическую направленность, выражающуюся в возрастающем представительстве крупного бизнеса по реализации своих интересов перед правительством страны, отстаивании им либерализма, своей оппозиционности, права на критику и др. Все эти и другие недостатки в деятельности ВПК на примере Одесского военно-промышленного комитета изложены в записке военному министерству командующего Одесским военным округом (командующим 14 армией), генерала В.Н. Никитина от 28.06.1915 г. «Об усилении влияния военных властей на деятельность военно-промышленных комитетов». Для устранения вышеуказанных, отмеченных в документе, недостатков его автором предложено следующее: объединение в

компетенции военно-промышленных комитетов «задач финансовых, торгово-промышленных и фабрично-заводских кругов» с предоставлением региональным (окружным) подразделениям Особого совещания функции «надлежащего направления деятельности этих комитетов и проведения в жизнь выработанных мероприятий», а также состав окружного совещания, включающий «командующего армией (председатель), главного начальника округа, начальника штаба, начальников окружных управлений, представителей земств, городов, финансового и торгово-промышленного мира (по приглашению председателя) и представителей местных комитетов» [7].

Выводы:

1. Во все периоды общественно-политического развития направленность военно-технической политики Российской империи определялась совокупностью угроз национальным интересам и необходимостью ее вооруженной защиты. Практическая реализация этой политики предусматривала создание совокупности государственных и частновладельческих военных производств, обеспечивающих выпуск всех видов военной продукции для полного удовлетворения потребностей российской армии и флота в мирное и военное время.

2. Созданная за 200-летний период (с начала XVIII в. до начала XX в.) широкая сеть военных и гражданских производств, а также организация мобилизационного развертывания обеспечили объединение усилий всей промышленности по производству военной продукции в военное время и сформировали материально-техническую и организационную основу для последующего создания военно-промышленного комплекса в советский период развития страны.

Литература

1. Авиастроительные заводы России до 1918 года. – URL: <https://pub.wikireading.ru/192023> (Дата обращения – 24.03.2023 г.).

2. Авиация дореволюционной России. – URL: <https://pereklichka.livejournal.com/827127.html> (Дата обращения – 19.03.2023 г.).
3. Автомобильная отрасль Российской империи. – URL: <http://leakovok.ru/2015/04/avtomobili-v-vrossiyskoj-imperii.htm> (Дата обращения – 14.03.2023 г.).
4. Автомобильная промышленность в дореволюционной России. – URL: <https://wg-lj.livejournal.com/587711.html> (Дата обращения – 16.03.2023 г.).
5. Автомобилестроение в России до 1917 г. – URL: <http://www.avtomash.ru/pred/prom/2007120905.htm> (Дата обращения – 16.03.2023 г.).
6. Бенда В.Н. Оружейная промышленность России в период военных реформ 60–70-х годов XIX столетия / Преподаватель ЛГУ им. А.С. Пушкина 2/2020. – С. 221–235.
7. Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). – М.: Новый хронограф, 2004. – 832 с.
8. Военная промышленность Российской империи в годы Первой мировой войны: развитие и производство военной продукции. – URL: https://vk.com/@jewish_bankir-voennaya-promyshlennost-rossiiskoi-imperii-v-gody-pervoi-mir?anchor=2-proizvodstvo-voennoy-produkts (Дата обращения – 12.03.2023 г.).
9. Военно-промышленный комплекс Российской империи. Вторая половина XIX века. – URL: <http://fai.org.ru/forum/topic/45972-voenno-promyishlennyiy-kompleks-rossiyskoj-imperii/> (Дата обращения – 17.03.2023 г.).
10. Итоги промышленного развития России с 1861 по 1913 гг. – URL: https://studbooks.net/1971981/ekonomika/itogi_promyshlennogo_razvitiya_rossii_1861_1913 (Дата обращения – 21.03.2023 г.).
11. Коммерческие реформы Петра I. – URL: <https://rusistori.ru/russkoe-tsarstvo/manufaktury-pri-petre-1> (Дата обращения – 18.02.2023 г.).

12. Кюннг П.А. Военно-промышленные комитеты в России в годы Первой мировой войны: историко-архивоведческое исследование: диссерт. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: РГГУ, 2007. – 145 с.
13. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. – М.: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1937. – 718 с.
14. Михайлов В.С. Очерки по истории военной промышленности (с предисловием В.В. Поликарпова). – М.: Издание Главного военно-промышленного управления ВСНХ СССР, 1928. – 363 с.
15. Поликарпов В.В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 383 с.
16. Развитие военно-промышленного комплекса Российской Империи в годы ПМВ. – URL: <http://rostislavddd.livejournal.com/204983.html> (Дата обращения – 27.03.2023 г.).
17. Рогозин Д.О. История формирования и развития Военно-промышленного комплекса в России в XX веке. – URL: https://bstudy.net/641140/istoriya/voenno_promyshlennyu_kompleks (Дата обращения – 11.03.2023 г.).
18. Русское экономическое чудо 1861-1913 гг. – URL: <https://ratmirkarenen.livejournal.com/145553.html> (Дата обращения – 26.03.2023 г.).
19. Свод сведений о численном составе войск, ружьях, пулеметах и патронах (октябрь 1915-январь 1916 гг.) и выводов из этих сведений. – РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 444–473. Типогр. экз.
20. Сиротин, И. Ю. История создания военно-промышленных комитетов Российской империи в годы Первой мировой войны / И. Ю. Сиротин. // Молодой ученый. 2022, № 45 (440). – С. 217–222.

21. Состояние авиационного производства и авиапарк Российской Империи 1914-1917г. – URL: <https://megaobuchalka.ru/16/45951.html> (Дата обращения – 28.03.2023 г.).

22. Экономическая политика Петра I и создание им новой военно-промышленной базы. – URL: <https://nauka.club/istoriya/voenny%D0%B5-reformy-petra-i.html> (Дата обращения – 25.02.2023 г.).

23. Экономика России эпохи промышленного капитализма: 1861–1917 г. – URL: https://studref.com/484289/ekonomika/ekonomika_rossii_epohi_promyshlennogo_kapitalizma_1861_1917_gody (Дата обращения – 25.03.2023 г.).

Агуреев Станислав Александрович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России,
stas.agureev@mail.ru

Stanislav A. Agureev,
PhD (History), Associate Professor
of the Department of International Relations,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
stas.agureev@mail.ru

Болтаевский Андрей Андреевич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
Российский университет кооперации,
boltaev83@mail.ru

Andrey A. Boltaevsky,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Humanities,
Russian University of Cooperation,
boltaev83@mail.ru

Шангараев Руслан Насимович,
доктор политических наук, доцент кафедры государственного
управления во внешнеполитической деятельности,
Дипломатическая академия МИД России,
shang143@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the
Department of Public Administration in Foreign Policy,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
shang143@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИИ ВЕЛЬЗЕРОВ В ВЕНЕСУЭЛЕ

FROM THE HISTORY OF THE GERMAN WELZERS COLONY IN VENEZUELA

Аннотация: истории испанской и португальской колонизации стран Латинской Америки посвящены сотни отечественных и зарубежных исторических исследований, тогда как история немецкой колонии торгового дома Вельзеров в Венесуэле осталась практически неизвестной. На протяжении нескольких веков в немецких землях (вплоть до XIX в.) не было

специальной исторической литературы, посвященной колонии Кляйн Венедиг («маленькая Венеция»). Сегодня интерес к эпохе колониализма по-прежнему велик, в сознании многих европейских народов укрепляется комплекс исторической вины за века колониализма. Однако в немецкой исторической науке в русле устоявшегося подхода принято замалчивать неприглядные стороны истории колониальных обществ, такие как работорговля, эксплуатация и истребление местного населения, преуменьшать их масштабы. В заметной степени в немецкой историографии получило распространение стремление отвергать или ставить под сомнение исторические источники, раскрывающие особенности политики угнетения в отношении местного населения, проводившейся немецкими колонизаторами.

Ключевые слова: колониализм, Вельзеры, работорговля, Венесуэла, колония Кляйн Венедиг.

Abstract: history of Spanish and Portuguese colonization of Latin America is devoted hundreds of domestic and foreign studies, but the history of German colony Velzers in Venezuela remained virtually unknown. For several centuries there was no special literature on the colony Kleyn Vending in the German lands until the 19th century. Today, interest in the era of colonialism is still great, and the complex of historical guilt for centuries of colonialism has strengthened in the minds of the European peoples. However, in German historical science, in line with the established approach, it is customary to gloss over unsightly aspects of the history of colonial societies, such as the slave trade, exploitation and extermination of the local population, and to downplay their scale. To a noticeable extent, the desire to reject or question historical sources revealing the features of the policy of oppression against the local population carried out by the German colonialists has become widespread in German historiography.

Keywords: colonialism, the Welzers, slave trade, Venezuela, Klein Venedig colony.

В отличие от Англии, Франции, Испании и Португалии, уже к началу XVI в. фактически завершивших процесс централизации, немецкие земли вплоть до 1871 года оставались раздробленными. Скудность имевшихся финансовых и военных ресурсов препятствовала активному участию германских государств как в географических открытиях (фактически первыми немецкими кругосветными путешественниками были отец и сын Фостеры в ходе второй экспедиции Д. Кука 1772 – 1775 гг.), так и в борьбе за колонии.

Принято считать, что германская колониальная империя начинает складываться только в последней четверти XIX в., однако первая немецкая колония появилась еще в начале XVI в. Хотя Кляйн Венедиг («маленькая Венеция») просуществовала менее 20 лет, тем не менее она оставила свой след на южноамериканской земле.

Рождение колонии Вельзеров в Венесуэле

Начало XVI в. было ознаменовано стремлением испанского короля Карла I примерить императорскую корону главы Священной Римской империи. Карл, родившийся на далекой от Кастилии фламандской земле и занявший престол вследствие безумия королевы Хуаны I, вряд ли мог рассчитывать на симпатии испанских кортесов. Столкнувшись с необходимостью щедрых выплат сторонникам для избрания на римский трон, он вынужден был прибегнуть к кредитам у известного аугсбургского торгового дома Вельзеров. Род Вельзеров на протяжении нескольких веков являлся одним из наиболее влиятельных в Европе, оказывая финансовую помощь европейским монархам на выгодных для себя условиях. Разбогатев на торговле, представители рода в дальнейшем занимались банковскими операциями, а впоследствии и работоторговлей.

Согласно имеющимся данным избрание Карла императором обошлось в 1 200 кг чистого золота, 1/6 часть которого выдали именно Вельзеры. Выход был найден по условиям заключенного в Мадриде в 1528 году договора: Вельзеры получили в управление испанскую Венесуэлу, дословно переведя ее название на немецкий язык. По условиям договора компания обязывалась

построить на новых землях 2 города и 3 форта, привезти 300 колонистов, а также профессиональных горняков, «чтобы с их трудолюбием и знаниями они могли найти рудники и источники золота, серебра и других металлов», получив также особые права на работорговлю [3, p.1].

После прибытия немецких поселенцев город Санта-Ана-де-Коро был переименован в Ней-Аугсбург и стал фактически столицей Кляйн Венедига. Очень скоро стало ясно, что прибыль колонистам может приносить только работорговля, поэтому забросив сельское хозяйство и так и не начав горное дело, немцы начали настоящую охоту за индейцами. Еще одной важной миссией стал поиск золота в мифическом Эльдорадо, в котором немцы стали настоящими первопроходцами [2, с.68]. Николаус Федерман и Амброзиус Эхингер были теми авантюристами, которые жестокостью и расправой пытались выкачать из колонии имевшиеся ресурсы.

Упадок колонии Вельзеров

В 1546 году договор был расторгнут по инициативе испанской стороны, но уже после смерти Эхингера весной 1533 года колония Кляйн Венедиг оказалась в сложных условиях: один за другим на посту губернатора сменяли друг друга Джон Сиссерхоффер, Грегор фон Шпейер, Филипп фон Хаттен, Хуан де Карвахаль, Генри Рембольдт, Бернардино Марсио, Хуан де Бонилья [9]. Б. Мозес писал, что падение колонии было обусловлено как внутренними разногласиями, так и грабительскими экспедициями вглубь страны: «Страна превратилась в пустыню, а Коро представлял собой невольничий рынок» [11,p.78].

Несколько столетий немецкое поселение в Венесуэле было совершенно забыто у себя на родине. Это совершенно не выпадало из схожих примеров многочисленных исчезнувших испанских колоний в Новом Свете. Положение изменилось в середине XIX в., когда наметились политические и экономические перспективы объединения немецких земель. Идею превосходства немцев над местным населением отражали следующие строки из «Песни немцев»:

Вся от Мемеля к Маасу,
С Бельта к Эче сплочена —
На земле всего превыше
Лишь Германия одна!

В 1865 году Франц Маурер предложил план колонизации Никобарских островов, находившихся в ведении Дании [13, p.8]. Именно в те годы память о колонии Вельзеров возрождается в качестве обоснования претензий Германии на долю колониального «пирога» в Африке и Тихом океане. Неслучайно, что к истории колонии обращался, пусть и в поэтической форме, военный теоретик Адольф Зейберт (1819–1880). Амбросиус Эхингер представлял в его воображении образ героя, сражавшегося «за дело Германии» [5, p.82].

Немецкая колония Вельзеров в Венесуэле в исторической литературе

На рубеже XIX–XX вв. на волне немецкого национализма пользовалась популярностью книга немецкого картографа Виктора Ганча «Немецкие путешественники XVI века» (1895). По его мнению, Вельзеры стали первыми немцами, которые стремились «обеспечить нашим людям их надлежащую долю в сокровищах нового мира». Ганч описывает немецкое насилие и жестокость как ответную реакцию на враждебность туземцев: «Индейцы были далеко не такими мирными детьми природы, как их изображает Лас Касас». В конечном итоге, как развивает свою мысль Ганч, испанцы в Новом Свете пожали плоды «немецкого трудолюбия» [12, p.27].

К 400-летию открытия Америки в Гамбурге был издан богато иллюстрированный двухтомник, целью которого было подчеркнуть роль немцев в колонизации Северной и Южной Америки [7]. Второй том, написанный бывшим немецким послом в латиноамериканских странах Г. Шумахером, описывал историю владений Вельзеров в Венесуэле. В этом же томе был напечатан перевод поэмы испанского священника Хуана де Кастьяноса «Элегии о выдающихся мужах Индии» [4] с любопытной пометкой: «Кастьянос был единственным испанским поэтом,

прославлявшим дела Германии, с интересом, изучавшим колонию Вельзер-Венесуэла и написавшим о ней со спокойной признательностью».

Крах недолговечной Германской империи и неустойчивость Веймарской республики продолжили обращение к Кляйн Венедиг как части немецкой национальной идентичности. Оттфрид фон Ханштейн, известный в то время популяризатор науки, издает в 1929 году книгу под любопытным названием «Охота за золотым касиком: первая немецкая колония Вельзеров в Венесуэле 1527–1555 гг.» [8]. Полемизируя с испанской традицией обвинения немецких колонистов в жестокости, автор отмечает: Лас Касас «был испанцем, и любые жестокости, совершенные человеком, принадлежавшим другому народу, представлял в худшем виде».

Приход нацистов к власти обусловил растущий интерес Берлина к мировому господству, хотя первоначально целью немецкой элиты была континентальная Европа. В отличие от вильгельмовских идей «Новой Германии», руководители Третьего рейха планировали расширить свои владения, опираясь на так называемых фольксдойче. При этом, по Г. Раушнингу, А. Гитлер обосновывал притязания на Южную Америку тем, что в этом регионе «Фуггеры, Вельзеры и другие немецкие пионеры в свое время владели поместьями или факториями. Наш долг состоит в том, чтобы вновь воссоздать эти старые владения, которые выродившаяся Германия позволила отнять» [1, с. 28].

В начале XXI в. страны Запада оказались охвачены идеями неоколониализма, что нашло отражение и в Нидерландах, и в Великобритании, и в спорах вокруг наследия Конфедерации в США. Сходная ситуация произошла и в Германии. Так, студенты Берлинского университета Гумбольдта полагают, что «наши отношения с Глобальным Югом формируются европейским колониализмом: как потомки белых оккупантов, мы по-прежнему извлекаем выгоду из преимущества колониализма» [6].

Мысль о том, что «Фуггеры и Вельзеры смогли получить свое богатство только за счет своего участия в колониализме, часто отрицается или

скрывается или замалчивается в этой историографии» [6] (исследователи говорят о «колониальной амнезии» как обыденном явлении в современном немецком обществе [10, р.2]). Соответственно, идея переименования улиц, названных в честь этих династий, получила определенную поддержку в Германии.

Таким образом, очередное обращение к истории Кляйн Венедиг вновь отвечает стремлениям современности: каждый раз воспоминания о забытой немецкой колонии отвечали вызовам времени.

Напротив, по традиции, идущей от испанских авторов, во внешнегерманской литературе господствует тезис о жестокости немецких колонизаторов.

Литература

1. Во имя чего фашисты истребляют миллионы людей. Сборник статей. М. [б. и.], 1941. 86 с.
2. Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения [пер. с фр.: И. Эльфонд]. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 715 с.
3. Capitulación de los Belzares con la corona de Castilla // Archivo General de Indias. Sevilla. Justicia, Legajo 56, fol. 1, p. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/capitulacion-de-los-belzares-con-la-corona-de-castilla-madrid-27-de-marzo-de-1528--0/html/ff6bf908-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html#I_0_
4. Castellanos J. Elegías de varones ilustres de Indias. Madrid: Imprenta y Esteriotipia de M. Rivadeneyra, 1852. 567 p. [Электронный ресурс] URL: https://books.google.co.ve/books/about/Eleg%C3%ADas_de_varones_ilustres_de_Indias.html?id=UCiEKlrl_QUC&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redirect_esc=y#v=onepage&q&f=false
5. Die Sterne Schwabens : Eine Festgabe für Jung u. Alt in Schwaben. Stuttgart: Schweizerbart, 1856. 273 s. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mdz-nbnresolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb10120778-9>.

6. Decolonize HU [Электронный ресурс]. URL: <http://decolonizehu.wordpress.com/> Fugger-und Welsersstraßen dekolonisieren! [Электронный ресурс] URL: <https://fuggerandwelsersstreetdecolonized.wordpress.com/>
7. Hamburgische Festschrift zur Erinnerung an die Entdeckung Amerika's / Hrsg. von Wissenschaftlichen Ausschuss des Komites für die Amerika-Feier [Электронный ресурс]. URL: <https://nla.gov.au/nla.obj-2616194280/view>
8. Hanstein, Otfried von. Auf der Jagd nach dem Goldenen Kaziken: Die erste Deutsche Kolonie der Welser in Venezuela 1527 Bis 1555. Leipzig: Leipziger Graphische Werke, 1929. 254 s.
9. Lacas, M. M. A Sixteenth-Century German Colonizing Venture in Venezuela // The Americas. 1953. V. 9. № 3. P. 275–90. JSTOR: <https://doi.org/10.2307/977995>.
10. Maitz P., Craig A.V. Language Contact in the German Colonies: Introduction // Language and Linguistics in Melanesia. Journal of the Linguistic Society of Papua New Guinea. 2017. Special Issue. Language Contact in the German Colonies: Papua New Guinea and beyond. P. 1-8.
11. Moses B. The Spanish Dependencies in South America: An Introduction to the History of their Civilisation. London: Smith, Elder & Co., 1914. V. 1 428 p.
12. Montenegro G. “The Welser Phantom”: Apparitions of the Welser Venezuela Colony in Nineteenth- and Twentieth-Century German Cultural Memory // Transit. 2018. № 11(2). P. 21-53. <http://dx.doi.org/10.5070/T7112038255>
13. The German Colonial Experience / ed. Arthur J. Knoll, Hermann J. Hiery. Lanham (Maryland): University Press of America, 2010. 543 p.

I МЕЖДУНАРОДНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Булва Валерия Игоревна,
кандидат исторических наук,
valeriyabulva98@mail.ru
Valeriia I. Bulva,
Ph.D. (History),
valeriyabulva98@mail.ru

ДИПЛОМАТИЯ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ «КИБЕРГЕНАССАМБЛЕИ» ООН

DIPLOMACY IN THE FIELD OF INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY: PERSPECTIVES OF THE UN “CYBER- GENESEMBLY”

Аннотация: в статье исследуется актуальная тема перспектив дипломатии в области международной информационной безопасности на площадке ООН. Новизна темы заключается в обосновании того, что сегодня Рабочая группа открытого состава служит оптимальным переговорным механизмом как по составу участников, так и по мандату. Особенностью российских инициатив является курс на построение международной системы информационной безопасности с учетом интересов всех государств, на основе уважения принципов Устава ООН. Формирование реестра контактных пунктов и принятие профильной конвенции позволит снизить напряженность и предотвратить риск непреднамеренной эскалации конфликта.

Ключевые слова: международная информационная безопасность, РГОС, реестр контактных пунктов, институциональный диалог.

Abstract: the article explores the current topic of the prospects for diplomacy in the field of international information security at the UN. The novelty of the topic lies in the substantiation of the fact that today the Open-Ended Working Group is the optimal negotiating mechanism both in terms of the composition of the participants and the mandate. Russia advocates for building an international

information security system, taking into account the interests of all states, based on respect for the UN Charter principles. The formation of a global intergovernmental Points of Contact Directory and the adoption of a relevant Convention would reduce tension and prevent the risk of an unintentional escalation of the conflict.

Keywords: international information security, OEWG, Points of Contact Directory, institutional dialogue.

Введение

Появление вопросов информационной безопасности связано с технологическим прогрессом, начавшимся с середины XX в., с появлением первых ЭВМ, развитием сети Интернет как военной технологии Пентагона. С 1992 года в рамках Международного союза электросвязи было создано 3 специализированных комитета – МСЭ-Р (радиосвязь), МСЭ-Т (стандартизация), МСЭ-Д (развитие электросвязи). Это стало основой технического сотрудничества между государствами.

Международное измерение проблематики информационной безопасности привлекает внимание исследователей.

Значительная часть исследований посвящена изучению военно-политических угроз в сфере использования ИКТ, например труды М. Либки [25], Р. Моландера [26], А. Шафрански [30], А.В. Зинченко [7], С.Г. Туронка [20].

Отечественные исследователи, такие как А.И. Смирнов [18], А.И. Подберезкин [17], А.В. Бирюков и М.Б. Алборова [1] уделяют особое внимание проблемам когнитивного и информационно-психологического воздействия, а Т.Б. Аничкина [2], А.В. Бедрицкий [3], Р.В. Болгов [4], Д.Г. Евстафьев и А.В. Манойло [5; 14] рассматривают вопросы информационного противоборства в условиях гибридных войн.

Международное сотрудничество в области информационной безопасности анализируется в работах А.В. Крутских [12; 13], Е.С. Зиновьевой [6], З. Ли и Р. Танга [24], З. Ванга [32]. Ряд специалистов (А.А. Стрельцов [11],

Т.А. Полякова [21], В.Н. Трофимов [19]) обращают особое внимание на необходимость адаптации международного права с учетом специфики ИКТ.

Западный подход о применимости международного права, в том числе международного гуманитарного права, в существующем виде в отношении процессов в ИКТ-среде находит отражение в «Таллиннском руководстве» [31], а также в книгах Э. Тикка [29], К. Мики [29], К. Киттичайсари [23] и А. Робертса [28].

В дипломатической сфере проблематика безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ была закреплена в 1998 году с принятием российского проекта резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» на Генеральной Ассамблее ООН. С этого момента соответствующий пункт был закреплён в Первом комитете ГА ООН.

С тех пор прошло несколько этапов эволюции дипломатического взаимодействия на данном направлении:

1998–2001: закрепление международной информационной безопасности как нового направления дипломатии ООН;

2001–2018: межгосударственное сотрудничество в рамках Группы правительственных экспертов (ГПЭ);

2018–2021: период дуализма – параллельное функционирование ГПЭ ООН и Рабочей группы открытого состава ООН (РГОС);

2021– н.в.: переговорный процесс в РГОС.

Сегодня ключевой площадкой глобальной дискуссии по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ является Рабочая группа открытого состава (РГОС), созданная по инициативе России в 2018 году и получившая продление мандата в 2021 году.

Вместе с тем коллективный Запад предпринимает усилия подменить формат РГОС альтернативными механизмами (саммит за демократию и Декларация о будущем Интернета, Программа действий по продвижению ответственного поведения государств в киберпространстве, Глобальный

цифровой договор). В основе стратегии западных стран лежит формирование «порядка, основанного на правилах», что фактически свидетельствует о фрагментации информационного пространства путем деления всех государств на лояльных партнеров и авторитарные режимы, подрывающие международный мир и безопасность.

Перспективы «Кибергенассамблеи» ООН

Сегодня ключевой задачей глобальной дипломатии по международной информационной безопасности является предотвращение конфликтов с использованием ИКТ. В этой связи особое значение отводится снижению уровня непредсказуемости, укреплению мира и стабильности, недопущению непреднамеренной эскалации киберконфликта и его переноса в физическую реальность из-за ошибки.

Приоритеты России в рамках РГОС включают 3 направления: создание реестра контактных пунктов [15], продвижение концепции Конвенции по международной информационной безопасности [16] (и в долгосрочной перспективе – выработка проекта Конвенции), принятие решения относительно будущего регулярного институционального диалога [10]. Коспонсорами данных документов выступили республика Беларусь и Никарагуа.

Реестр контактных пунктов – мера доверия №1

Инициативу по формированию реестра контактных пунктов Россия официально представила в РГОС в 2023 году, в рамках четвертой субстантивной сессии Группы. Реализация данной меры укрепления доверия будет обеспечивать согласованное реагирование на киберинциденты. Речь идет о создании под эгидой ООН межправительственной базы данных Групп реагирования на компьютерные инциденты (CERTs и CSIRTs), т.е. контактных пунктов на дипломатическом и техническом уровнях из числа уполномоченных органов на основе добровольного взаимодействия государств [15]. При этом за каждым государством будет закреплена зона ответственности.

Важно подчеркнуть, что на текущий момент не у всех государств существуют подобные контактные пункты. В рамках мер по наращиванию потенциала будет предусмотрена возможность формирования таких механизмов путем обмена опытом и сотрудничества в области подготовки профильных специалистов в развивающихся странах, с учетом запроса от соответствующих правительств. Это позволит гарантировать равноправное участие государств в международном взаимодействии по реагированию на инциденты с использованием ИКТ, а также снижение напряженности и угрозы эскалации конфликта из-за ошибочного понимания компьютерного инцидента.

Существование реестра контактных пунктов облегчит установление прямого диалога между государствами по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ. Будет налажена оперативная связь между соответствующими уполномоченными органами.

Вместо политической атрибуции, основанной на бездоказательных, необоснованных обвинениях в адрес отдельных государств, ключевым элементом реагирования на компьютерные инциденты станет прагматичное взаимодействие между государствами.

Концепция Конвенции по международной информационной безопасности

В ходе четвертой субстантивной сессии РГОС Россия представила концепцию Конвенции по международной информационной безопасности – стратегический документ, который определяет параметры будущего проекта Конвенции. В документе акцент делается на проблеме обеспечения информационной безопасности между государствами. Проблематика кибертерроризма и информационной преступности является предметом другого документа – проекта всеобъемлющей Конвенции о противодействии информационной преступности, выдвинутого Россией и обсуждаемого в рамках Специального комитета экспертов под эгидой ООН [9].

Основными целями Конвенции должны стать предотвращение и урегулирование конфликтов между государствами в глобальном информационном пространстве, укрепление доверия, содействие наращиванию потенциала. Направления межгосударственного сотрудничества сгруппированы по трем ключевым целям.

При выработке перечня угроз упор делался на достижения предыдущих групп – РГОС (резюме председателя 2021, промежуточный доклад 2022), ГПЭ (итоговые доклады 2015 и 2021), а также вклады отдельных государств (Ирана, Китая) и объединений (Движения неприсоединения) в РГОС, «Правила поведения» ШОС [16]. В частности, обозначены такие угрозы, как использование государствами ИКТ в военно-политических и иных сферах в целях подрыва (ущемления) суверенитета, нарушения территориальной целостности, общественной и экономической стабильности суверенных государств, вмешательства в их внутренние дела, а также осуществления в глобальном информационном пространстве иных действий, препятствующих поддержанию международного мира и безопасности. В качестве угрозы рассматриваются атаки на госресурсы и критическую информационную инфраструктуру.

Обращает особое внимание выделение в качестве угрозы использования информационных ресурсов под юрисдикцией другого государства без согласования с компетентными органами этого государства. Фактически это означает недопущение вмешательства во внутренние дела, которое позволяет осуществлять реализация ст. 32 Конвенции Совета Европы о компьютерных преступлениях от 2021 года [8].

Угрозу представляет монополизация отдельными государствами рынка ИКТ, усиление цифрового неравенства, технологической зависимости развивающихся стран от доминирующих в сфере информатизации государств. Такой подход России означает неприятие западной политики обусловленности в области наращивания потенциала – предоставление технологической помощи в обмен на суверенитет государств-реципиентов.

Другая угроза связана с выдвижением необоснованных обвинений в использовании ИКТ в противоправных целях. Проблема атрибуции усугубляется невозможностью точной идентификации источников кибератак. Ключевым инструментом противодействия данной угрозы является создание реестра контактных пунктов, о котором упоминалось выше.

В эпоху гибридных войн и прямых вооруженных столкновений обостряется проблема размещения в информационном пространстве государств в свободном доступе инструментов проведения компьютерных атак, инструкций по методам их организации и выработке практических навыков применения таких инструментов, координации соответствующих действий по проведению компьютерных атак. Борьба с данной угрозой должна быть направлена на недопущение развития наступательной киберинфраструктуры НАТО (в том числе центров информационно-психологических операций).

В данном контексте актуализируется угроза распространения при помощи ИКТ информации, подрывающей общественно-политические, социально-экономические, духовные, нравственные и культурные устои, наносящей вред жизни и безопасности граждан. Распространение фейков и кампании дезинформации приводят к созданию неполной, необъективной и недостоверной информации о подходах и инициативах России по различным международным вопросам.

Угрозой становится использование государствами своей информационной инфраструктуры для совершения международно-противоправных деяний, в том числе через посредников из числа негосударственных субъектов. Угрозу представляет нарушение основных прав и свобод человека в информационном пространстве.

Как отдельная угроза выделяется проблема уязвимостей (включение недекларируемых возможностей и сокрытие информации об уязвимостях).

Примечательно, что помимо выработки и принятия самой Конвенции предполагается согласование и создание под эгидой ООН механизма контроля

за ее выполнением. Так, подчеркивается, что опираться подобный механизм должен на основополагающие принципы Устава ООН, прежде всего суверенное равенство государств. На практике можно было бы заимствовать опыт проведения обзорных конференций или учреждение постоянно действующего органа с участием стран-подписантов.

Регулярный институциональный диалог

Вопрос об организации регулярного институционального диалога по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ входит в мандат РГОС с момента учреждения группы в 2018 году.

Особую актуальность дискуссия вокруг данной тематики приобрела в связи с выдвижением Францией и Египтом Программы действий по поощрению ответственного поведения государств при использовании ИКТ в контексте международной безопасности [27]. Документ предусматривает учреждение нового постоянно действующего механизма взамен существующей РГОС. На новой площадке будут обсуждаться правила ответственного поведения добровольного характера, не предполагается адаптация международного права с учетом специфики ИКТ.

Учреждение нового переговорного механизма в рамках Программы действий позволит повысить статус участия других заинтересованных сторон (гражданского общества, частного сектора, научных кругов и технического сообщества), уравнив их в правах с государствами. Такой подход противоречит позиции России и ее союзников. Согласно их подходам ответственность за поддержание международного мира и безопасности несут исключительно государства.

Благодаря дипломатическим усилиям Российской Федерации удалось закрепить решение, согласно которому вопрос о будущем формате (постоянном органе), предусмотренном Программой действий, будет приниматься только на основе консенсуса в рамках РГОС, а начать функционировать новая площадка сможет после окончания мандата Группы в

2025 году [22]. За РГОС сохраняются прерогативы по рассмотрению национальных инициатив в области безопасности ИКТ.

В проекте инициативы России по формированию будущего регулярного институционального диалога (органа) подчеркивается, что переговорный механизм должен действовать под эгидой ООН на основе принципов Устава ООН, прежде всего суверенного равенства государств, неприменения силы и угрозы силой, мирного разрешения международных споров [10]. Решения могут приниматься только в случае единогласной поддержки со стороны государств.

Не допускается создание альтернативных площадок, которые дублировали бы функции основного профильного органа. Отмечается необходимость соблюдения принципа преемственности в отношении рекомендаций и наработок ГПЭ и РГОС. При этом мандат будущего института должен носить практико-ориентированный характер, содействовать практической реализации ранее согласованных правил, норм и принципов ответственного поведения, мер укрепления доверия и наращивания потенциала в области повышения возможностей защиты национальных информационных ресурсов.

Помимо государств, новый орган должен быть ориентирован на взаимодействие с региональными организациями и объединениями, а также неправительственными организациями, деловыми кругами и научно-академическим сообществом. Формой участия данных субъектов будут неформальные консультации либо участие в статусе наблюдателя на официальных встречах государств (только для аккредитованных субъектов).

Заключение

Таким образом, отсутствие конструктивного диалога повышает риск конфронтации, способной перейти из онлайн-пространства в физическую среду. Показательно, что на этом фоне большинство государств поддерживают предметные переговоры по различным аспектам международной информационной безопасности. Магистральной площадкой

для дискуссии вопросов безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ остается Рабочая группа открытого состава – «Кибергенассамблея» ООН.

Внешнеполитические инициативы России в области международной информационной безопасности ориентированы на стимулирование мирного использования ИКТ и обеспечение равноправного участия государств в поиске ответов на глобальные вызовы в информационном пространстве. Первостепенная задача глобальной дипломатии в условиях политической турбулентности заключается в повышении уровня предсказуемости и степени доверия между государствами в ИКТ-среде с целью недопущения непреднамеренной эскалации киберконфликта.

Список источников и литературы

1. Алборова М.Б. Бирюков А.В Социально-гуманитарные риски информационного общества и международная информационная безопасность. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – Текст: непосредственный – 100 с.
2. Аничкина Т.Б. О некоторых приемах информационной войны США. // США-Канада: экономика, политика, культура. - 2007. №7. – Текст: непосредственный - С. 123-127
3. Бедрицкий А.В. «Информационное доминирование» США и асимметричное информационное противоборство // США – Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 2. – Текст: непосредственный – М. 91-102.
4. Болгов Р.В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях (политические аспекты). Дис. канд. полит.наук. - СПб.: СПбГУ, 2010. – Текст: непосредственный – 182 с.
5. Евстафьев Д. Г., Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции как базис гибридных войн нового поколения // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). – Текст: непосредственный.

6. Зиновьева Е.С. Международная информационная безопасность. Проблемы многостороннего и двустороннего сотрудничества — М.: МГИМО-Университет, 2021. — Текст: непосредственный — 280 с.
7. Зинченко А.В. Архитектоника международной информационной безопасности — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. — Текст: непосредственный — 160 с.
8. Конвенция о компьютерных преступлениях: принята государствами-членами Совета Европы 23 ноября 2001 г., Будапешт // Совет Европы: серия европейских договоров № 185. — Текст: электронный — URL: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 03.05.2021).
9. Конвенция ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // Проект РФ от 29.06.2021 — URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Comments/RF_28_July_2021_-_R.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
10. Концептуальный документ Российской Федерации по организации под эгидой Организации Объединенных Наций регулярного институционального диалога с участием всех государств-членов ООН по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ // Проект РФ от 10.03.2023 — URL: https://docs-library.unoda.org/Opened_Working_Group_on_Information_and_Communication_Technologies_-_2021/RUS_Regular_institutional_dialogue_Proposal_of_the_Russian_Federation.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
11. Крутских А.В, Стрельцов А.А. Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности / // Журнал «Международная жизнь». — 2014. № 11. — Текст: непосредственный — С. 20-34.
12. Крутских А.В. Мирная киберстратегия России // Внешнеэкономические связи. Вып. 39. 2021. — Текст: непосредственный — с. 10-15.

13. Крутских А.В. Новые горизонты российской кибердипломатии // А. Крутских, В. Филаткина. Журнал «Международная жизнь». Выпуск 12. Декабрь 2020. – Текст: непосредственный – с. 10-21.
14. Манойло А.В. Объекты и субъекты информационного противоборства // Пси фактор. - 2003. – Текст: электронный -URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 05.05.2021).
15. Мера укрепления доверия № 1 о формировании глобального межправительственного реестра контактных пунктов // Проект РФ от 10.03.2023 – URL: [https://docs-library.unoda.org/Opened_Working_Group_on_Information_and_Communication_Technologies_-__\(2021\)/RUS_CBM1_on_PoCs_Directory_Proposal_of_the_Russian_Federation.pdf](https://docs-library.unoda.org/Opened_Working_Group_on_Information_and_Communication_Technologies_-__(2021)/RUS_CBM1_on_PoCs_Directory_Proposal_of_the_Russian_Federation.pdf) (дата обращения: 15.03.2023).
16. Обновленная Концепция Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности // Проект РФ от 07.03.2023 – URL: [https://docs-library.unoda.org/Opened_Working_Group_on_Information_and_Communication_Technologies_-__\(2021\)/RUS_Concept_of_UN_Convention_on_International_Information_Security_Proposal_of_the_Russian_Federation_0.pdf](https://docs-library.unoda.org/Opened_Working_Group_on_Information_and_Communication_Technologies_-__(2021)/RUS_Concept_of_UN_Convention_on_International_Information_Security_Proposal_of_the_Russian_Federation_0.pdf) (дата обращения: 15.03.2023).
17. Подберезкин А.И. Информационно-когнитивные институты - средство современного противоборства / О.В. Боброва, А.И. Подберезкин // Обозреватель. № 11(382). 2021. – Текст: непосредственный – С. 5-25.
18. Смирнов А.И. Арктика в новой международной среде: проблема инфогенных угроз // Россия и США в XXI веке. Особенности отношений / под ред. Шаклеиной Т.А. -М. «Аспект Пресс», 2020. - 352 с.
19. Трофимов В.Н. Применимость международного права к киберпространству: иллюзия или реальность? / М.: Юстицинформ, 2021. – Текст: непосредственный – 182 с.
20. Туронок С.Г. Информационно-коммуникативная революция и новый спектр военно-политических конфликтов // Политические исследования. 2003. № 1. – Текст: непосредственный - С. 24-38.

21. Формирование международного режима в области информационной безопасности // С.В. Шитьков, Т.А Полякова, А.А. Смирнов // Вестник МГИМО. 2022 – с. 1-21.
22. Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security : draft resolution, 2022 // ООН: цифровая библиотека – Текст: электронный – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3991019> (дата обращения: 08.11.2022).
23. Kriangsak Kittichaisaree. Public International Law of Cyberspace // Springer International Publishing Switzerland, 2017. – Текст: непосредственный – 376 p.
24. Li Z., Tang R. Multi-stakeholder Model: Path to Build Global Internet Governance System // Media Observer. 2020. Vol. 444, no. 12. – Текст: непосредственный – P. 21–28.
25. Libicki M. Expectations of cyber deterrence // Strategic Studies Quarterly. 2018. № 4. – Текст: непосредственный –P. 44 – 57
26. Molander R. Strategic Information Warfare: A New Face of War / R. Molander, A. Riddile, P. Wilson. - CA: Rand Corporation, 1996. – Текст: непосредственный – 115 p.
27. Programme of action to advance responsible State behaviour in the use of information and communications technologies in the context of international security : draft resolution, 2022 // ООН: цифровая библиотека – Текст: электронный – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3991743> (дата обращения: 08.11.2022).
28. Roberts Adam. The Laws of War: Problems of Implementation in Contemporary Conflicts // Duke J. Comp. & IL 6 (1995): 11, 14. – Текст: непосредственный.
29. Routledge Handbook of International Cybersecurity / Editors: Eneken Tikki, Mika Kerttunen. Routledge. 1st Edition. 2020. – Текст: непосредственный – 416 p.

30. Szafranski R. A Theory of Information Warfare: Preparing for 2020 // *Airpower Journal*. 1995. №1 – Текст: непосредственный – 14 p.
31. The Tallinn Manual // CCDCOE, Cambridge University Press, 2nd Edition. 2017 – Текст: непосредственный – 570 p.
32. Wang Z. The new dynamics of global cyberspace rule-making under the UN dual-track system // *China Information Security*. 2020. Vol. 20, no. 1. – Текст: непосредственный – P. 40–43.

Крайнов Стефан Кирилович,
магистрант факультета политологии,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
kraynovsk@my.msu.ru

Кашин Егор Алексеевич,
магистрант факультета политологии,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
e.a.kashin@mail.ru

Krainov Stefan Kirilovich,
master of the Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
kraynovsk@my.msu.ru

Kashin Egor Alekseevich,
master of the Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
e.a.kashin@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В 2020 ГОДУ В БОЛГАРИИ

APPLICATION OF INFORMATION WARFARE TECHNOLOGIES IN 2020 IN BULGARIA

Аннотация: в статье рассматривается применение технологий информационных войн на примере событий, произошедших в Болгарии в 2020 году. В качестве базовой методологии выступает дискурс-анализ, предполагающий выявление и сравнительный анализ данных социологических институтов. Рассмотрены попытка смены режима и изменения курса управления государством, а также действия защиты от данной атаки бывшего премьер-министра Бойко Борисова и всей его партии ГЕРБ. В выводах обозначено, к какому результату данная информационная операция может привести, чего стоит избегать при попытках противостоять такой атаке.

Ключевые слова: «Панамское досье», схемы ведения информационных войн, цветные революции, международные отношения, информационные войны, ГЕРБ, Бойко Борисов, Болгария, ВМРО.

Annotation: the article discusses the use of information warfare technologies on the example of events that occurred in Bulgaria in 2020. The basic methodological optics is discourse analysis, which involves the identification and comparative analysis of data from sociological institutions. The article considers an attempt to change the regime and change the course of government, as well as actions to protect former Prime Minister Boyko Borisov and his entire GERB party from this attack. The conclusions indicate what result this information operation can lead to, what should be avoided when trying to resist such an attack.

Keywords: “Panama Paper”, information warfare schemes, color revolutions, international relations, information warriors, GERB, Boyko Borisov, Bulgaria, VMRO.

Введение в теорию информационных войн

Для анализа кейсов нужно ввести теоретические основы темы информационных войн. Информационная война – это вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия. Информационная война состоит из последовательности информационных операций, объединенных единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия.

Информационные операции – это оперативные комбинации на каналах ОТКС (открытых телекоммуникационных сетей). В свою очередь, структурно информационные операции представляют собой последовательность информационных вбросов, разделенных периодами тишины (экспозиции) [2].

Информационные операции и атаки, столь распространенные сегодня, еще 5–6 лет назад присутствовали исключительно в деятельности спецслужб и были элементами оперативных игр, разыгрываемых разведками в стиле шахматных партий. Ситуативность складывания сценария самих оперативных игр и преследуемые ими сугубо тактические цели, вызванные желанием чем-нибудь «зацепить» противника или на чем-нибудь его подловить, не давали

возможности выйти информационным операциям на оперативный простор. В этом контексте сам термин «информационная война» на протяжении многих десятилетий не воспринимался серьезно: его считали ловкой находкой «газетчиков», пытающихся таким путем поднять тираж своих изданий [2]. Сами же информационные операции в тот период (предшествующий их технологической «революции» в 2014 году) уже начинают складываться как самостоятельный вид деятельности, но в их планировании продолжает преобладать ремесленный подход:

- 1) каждая операция разрабатывается индивидуально, как уникальный образец;
- 2) под нее подбирается такая же уникальная (заточенная под конкретные особенности определенной оперативной обстановки) схема организации, не похожая ни на одну из предыдущих.

В этом плане прежние подходы к ведению информационных войн, отличающиеся высокой избирательностью, не годились. В 2014 году США остро нуждались именно в массовом проведении информационных операций, следовавших одна за другой так, как будто все их произвели на одном и том же конвейере. Это привело в США к переводу процессов планирования, организации и проведения информационных операций на промышленные рельсы, став в сфере информационных войн своего рода «промышленной революцией». Промышленный подход, в свою очередь, способствовал унификации и стандартизации организационно технологических схем информационных операций, которые в итоге дали одну универсальную базовую схему, появившуюся у американских спецслужб предположительно к лету 2015 года.

С этого момента все информационные операции спецслужб США становятся репликой с «Панамского досье», т.е. исполняются по одному и тому же, многократно повторяющемуся шаблону. Новые технологические решения, выработанные США в сфере ведения информационных войн, не только дали возможность повысить частоту проведения самих операций (т.е.

поставить их производство на конвейер), но и позволили испытывать на этой платформе различные оперативные сценарии и сюжеты, сделавшие современные информационные операции похожими на телевизионные сериалы.

Цель информационной войны – военное поражение противника. Оно может достигаться 2 основными способами:

- 1) путем физического уничтожения;
- 2) путем добровольного подчинения (достигается путем применения технологий скрытого управления сознанием и подсознанием человека).

Главные задачи информационной войны состоят в том, чтобы сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле, а также разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти.

Информация имеет психологическое и ментальное воздействие на население. Его появление связывают с деятельностью американских военных специалистов. Так, Ф.Г. Хоффман одним из первых обобщил сведения об изменениях, произошедших в области ведения конфликтов, и оформил «концепцию гибридной войны», дав определение новому типу конфликтов: «Гибридные угрозы вбирают в себя ряд различных методов ведения войны, включая стандартное вооружение, нерегулярные тактики и формирования, террористические акты (в том числе насилие и принуждение) и беспорядки. Эти мультимодальные действия могут проводиться отдельными подразделениями или одним и тем же подразделением, но, как правило, оперативно и тактически направляются и координируются в рамках единого процесса ведения боевых действий для достижения синергетического эффекта» [4].

Информационная операция в Болгарии в 2020 году

В данной статье рассмотрен кейс информационной атаки на премьер-министра Болгарии Бойко Борисова и его партию [3]. Начало атаки было спровоцировано внутренними междоусобицами, которые должны были быть решены через внешние факторы. Начать стоит с анализа ситуации с 9 января 2020 года.

В начале 2020 года вступил в должность новый главный прокурор страны Иван Гешев [9]. Сразу после вступления в должность он объявил о начале борьбы с олигархами и «бандитской приватизацией». В конце января были выдвинуты обвинения в убийстве (19 заказных), краже антиквариата, коррупции, невыплате налогов (250 млн евро) самому крупному лотерейному олигарху Василу Божкову, одному из последних живых миллиардеров ранних 90-х гг. После этого начались первые попытки атаки на правительство и лично Бойко Борисова. В это время, в апреле–мае 2020 года, Борисов отказался комментировать данные карикатуры [7]. Он ссылаясь на тот факт, что ему не надо отвечать на выдумки обвиняемых, тем самым легитимируя обвинения против себя. Из этого следует вывод, что Борисов пытался отвести внимание от своей личности, оставаясь незапятнанным в лице избирателей. Это можно назвать хорошим примером эффекта бумеранга, когда из обвиняемого становишься обвинителем. Важно отметить, что личная война Борисова с президентом Руменом Радевым еще не дошла до своего пика и пока выражалась в позиции президента, состоявшей в том, что правительство – мафия, которая паразитирует на всем государстве. Можно предположить, что выжидался момент для начала активных действий. Их личные рейтинги сблизились, хотя у Радева был только первый мандат и незапятнанная репутация. Вероятно, результаты исследований должны были успокоить «жертву», заставить чувствовать, что она контролирует положение [12].

12 июня 2020 года в Интернете широко распространилась аудиозапись, отправленная с неизвестной почты. На ней слышен голос, который напоминал голос премьера Борисова и в котором звучали вульгарные обвинения в адрес председателя Народного собрания (парламента) Ц. Караянчевой, европейских

лидеров и личностные нападки. В схеме информационной операции США это называется «контролируемая утечка» [6]. Средствами легитимации вброса стали СМИ и получение письма из неизвестного источника. Предмет атаки уже захвачен, ожидается реакция и последующая новая атака, которая бы обесценила аргументы против утечки. Реакция была незамедлительной и сразу же оправдательной. В тот же день на странице в социальных сетях пресс-служба премьер-министра распространила видео, на котором на известную песню наложили слова из интервью премьера, тем самым намекая, что записи сфальсифицированы и не имеют ничего общего с действительностью [11].

Через несколько дней, 17 июня, выходит главный компромат, фотографии из спальни премьер-министра, где он спит, а в его ночном шкафу лежат пистолет, золото, банкноты евро [10]. Скорее всего, очень небольшое количество людей предположило бы, что это является компроматом. Так, Борисов, сильно взволнованный фотографиями и общественным недовольством, собрал всю парламентскую группу ГЕРБ, в эфире обнял и поцеловал Караянчеву, тем самым пытаясь снять обвинения в истинности аудиозаписи, оправдываясь, что никогда бы не произнес оскорбления в ее адрес [6]. В своем обращении он также обвинил президента в том, что тот следит за ним с помощью дрона, а также олигарха Божкова в том, что он профинансировал изготовление аудиозаписи и фотографий, которые вредят ему репутации и ставят в неудобное положение.

Данная реакция на обвинения является «неправильной», согласно теориям А.В. Манойло [2], так как «жертва» начинает оправдываться перед всеми, тем самым подтверждает обвинения в свой адрес. Это наносит дополнительные репутационные поражения и заставляет пойти на уступки перед создателями компромата. Тем самым нужный эффект был частично достигнут.

Результатом всей операции стали протесты с лозунгами свергнуть власть «диктатора Борисова» и приходом новых людей к власти. В тот период устоять правительству помогла сложная эпидемиологическая обстановка,

которая позволила после более чем 100-дневных протестов временно закрыть людей дома [8]. Только так ГЕРБ удержала власть до выборов 2021 года и даже победила на них. Но Б. Борисову был причинен моральный вред, и цель информационной операции была достигнута: Бойко Борисов привел в команду новых людей, а именно Даниэля Митова, который участвовал в американской программе «Немецкий фонд Маршалла» (German Marshall Fund) и «Программе приглашения будущих лидеров» (Programme des personnalités d'avenir) [1]. В связи с этим данный кейс стоит отметить как успешный. В феврале 2023 года был применен второй метод – санкционный «список Магнитского». Это перечень лиц, согласно позиции его составителей, ответственных за содержание под стражей, жестокое обращение и смерть аудитора Сергея Магнитского, другие грубые нарушения прав человека в Российской Федерации и серию крупных хищений денежных средств из российского бюджета под видом возврата налогов, раскрытых группой юристов и аудиторов, включающих Магнитского. Однако Соединенные Штаты Америки используют данный список для давления на неудобных политиков. Таким примером может служить носитель ордена Дружбы Николай Малинов, попавший в список и никогда не стоявший у власти. Как отметил публицист, председатель Центра либеральных стратегий в Софии, постоянный научный сотрудник IWM (Института гуманитарных наук) в Вене Иван Крыстев в интервью с составителем списка Джимом О'Брайеном: «Раньше Джим занимался освобождением заложников, теперь он в бизнесе взятия заложников» [5].

Заключение

Можно сделать вывод, что проведенная информационная операция успешно завершена. Защищаемая сторона не смогла адекватно отработать оперативную деятельность внешних акторов по дискредитации власти. Поставленные цели подчинения правительства Болгарии и лично Бойко Борисова выполнены успешно. Согласно методологии А.В. Манойло, были реализованы все пункты информационной атаки.

Во время исследования Болгария столкнулась с растущим влиянием и использованием технологий информационной войны. Эти технологии, включая дезинформацию, манипулирование и распространение фейковых новостей, активно использовались для достижения политических целей.

Исследование показало, что использование информационных войн стало частью стратегии некоторых акторов (государств) с целью влияния на общественное мнение, формирования определенных политических предпочтений и создания социальных конфликтов.

Для борьбы с подобными технологиями информационных войн необходимо принимать меры на разных уровнях. Государственные органы должны разработать эффективные стратегии, направленные на предотвращение манипулирования информацией. Кроме того, важно обучать и информировать граждан о методах и признаках дезинформации, чтобы они могли анализировать информацию и принимать обоснованные решения.

Исследование по применению технологий информационной войны в Болгарии в 2020 году является важным вкладом в понимание этого современного явления и может послужить основой для разработки эффективных мер по борьбе с манипулированием информацией в будущем.

Список источников и литературы

1. Кандель П.Е. Парламентские выборы в Болгарии / П. Е. Кандель // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 2(20). С. 71-77.
2. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. Москва: Горячая линия-Телеком, 2018. 496 с.
3. Мукова Л.А. Проблемы коррупции и гражданского общества в Болгарии / Л. А. Мукова // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Т. 1, № 9. С. 48-55.
4. Hoffman F.G. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 с.

5. Krastev I., Glenny M., O'Brien J., The Role of Sanctions in US Foreign Policy. IWM Library, VIENNA. 2023. URL: <https://www.iwm.at/event/the-role-of-sanctions-in-us-foreign-policy> (дата обращения: 02.05.2023).

6. «Политически зоопарк»: Поредната цветна порция «личен живот» на премиера, («Political Zoo»: Another colorful portion of the prime minister's «personal life»/ «Политический зоопарк»: еще одна красочная часть «личной жизни» премьера.). URL: https://www.actualno.com/politics/politicheski-zoopark-porednata-cvetna-porcija-lichen-jivot-na-premiera-news_1473015.html (дата обращения: 02.05.2023).

7. Борисов за последните «разкрития» на Божков: Не влизам в обяснителен режим с обвиняеми (Borisov on Bozhkov's latest «revelations»: I do not enter into explanatory mode with the accused/ Борисов о последних «разоблачениях» Божкова: в объяснительный режим с обвиняемым не вступаю). URL: <https://novini.bg/bylgariya/politika/601585> (дата обращения: 02.05.2023).

8. Борисов с признание: Не искам да съм разединител, мога и да си тръгна (Borisov with a confession: I don't want to be a divider, I can leave/ Борисов с признанием: Не хочу быть разделителем, могу уйти). URL: <https://novini.bg/bylgariya/politika/612206> (дата обращения: 02.05.2023).

9. Иван Гешев встъпи в длъжност като нов главен прокурор (Ivan Geshev took office as the new chief prosecutor/ Иван Гешев вступил в должность нового главного прокурора). URL: <https://bntnews.bg/bg/a/ivan-geshev-vstri-v-dlzhnost-kato-nov-glaven-prokuror> (дата обращения: 02.05.2023).

10. Изтече нов запис, за който се твърди, че е с гласа на Борисов (A new recording allegedly featuring Borisov's voice has leaked/ В сеть просочилась новая запись якобы с голосом Борисова). URL: <https://top-novini.bg/novini/864934-izteche-nov-zapis-za-koyto-se-tvardi-che-e-s-glasa-na-borisov-audio> (дата обращения: 02.05.2023).

11. Фейсбук «гръмна» след брифинга на Борисов, (Facebook exploded after Borisov's briefing/ Facebook «взорвался» после брифинга Борисова). URL:

<https://frognews.bg/obshtestvo/naroden-glas/feisbuk-otnovo-izrigna-komentari-sled-brifinga-borisov.html> (дата обращения: 02.05.2023).

12. Ще има ли реален претендент за властта на Борисов и ГЕРБ? (Will there be a real contender for the power of Borisov and GERB?/ Есть ли реальный претендент на власть Борисова и ГЕРБ?). URL: <https://novini.bg/bylgariya/politika/601339> (дата обращения: 02.05.2023).

Зогранян Евгений Владленович,
аспирант,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
zogranuane@mail.ru

Eugene V. Zogranyan,
Ph.D. student,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
zogranuane@mail.ru

**УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА
ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

**THREATS AND CHALLENGES ASSOCIATED WITH THE USE OF
GENERATIVE LANGUAGE MODELS AS A TOOL
OF POLITICAL IMPACT**

Аннотация: недобросовестное использование ИИ в политических целях приводит к возникновению ряда новых угроз для стабильности Российской Федерации. Сложность разработки нормативно-правовых ограничений как внутри государств, так и на международном уровне, позволяет предположить дальнейшее развитие методов и инструментов политической манипуляции, пропаганды и организации протестной деятельности при помощи ИКТ. Статья посвящена новым методам использования ИИ в качестве инструмента политического воздействия.

Ключевые слова: цифровая платформа, ИКТ, ИИ, генеративные модели, сетевые политические общности, информационное пространство.

Abstract: the malicious use of AI for political purposes leads to a number of new threats to the stability of the Russian Federation. The complexity of developing regulatory and legal restrictions both within states and at the international level suggests the further development of methods and tools for political manipulation,

propaganda and organising protest activities using ICT. The article is devoted to new methods of using AI as a tool of political influence.

Keywords: digital platform, ICT, AI, generative models, network political communities, information space.

Причинами появления данной статьи служат два фактора – события, происходившие начиная с 10 августа 2020 года в Республике Беларусь, и развитие ИИ и генеративных языковых моделей сегодня. В первом случае речь идет о массовых протестах в РБ, проходивших с 10 августа 2020 года. При этом важно отметить, что в определенной форме остаточное действие протестной активности 2020 года в Республике Беларусь можно наблюдать и сегодня. Мы стали свидетелями применения институционально новых информационных технологий в политической сфере, процесс создания которых насчитывает более 30 лет. Концептуально события в РБ имеют много схожего с событиями, происходившими, например, в Украине в 2014 году, однако сам инструментарий политической активности претерпел значительные изменения. Если в Украине 2014 года создавались физические скопления людей, общности с сетевой структурой и свойствами, характерными для сетевой структуры, то на сегодняшний день такая технология уже устарела. Позиционный протест имеет ряд недостатков: возможность физического подавления и разгона, дальнейшее опознание участников, обнаружение координаторов и т.д.

Востребованность цифровой платформы Telegram в Беларуси при формировании так называемых сетевых политических общностей [3], таких как «Взаимопомощь РБ», «Хартия-97», «Беларусь головного мозга», «NEXTA», «NEXTA Live», «Революционное действие», «Мая країна Беларусь» и «Усы Лукашенко», заключается в его технической специфике, а именно возможности выстраивания каналов коммуникации без ограничений

по количеству участников и скорости передачи информации, при этом с возможностью сбора ответной реакции большого количества пользователей.

Стоит отметить, что в 2020 году мы видели попытку осуществления классического государственного переворота с «мирными» протестами, девушками в белых платьях на фоне вооруженных шеренг правоохранительных органов и якобы ужасным режимом «последнего диктатора Европы». Однако необходимо отметить одну немаловажную деталь, которая определила форму проведения и координации протестной деятельности, – уровень развития ИКТ.

В Украине 2014 года уровень ИКТ не позволял институционально организовывать протестную деятельность так, как это можно было сделать в 2020 году или сегодня. Именно благодаря доступности информационного пространства Интернета, в частности Рунета, становится возможным кардинально менять политический и социальный порядок. При этом влияние зачастую оказывается различными международными акторами, а не отдельно взятой оппозицией, как, например, это было в Республике Беларусь.

Основываясь на статистических данных [9], можно заметить, что цифровая платформа Telegram в 2020 году показала прирост в показателях среднего возраста пользователя, показатель времени, проведенного среднестатистическим пользователем в Интернете, также возрос [5]. Иными словами, можно говорить не только о количественном, но и качественном росте интеграции ИКТ в повседневную жизнь граждан. Логичным является и перенос гражданами своих потребностей и запросов в информационное пространство, в том числе и социальной напряженности. По сути внутри информационного пространства создается копия «внешнего» мира с умысленным или неумысленным копированием моделей поведения [7].

Таким образом, информационное пространство стало прекрасной средой для реализации политических задач различного характера. Ряд когнитивных искажений пользователей, эмоциональная вовлеченность, видимость безнаказанности для нарушителей, частичное нормативно-правовое

регулирование и низкие издержки делают данное направление наиболее привлекательным с точки зрения недобросовестного использования ИКТ в политических целях.

Говоря о втором факторе, которому стоит уделить внимание при рассмотрении вопроса недобросовестного использования ИИ и генеративных языковых моделей в качестве инструмента политического воздействия, важно отметить ту роль, которую начинает играть искусственный интеллект в политической сфере сегодня. В течение последних лет системы искусственного интеллекта значительно усовершенствовались, вместе с чем возросла и вариативность их применения. Использование ИИ в качестве вспомогательного инструмента оказания политического воздействия, в частности в рамках цифровых платформ социальных сетей, достаточно успешно применяется по всему миру и зачастую с целью недобросовестного влияния на информационное пространство [4; 2]. Однако, с точки зрения автора данной статьи, одним из наиболее интересных и перспективных направлений использования ИИ является автоматизированное создание контента.

Уже сегодня можно рассматривать реальность угрозы применения генеративных языковых моделей для распространения политической пропаганды [8]. Искусственная генерация большого количества контента политического содержания и дальнейшее его использование в политических целях открывает ряд новых инструментов политического воздействия, включая широкомасштабные кампании влияния третьих лиц с целью дестабилизации, когнитивного воздействия или организации протестной деятельности.

Использование ИИ в политических целях, в том числе для образования и администрации вышеупомянутых сетевых политических общностей, а также воздействие на «повестку дня» [1] за счет создания больших объемов контента, представляет интерес в связи с низкой стоимостью данного метода воздействия и его универсальностью. Тем самым можно предположить, что

если не будут разработаны меры, которые на институциональном уровне сделают бесконтрольное применение ИИ в политических целях невозможным, то такого рода преимущества потенциально могут привести к увеличению как количества политических игроков, так и созданию новых тактик политического влияния. При этом развитие языковых моделей и ИИ с высокой долей вероятности продолжится, что сделает саму технологию доступной широкому кругу лиц. Увеличение мощности и доступность потенциально могут привести к неспособности большей части граждан отличать контент сгенерированный при помощи ИИ, что суммарно с равномерной распределенностью появления и объемами искусственно сгенерированного контента позволит более эффективно воздействовать на информационное пространство. Иными словами, мы можем говорить о возникновении своего рода «оружия массового когнитивного воздействия».

К вероятным вызовам ближайшего будущего можно отнести:

- создание массовых систем политической пропаганды, способных генерировать развернутую аргументацию;
- создание узкопрофильных языковых моделей для достижения конкретных политических целей, например для создания общего набора логических цепочек и мемов, персонифицированного контента, личного общения с целью влияния на мнение пользователей;
- использование ИИ в качестве «оружия массового когнитивного воздействия» в случае военных конфликтов;
- неравенство и заведомо проигрышное положение тех акторов, которые не захотят или не смогут использовать ИИ.

Использование ИИ для организации и координации протестной деятельности затрудняет процесс оценки достоверности источников информации, что позволяет использовать сфальсифицированный контент, созданный ИИ (например, созданные ИИ фото и видео, содержащие избиение мирных протестующих, женщин и т. д.), и за счет массовости ввода информации симулировать естественность процесса. Такого рода воздействие

потенциально способно комплексно подорвать доверие к государственным институтам или их представителям. При этом понижение уровня общественного доверия позволяет снизить вероятность отторжения информации и ответной совместной координации, что само по себе уже является достаточно приоритетным направлением работы. Снижение уровня общественного доверия позволит легитимизировать нарушение норм и институционального порядка.

Таким образом, можно предположить, что использование ИИ, генеративных языковых моделей и их будущих прототипов приведет к улучшению качества искусственно создаваемого контента, снизит издержки политического воздействия с использованием ИИ и, вероятно, спровоцирует качественный скачок в использовании информации, вводящей в заблуждение.

Однако еще одним вероятным сценарием использования ИИ в политических целях будет создание динамического контента с опорой на BigData, что позволит создавать более убедительный контент, основываясь на информацию о конкретном пользователе или группе пользователей. При этом становится возможным злоупотребление алгоритмами подбора релевантной информации, что суммарно позволит не просто создавать информационные эхо-камеры, но скорее приведет к автоматизированному распределению пользователей в уже созданные индивидуальные эхо-камеры [6]. Речь идет о создании скорее не единого информационного пространства, куда пользователь будет заходить и оставаться там, а об образовании сетевой структуры, состоящей из индивидуальных эхо-камер, где информационное пространство Интернета перестанет быть единым, а будет адаптироваться под каждого пользователя в отдельности на основе его предпочтений, ожиданий и истории его активности, что частично уже применяется. Также можно предположить сценарий, в котором отдельные профили пользователей внутри цифровой платформы будут отбираться на основе личных предпочтений, а из них путем объединения ряда языковых моделей с высокой долей вероятности можно будет создавать сетевые политические общности разной

направленности. Тем самым мы можем говорить о выходе применения цифровых технологий для достижения политических целей на качественно новый уровень.

В качестве вероятных мер по частичному нивелированию ряда угроз и вызовов, связанных с использованием ИИ как инструмента политического воздействия, можно выделить:

- разработку мер юридического регулирования вопроса применения ИИ для создания контента, в том числе и политического характера;
- разработку мер по идентификации ИИ (необходимо, чтобы каждый пользователь имел возможность определить, кто создал текст или контент);
- признание незаконным использование ИИ для имитации работы государственных институтов и органов власти;
- защиту «цифрового следа» граждан (например, запрет на сбор персональных данных граждан Российской Федерации для иноагентов и т. д.);
- разработку отечественных языковых моделей.

Заключение

Важно отметить, что тематика международной информационной безопасности все чаще выходит на первый план. Информационное пространство стало средой, в которой постоянно происходит столкновение интересов различных акторов, что говорит о необходимости разработки юридических норм и правил регулирования разного рода споров и разногласий. Помимо этого, как и в любом пространстве, государства и отдельные акторы должны придерживаться четких правил поведения, если же таких правил пока не существует, то необходима международная консолидация в направлении создания таких правил и норм. Нельзя не отметить, что в Российской Федерации предпринимаются шаги в направлении обеспечения международной информационной безопасности, однако на данном этапе невозможно полностью устранить весь перечень потенциальных

угроз и вызовов, что в очередной раз говорит о необходимости пристального и консолидированного изучения происходящих процессов.

Список источников и литературы

1. Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // /Полис. Политические исследования. — 2003. — № 3. — С. 109-119
2. Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. "Deepfakes: Перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2020. — № 4. — С. 379-386
3. Нестерчук О.А., Зогранян Е.В. Функционирование сетевых политических общностей в Telegram в современных условиях // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. 2020. С. 368-369.
4. The deepfake avatar of a presidential candidate revolutionizes the electoral campaign in South Korea - American Chronicles. - URL: <https://www.americanchronicles.news/the-deepfake-avatar-of-a-presidential-candidate-revolutionizes-the-electoral-campaign-in-south-korea/> (accessed: 25.06.2023).
5. Digital 2020: Global Digital Overview. - URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (accessed: 24.06.2023).
6. Garrett R. Echo chambers online?: politically motivated selective exposure among Internet news users. J Comput-Mediat Commun. 2009. 14(2). -P. 267–287.
7. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New York, Doubleday. 1961. - 386 p.
8. Goldstein J.A., Sastry G. The Coming Age of AI-Powered Propaganda How to Defend Against Supercharged Disinformation. - URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/coming-age-ai-powered-propaganda> (accessed: 25.06.2023).

9. Number of monthly active Telegram users worldwide from March 2014 to November 2022. - URL: <https://www.statista.com/statistics/234038/telegram-messenger-mau-users/> (accessed: 25.06.2023).

Карасев Павел Александрович,

с.н.с., к.полит.н.,

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова

Российской академии наук,

karpaul@iisi.msu.ru

Pavel A. Karasev,

Senior Researcher, Ph.D. (political science),

Primakov National Research Institute of World Economy

and International Relations,

Russian Academy of Sciences,

karpaul@iisi.msu.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ДЕГРАДАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR OF STRATEGIC STABILITY DEGRADATION

Аннотация: цифровая трансформация информационно-управляющих систем ядерного оружия является закономерным процессом. При этом остается неясным, как именно этот процесс оказывает влияние на стратегическую стабильность как состояние, при котором устраняются стимулы для нанесения первого ядерного удара. Военное применение систем искусственного интеллекта становится частью этого процесса и важным фактором влияния на стратегическую стабильность. Выявление основных векторов этого влияния – ключевой шаг на пути построения методологии оценки состояния стратегической стабильности в современных условиях.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, стратегическая стабильность, информационная безопасность, искусственный интеллект.

Abstract: the digital transformation of the information and control systems of nuclear weapons is a natural process. At the same time, it remains unclear exactly how this process affects strategic stability as an environment in which incentives for a first nuclear strike are eliminated. The military application of artificial intelligence is part of this process and is becoming an important factor influencing strategic

stability. The identification of the main vectors of this influence is a key step towards constructing a methodology for assessing the state of strategic stability in current conditions.

Key words: information and communication technologies, strategic stability, information security, artificial intelligence.

Сегодня системы управления и контроля ядерных сил России и США подвергаются цифровой трансформации. Происходит их замена или обновление ввиду устаревания, на вооружение поступают новые виды стратегических вооружений. Так, в одном из докладов Административно-бюджетного управления США отмечалось, что по состоянию на 2016 год средний возраст систем, используемых Министерством обороны, в том числе информационно-управляющих систем межконтинентальных баллистических ракет, составляет 53 года [4, p.3]. В Обзоре ядерной политики США 2022 года указано, что «Соединенные Штаты привержены модернизации своих ядерных сил, их систем управления и связи (NC3), производственной и вспомогательной инфраструктуры, а также поддержанию действующих систем во время их постепенной замены» [3, p.2]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года говорится о том, что в рамках обеспечения информационной безопасности одной из задач является «укрепление информационной безопасности Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, а также разработчиков и изготовителей вооружения, военной и специальной техники» [2, П.57-9].

Процесс цифровой трансформации систем управления и контроля ядерных сил и применения систем искусственного интеллекта (ИИ), с одной стороны, развивается вне существующего между Россией и США договорно-правового поля стратегической стабильности, а с другой – в отсутствие концептуального понимания, как именно и насколько сильно эти изменения могут повлиять на само состояние стратегической стабильности, при котором устраняются стимулы для нанесения первого ядерного удара [1].

Рост угроз информационной безопасности, системам управления и контроля ядерных сил и воздействие ИИ на стратегическую стабильность требуют скорейшего осмысления и проработки. В Обзоре ядерной политики США 2022 года назревающие проблемы сформулированы следующим образом: «Один из вызовов возникает ввиду развития неядерных возможностей, в том числе в киберпространстве, космосе, воздухе и под водой, которые, вероятно, создадут сложные и непредсказуемые векторы эскалации конфликта, особенно там, где отсутствуют коллективный опыт, общее понимание и установленные нормы поведения» [3, р.6].

Представляется, что ИИ как фактор деградации стратегической стабильности нужно рассматривать в двух аспектах. Первый аспект связан с тем, что системы ИИ – это по сути программно-аппаратные комплексы, которым присущи уязвимости. Второй – с новыми сценариями использования ИИ.

Общепризнанным фактом является то, что ни одна информационная сеть или система не может считаться в абсолютной степени надежной и безопасной. По мере усложнения информационных систем объективно возрастает риск наличия в них уязвимостей – программных или аппаратных изъянов, которые могут быть использованы для реализации различного рода угроз. Сети и системы военного назначения также не избавлены от уязвимостей. Например, согласно докладу Главного бюджетно-контрольного управления США 2018 года критические киберуязвимости были обнаружены в большинстве закупок вооружений и военной техники, которые проходили эксплуатационные испытания в период 2012–2017 гг.[см. 9].

Расширяющееся применение систем ИИ является набирающим все большую значимость фактором роста качественно новых уязвимостей – киберкогнитивных, то есть направленных на злонамеренное использование изъянов, имеющихся в алгоритмах работы ИИ. Можно осуществить подмену данных, используемых при обучении: «плохие» данные могут нарушить процесс обучения и даже заложить в работу системы «когнитивную закладку»

– нештатную реакцию на определенный набор входных данных. Не менее опасны и завербованные или специально внедренные агенты – инсайдеры, которые могут раскрыть особенности работы алгоритмов системы. Эксперименты продемонстрировали, как самые незначительные изменения в обрабатываемых данных способны радикальным образом повлиять на получаемый результат [см., например, 6; 7; 8]. Очевидно, что для обеспечения информационной и кибербезопасности систем ИИ существующих методов и средств защиты от «традиционных» киберугроз будет недостаточно. Еще только предстоит осмыслить возможности и параметры «оружия когнитивного воздействия», а также разработать методы и средства защиты от него. В отсутствие новых методов защиты использование ИИ в информационно-управляющих системах ядерного оружия будет способствовать значительному возрастанию рисков возникновения киберкогнитивных инцидентов и нарушению стратегической стабильности.

Возможность быстро обрабатывать большие объемы информации и делать значимые выводы и оценки считается одним из наиболее существенных практических преимуществ систем ИИ. Особенно важным это представляется на фоне сокращающегося времени принятия решений. Повышение ситуационной осведомленности о гипотетической атаке посредством интеграции ИИ в системы противоракетной обороны (ПРО) и более качественного анализа информации, поступающей от систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН), теоретически может способствовать укреплению стратегической стабильности, так как снизит шансы на преодоление ПРО и, соответственно, стимул к нанесению первого удара. С другой стороны, возможность находить и идентифицировать ранее неуязвимые цели подрывает стратегическую стабильность. Например, концепция «прозрачного океана» предполагает, что использование ИИ, как для анализа данных, так и в автономных роботизированных сенсорных платформах [5, p.11], позволит обнаруживать подводные лодки – носители

ядерного оружия. Повышение уязвимости одного из элементов ядерной триады создаст стимулы для нанесения первого удара.

Малоуязвимое автономное оружие способно непредсказуемо изменить распределение сил в системе отношений стратегической стабильности. Одновременно чрезмерная автономизация информационно-управляющих комплексов и отдельных видов вооружений создает угрозу непреднамеренного начала ядерной войны из-за технической ошибки или кибератаки. На данный момент ни одно государство не продемонстрировало на конкретных примерах, как именно технологии ИИ повысили эффективность информационно-управляющих систем ядерных сил. Кроме того, до сих пор нет осмысленной оценки, как и насколько существенно отдельные сценарии использования ИКТ, в частности ИИ, оказывают влияние на стратегическую стабильность.

Практические примеры военного использования ИИ для решения различных ранее недоступных задач указывают на необходимость концептуального и всеобъемлющего рассмотрения потенциальных позитивных и негативных эффектов его использования на стратегическую стабильность и включения их в рамки обсуждения возможных ограничительных мер доверия. С учетом тяжелейшего кризиса отношений между Россией и США перспективы у этого процесса не прослеживаются. Несмотря на имеющийся позитивный опыт двусторонних контактов, которые привели к принятию мер доверия во многих областях, в сфере информационной безопасности этого не произошло. При условии всеобщей заинтересованности выходом из тупика может стать обсуждение подобных мер на многосторонней основе, среди постоянных членов Совета Безопасности ООН. Первым шагом должна стать выработка и принятие одинакового понимания кибер- и киберкогнитивных угроз стратегической стабильности, их осмысление.

Список источников и литературы

1. Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит президента СССР М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая — 4 июня 1990 года. Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1990. — С. 335.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Совет Безопасности Российской Федерации [Официальный сайт] URL: <http://scrf.gov.ru/security/docs/document133/>
3. 2022 Nuclear Posture Review // U.S. Department of Defense [Official website] URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (дата обращения 28.04.2023)
4. Federal Agencies Need to Address Aging Legacy Systems, May 2016 // U.S. Government Accountability Office (GAO) [Official website] URL: <https://www.gao.gov/assets/680/677436.pdf> (дата обращения 28.04.2023)
5. Interim Report of the National Security Commission on Artificial Intelligence // National Defense Magazine [Web source] URL: https://www.nationaldefensemagazine.org/-/media/sites/magazine/03_linkedfiles/nscai-interim-report-for-congress.ashx?la=en (дата обращения 28.04.2023)
6. Matsakis, L., Researchers Fooled a Google AI Into Thinking a Rifle Was a Helicopter // Wired [Web source] URL: <https://www.wired.com/story/researcher-fooled-a-google-ai-into-thinking-a-rifle-was-a-helicopter/> (дата обращения 28.04.2023)
7. Nguyen, A., Yosinski, J., and Clune, J., Deep Neural Networks are Easily Fooled: High Confidence Predictions for Unrecognizable Images // ArXiv [Web source] URL: <https://arxiv.org/pdf/1412.1897.pdf> (дата обращения 28.04.2023)

8. Heaven, D., Why deep-learning AIs are so easy to fool // Nature [Web source] URL:<https://www.nature.com/articles/d41586-019-03013-5> (дата обращения 28.04.2023)
9. Weapon Systems Cybersecurity – DOD Just Beginning to Grapple with Scale of Vulnerabilities’, Report to Congressional Requesters, Oct. 2018 // US Government Accountability Office (GAO) [Official website] URL: <https://www.gao.gov/assets/700/694913.pdf> (дата обращения 28.04.2023)

Третьяков Артемий Дмитриевич,
аспирант,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
wilhelm.meister@yandex.ru

Artemiy D. Tretyakov,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
wilhelm.meister@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА США В ОБЛАСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ВОЕННОЙ СФЕРЕ**

**US INTERNATIONAL POLICY ON THE USE OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE IN THE MILITARY SPHERE**

Аннотация: экспоненциальное развитие технологий искусственного интеллекта в последние годы существенно увеличивает масштаб угроз международной безопасности. В связи с этим в работе рассматриваются усилия США на международной арене по продвижению своего подхода к регулированию ИИ в военной сфере. Проводится анализ профильных американских доктринальных документов и международных инициатив, в частности Политической декларации об ответственном военном применении искусственного интеллекта и смертоносных автономных систем (Political Declaration on Responsible Military Use of Artificial Intelligence and Autonomy), опубликованной в феврале 2023 года. Делается вывод о стремлении США убрать любые ограничения для реализации своего потенциала в данной сфере, одновременно сохранив свое ценностное лидерство в глазах населения западных стран.

Ключевые слова: США, искусственный интеллект, смертоносные автономные системы вооружения, САС, ООН, ГПЭ.

Abstract: the exponential development of artificial intelligence technologies in recent years has significantly increased the scale of threats to international security. In this regard, the paper examines the efforts of the United States in the

international arena to promote its approach to the regulation of AI in the military domain. The Paper analyzes American doctrinal documents and international initiatives, in particular, the Political Declaration on Responsible Military Use of Artificial Intelligence and Lethal Autonomous Systems. The conclusion is made about the desire of the United States to remove any restrictions for the realization of its potential in this area, while at the same time preserving its value leadership in the eyes of the population of Western countries.

Keywords: USA, artificial intelligence, lethal autonomous weapon system, UN, GGE.

Достижения в развитии технологий искусственного интеллекта (ИИ) и расширение возможностей их военного использования ставят насущные вопросы о необходимости соблюдения международного гуманитарного права (МГП), об обновлении механизмов контроля над вооружениями, усилении рисков для мировой стратегической стабильности. В этих условиях военный потенциал ведущих государств во многом определяется их способностью внедрять системы искусственного интеллекта в свои вооруженные силы, а также применять их в условиях боевых действий. Ведущая держава в области ИИ – Соединенные Штаты Америки – имеет большой опыт адаптации этих технологий под армейские задачи и проводит международный курс по постепенной легализации не только разработки и применения этих систем.

Следует отметить, что в США на данный момент не принято единого официального определения понятия «искусственный интеллект». В профильном докладе исследовательской службы Конгресса отмечается, что общепринятой трактовки ИИ до сих пор не существует по причине различных подходов к исследованиям в этой области [13].

В Политической декларации об ответственном военном применении искусственного интеллекта и автономного оружия (Political Declaration on Responsible Military Use of Artificial Intelligence and Autonomy), опубликованной Государственным департаментом США в феврале 2023 года,

под ИИ понимается способность машин выполнять задачи, которые в противном случае потребовали бы человеческого интеллекта, например распознавание закономерностей, обучение на опыте, предсказания или действия в цифровом и физическом измерениях [3]. С учетом того, что указанная выше Политическая декларация в наибольшей степени коррелирует с тематикой данной работы, последнее определение будет принято в ней как основное. Следует отметить, что все системы ИИ, упоминаемые в данной работе, относятся к понятию «слабый», или «узкий искусственный интеллект» (Narrow Artificial Intelligence), то есть к существующей в настоящее время технологии, предназначенной для решения узкого спектра задач [16].

Подход США к регулированию ИИ в военной сфере формировался с 2000-х годов. В 2008 году американскими экспертами из Калифорнийского государственного политехнического университета был подготовлен доклад для Управления военно-морских исследований ВМС США, в котором указывалось на непрозрачность алгоритмов смертоносных автономных систем (САС), представляющих собой один из вариантов военного использования технологий искусственного интеллекта. Рассматривались угрозы потери контроля над САС и проблемы ответственности за принятые ими решения. Авторы доклада выдвинули предложение по разработке «воинского кодекса» для регулирования безопасности военного использования автономных систем [7].

В 2012 году была опубликована Директива Министерства обороны США 3000.09 (обновлена в январе 2023 года), которая вводила требования безопасности для «проектирования, разработки, приобретения, тестирования, развертывания и использования автономных систем вооружения, в том числе управляемых боеприпасов, способных самостоятельно выбирать и распознавать цели» [15]. В документе дано крайне узкое определение автономного оружия как автономных или полуавтономных систем, которые могут выбирать свои цели и самостоятельно оказывать на них смертельное или несмертельное воздействие без участия человека в цикле принятия решений.

Как отмечали в 2022 году эксперты Исследовательской службы Конгресса США, на основании определения, представленного в Директиве, американские военные не используют какие-либо системы вооружения, которые можно было бы квалифицировать как автономное оружие, и, по крайней мере, официально не разрабатывают такое оружие [16].

Директива 3000.09 также описывает способы снятия тех ограничений, которые она налагает на САС. В документе прямо отмечается, что полуавтономные системы вооружений могут использоваться для применения летального или нелетального воздействия. При этом указано, что если человеческий контроль над действиями указанных выше систем будет признан неэффективным, с учетом технологических достижений и оперативных требований это потенциально приведет к появлению полностью автономных видов вооружения. Таким образом, несмотря на то что Директива 3000.09 в момент ее публикации воспринималась рядом неправительственных организаций практически как «запрет на роботов убийц», она не столько ограничивала разработку и применение САС, сколько сигнализировала разработчикам и поставщикам, что Пентагон серьезно относится к этим видам вооружения.

С развитием международных дискуссий в рамках Группы правительственных экспертов (ГПЭ) государств – участников Конвенции о негуманном оружии (КНО) по смертоносным автономным системам вооружений в Вашингтоне начали уделять повышенное внимание концептуальному оформлению своего подхода к данной проблематике. В 2016 году в рамках доклада «Подготовка к будущему искусственного интеллекта» (Preparing for the Future of Artificial Intelligence) было отмечено, что «там, где меры по регулированию ИИ угрожают увеличить стоимость систем, замедлить их разработку и внедрение инноваций, директивным органам США следует подумать о том, как можно скорректировать эти меры» [20]. В этом же документе формулируется основной аргумент в пользу ограниченного регулирования военного искусственного интеллекта, который заключается в

необходимости сохранения технологического превосходства Соединенных Штатов над конкурентами.

В кратком содержании «Стратегии министерства обороны в области искусственного интеллекта 2018 года» (Summary of the 2018 Department of Defense Artificial Intelligence Strategy) указано на необходимость всестороннего развития этих систем в военной сфере в связи с тем, что Китай и Россия осуществляют значительные вложения в ИИ, включая и такие варианты применения, которые вызывают вопросы, связанные с международными нормами и правами человека. Эти инвестиции угрожают подорвать технологическое превосходство США, а также якобы дестабилизируют свободный и открытый мировой порядок [24].

Таким образом, в США существует внутренний подход к развитию военного применения искусственного интеллекта. Он заключается в признании возможности разработки и применения автономного оружия, желательности снижения международных регуляторных барьеров и необходимости победы в гонке вооружений в области ИИ.

Однако на международных площадках представители США иначе мотивируют необходимость минимизации регуляторных барьеров для военного применения ИИ. В 2018 году на площадке ООН американскими экспертами были выдвинуты «Гуманитарные преимущества новых технологий летального автономного оружия», где излагались аргументы Вашингтона о нежелательности запрета на разработку и применение САС [19]. В этом документе представителями США выдвигались следующие аргументы в пользу снижения регуляторных барьеров для военных инструментов ИИ: отсутствие прямых международных запретов, возможность сокращения сопутствующего ущерба для гражданского населения и объектов, возможность ведения антитеррористических операций без значительного военного присутствия, снижение потребности в немедленном открытии огня в целях самообороны при использовании САС и замедление прогресса

гражданских технологий ИИ вследствие запрета на разработку этих технологий.

В рамках указанного подхода представители США на площадке ООН выступали против обязывающих соглашений по данной проблеме. Также американская сторона последовательно отказывалась от стандартов достаточного человеческого контроля за действиями САС после консенсусного принятия в 2019 году 11 руководящих принципов в отношении смертоносных автономных систем [1]. Однако позиция Вашингтона не заключалась исключительно в апелляции к достаточности международного гуманитарного права для регулирования автономного оружия. В резюме председателя ГПЭ по итогам работы группы в 2020 году были представлены варианты действий, одним из которых было создание политической декларации на основе вышеуказанных 11 принципов. В дальнейшем США придерживались этого варианта, продвигая свой глобальный подход к «ответственному использованию искусственного интеллекта в военной сфере» (Responsible use of Artificial Intelligence in military domain).

В 2020 году Пентагоном были приняты Этические принципы использования искусственного интеллекта (Ethical Principles for Artificial Intelligence) [17]. Эти пять принципов заключались в ответственности личного состава ВС США за действия ИИ, сведении к минимуму непреднамеренной предвзятости, а также в прозрачности алгоритмов, надежности и управляемости этих систем. В 2022 году была опубликована Стратегия развития ответственного искусственного интеллекта в военных целях (U.S. Department of Defense Responsible Artificial Intelligence Strategy and Implementation Strategy) [28]. В ней вновь указывалось на необходимость внедрения ответственного подхода к искусственному интеллекту и предлагалось создание ряда оборонных структур в этой сфере. Следует отметить, что американская сторона стала одним из пионеров (первой в 2019 году свои принципы опубликовала Франция [27]) в выдвижении

национальных принципов ответственного подхода к ИИ в военной сфере, сместив фокус внимания с обсуждения на площадке ГПЭ ООН.

Важным шагом в продвижении США своего подхода стало принятие принципов RAI в рамках НАТО. В стратегии Североатлантического альянса по развитию ИИ (NATO Artificial Intelligence Strategy) в 2021 году прописаны Принципы ответственного использования искусственного интеллекта в обороне (Principles of Responsible Use of Artificial Intelligence in Defence). К пяти классическим принципам был добавлен шестой, подразумевающий соответствие используемых систем ИИ международному и национальному праву стран – участниц Альянса [25].

Т. Веснер, исследователь Женевского центра политики безопасности (GCSP), отмечает, что принципы ответственного ИИ стали важным дополнением для международного гуманитарного права, якобы позволяя адаптировать и делать более безопасной политику государств в области военного применения ИИ, при этом не накладывая на них ограничивающих обязательств. По его мнению, внедрение этого подхода также стало причиной более активного включения западных стран в совместную деятельность по регулированию САС [11].

Датский эксперт А. Надибаидзе полагает, что в подходе США к военному применению ИИ, декларируемом на международном уровне, находит отражение стремление американских элит не допустить сокращения технологического разрыва со своими конкурентами в лице России и Китая. Она указывает, что на уровне профильных специалистов гонка вооружений в области искусственного интеллекта воспринимается в США по аналогии с совершенствованием ядерного оружия в соответствующих терминах взаимного сдерживания [8]. В то же время официальный дискурс Вашингтона позиционирует достижения страны в области ИИ, скорее по аналогии с космической гонкой, как часть соревнования ценностей и систем «демократических» и «авторитарных» стран.

Элементы политики ценностей присутствуют в подходе США к вопросам регулирования военного применения искусственного интеллекта. Это проявляется, в частности, в риторике американских представителей на международных площадках. В этом контексте следует отметить выступления профильного эксперта М. Крациуса, возглавлявшего американскую делегацию в ходе министерских встреч «Группы семи» (G7) по вопросам инноваций и технологий (Innovation and Technology Ministerials) в 2017–2018 гг. и в рамках работы Организации экономического сотрудничества (ОЭСР). Крациус прямо заявлял, что США не будут следовать международным ограничениям в области ИИ, «коренящимся в страхе перед наихудшими сценариями развития событий», мотивируя это необходимостью защиты демократии. На конференции ОЭСР 2019 года он также высказал мысль, что Соединенные Штаты не намерены останавливать прогресс из-за страха перед негативными последствиями и вводить какие-либо ограничения, так как это отдаст конкурентное преимущество авторитарным правительствам, которые не разделяют демократические ценности [6]. Отечественный исследователь Я.В. Селянин отмечает, что, несмотря на эти заявления, в ходе встреч страны «Группы семи» в целом полностью поддержали глобальный подход США к развитию ИИ [2].

Однако при администрации Байдена, несмотря на сохранение ценностной риторики в профильном официальном дискурсе, США активно предпринимали усилия по выстраиванию сотрудничества с КНР в сфере регулирования военного применения искусственного интеллекта. Комиссия национальной безопасности по искусственному интеллекту (NSCAI) в своем отчете за март 2021 года рекомендовала Пентагону начать дипломатические переговоры с китайскими военными для обсуждения влияния ИИ на проблемы стратегической стабильности [18]. Г. Аллен, эксперт Центра безопасности и международных исследований (CSIS), занимавший руководящие посты в Объединенном центре искусственного интеллекта (JAIC) Министерства обороны США, подчеркивает, что представители американской стороны

неоднократно, но неудачно, пытались установить контакт с Народно-освободительной армией Китая по вопросам регулирования ИИ в военной сфере [3].

Тем не менее с 2019 года ведутся соответствующие переговоры на втором треке с участием американского Института Брукингса, китайского Университета Цинхуа, ряда других аналитических центров и коммерческих компаний. Как показывают публичные комментарии представителя США Дж. Аллена и представителя КНР Фу Ина, обе стороны считают полный запрет на разработку смертоносных автономных систем непрактичным и нежелательным. Вместо этого они рассматривают процесс милитаризации ИИ как практически неизбежный и еще не реализовавший свой потенциал. Стороны достигли консенсуса по вопросам приверженности международному гуманитарному праву, сохранению человеческого контроля за смертоносными автономными системами, повышению прозрачности их алгоритмов и контролю эмерджентных свойств, а также контролю за распространением САС для предотвращения их злонамеренного использования негосударственными субъектами [12].

Как представляется, несмотря на скепсис некоторых экспертов в отношении вышеуказанных переговоров [9] и ограниченное количество информации об их последних трех раундах, процесс на втором треке, вероятно, привел к определенным сдвигам в американо-китайском профильном сотрудничестве. Об этом может свидетельствовать участие делегаций США и Китая в прошедшем 15–16 февраля 2023 года в Гааге Глобальном саммите по ответственному использованию искусственного интеллекта в военной сфере (The Summit on Responsible Artificial Intelligence in the Military Domain, REAIM 2023). По окончании саммита был выпущен итоговый документ «Призыв к действию», в котором указано на необходимость незамедлительных усилий по выработке норм ответственного подхода в отношении разработки и применения искусственного интеллекта в военной сфере [22]. Его подписали более 60 стран, в том числе американские

и китайские представители. Документ, по оценкам ряда западных экспертов, существенно не отличается от 11 руководящих принципов в отношении смертоносных автономных систем, выработанных в рамках ГПЭ в 2019 году. В «Призыве к действию» отмечается приверженность стран-подписантов международному гуманитарному праву и сохранению человеческого контроля за действиями ИИ в военной сфере.

Специалист по политике в сфере смертоносных автономных систем Г. Цяо-Франко оценивает REAIM 2023 как одностороннее и ориентированное на западные страны мероприятие с минимальным привлечением государств Глобального Юга. Он также указывает, что вопросы разработки и контроля над САС обсуждались на саммите не с точки зрения этических проблем, а в основном с точки зрения боевой эффективности [10].

При этом наиболее существенным негативным фактором, влияющим на потенциал данного переговорного формата, является отказ от приглашения на REAIM 2023 представителей Российской Федерации. Исключение из обсуждения одного из ведущих государств в области технологий искусственного интеллекта делает подход организаторов саммита неинклюзивным и, следовательно, неконструктивным в контексте обеспечения международной безопасности.

Одновременно с публикацией «Призыва к действию», 16 февраля 2023 года, Государственный департамент США разместил на своем ресурсе Политическую декларацию об ответственном военном применении искусственного интеллекта и автономного оружия [3]. Декларация основывается на профильных американских документах, в частности на Директиве Министерства обороны 3000.9. и Этических принципах использования искусственного интеллекта. В документе излагаются лучшие практики по урегулированию военного ИИ и САС. В частности, указывается на целесообразность аудита систем искусственного интеллекта для проверки их соответствия МГП, прозрачности, защищенности, непредвзятости и обеспечения должного уровня человеческого контроля.

В Декларации уделено особое внимание отказу США от использования ИИ для принятия стратегических решений по вопросам применения ядерного оружия. Указывается, что государства должны поддерживать человеческий контроль за всеми действиями, имеющими решающее значение для информирования и исполнения суверенных решений, касающихся развертывания ядерного оружия.

Следует отметить, что указанная декларация подверглась не меньшей критике, чем итоговый документ REAИМ 2023. Генерал-майор Ч. Дэнлэп заявил, что Декларация якобы излишне ограничивает способность Соединенных Штатов разрабатывать системы ИИ, которые могут понадобиться им в будущем [4]. В свою очередь, сторонники запрета САС оценили документ как фактическую легализацию применения автономных систем вооружения и шаг, направленный на ослабление зарождающегося консенсуса по выработке обязывающих норм в данной сфере [26].

Однако можно предположить, что REAИМ 23 и Политическая декларация преследовали несколько иные цели, нежели достижение консенсуса по вопросам военного применения ИИ. Видится возможным использование этих инициатив западными странами, особенно США, для переноса обсуждения данной проблематики с площадки ООН, где механизм консенсусного принятия решений мешает продвижению их подходов.

Как отмечает профильный отечественный эксперт В.Б. Козюлин, представители американской военно-политической элиты, вероятно, полагают, что смертоносные автономные системы смогут замедлить ослабление военного превосходства США на планете, заменив ядерное оружие и высокоточные боеприпасы в рамках «третьей стратегии компенсации» (third offset strategy) [1]. При этом Вашингтон, видимо, будет стремиться лидировать в установлении глобального стандарта ответственной разработки и использования ИИ, предпринимая шаги для демонстрации определенных гарантий и, насколько это возможно, поощряя Пекин к принятию аналогичных мер [5].

По итогам анализа международной политики США в области военного использования искусственного интеллекта можно сделать вывод о том, что Вашингтон стремится убрать любые ограничения для реализации своего потенциала в данной сфере, одновременно сохранив свое ценностное лидерство в глазах населения западных стран. Однако указанные цели не коррелируют с сохранением международной безопасности вследствие того, что продвигаемый американской стороной односторонний подход неизбежно приведет к формированию альтернативных, противопоставленных ему позиций.

Список используемой литературы

1. Козюлин В.Б. Три группы угроз смертоносных автономных систем // РСМД. 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tri-gruppy-ugroz-smertonosnykh-avtonomnykh-sistem/>
2. Селянин Я.В. Политика США по использованию искусственного интеллекта в интересах военных // Россия и Америка. 2020. №4.
3. Allen G. One Key Challenge for Diplomacy on AI: China's Military Does Not Want to Talk // CSIS. 2022.
4. Dunlap C. The law and the U.S.' new declaration on military uses of AI: some observations // LawFire. 2023.
5. Hoffman W., Kim H.W. Reducing the Risks of Artificial Intelligence for Military Decision Advantage // CSET. 2023.
6. Kratsios M. Artificial Intelligence: Next Steps // Organisation for Economic Co-operation and Development. 2019. № 22.
7. Lin P., Bekey G., Abney K. Autonomous Military Robotics: Risk, Ethics, and Design // California Polytechnic State University. 2008.
8. Nadibaidze A. The Impact of AI on Strategic Stability is What States Make of It: Comparing US and Russian Discourses // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2022.
9. Qiao-Franko G. Can Track II Dialogues be the New «Ping-Pong» Diplomacy to Thaw the Sino-US Relationship on Military AI? // AutoNorms. 2022.

10. Qiao-Franko G. Has REAIM «Re-aimed» AI Applications in the Military Domain? // AutoNorms. 2023.
11. Vestner T. RESPONSIBLE AI SYMPOSIUM – THE NEXUS BETWEEN RESPONSIBLE MILITARY AI AND INTERNATIONAL LAW // Articles of War. 2022.
12. Ying F., Allen J. Together, The U.S. And China Can Reduce The Risks From AI // NOEMA. 2022.
13. Artificial Intelligence and National Security (R45178) // Congressional Research Service. 2020.
14. Defense Primer: Emerging Technologies // Congressional Research Group. 2022.
15. DOD DIRECTIVE 3000.09 AUTONOMY IN WEAPON SYSTEMS // esd.whs.mil. 2023.
16. Defense Primer: U.S. Policy on Lethal Autonomous Weapon Systems // Congressional Research Service. 2022.
17. DOD Adopts Ethical Principles for Artificial Intelligence // Defense.gov. 2020.
18. Final Report. National Security Commission on Artificial Intelligence // NSCAI.gov. 2021.
19. Humanitarian benefits of emerging technologies in the area of lethal autonomous weapon systems // ogs.osd.mil. 2018.
20. PREPARING FOR THE FUTURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE // ObamaWhiteHouse. 2016.
21. Political Declaration on Responsible Military Use of Artificial Intelligence and Autonomy // State.gov. 2023.
22. REAIM 2023 Call to Action // Government.nl. 2023.
23. Statement by Mr. Michael Butera, Delegation of the United States of America to UN First Committee // Automated Decision Research. 2022.
24. Summary of the 2018 Department of Defense Artificial Intelligence Strategy // media.defense.gov. 2019.

25. Summary of the NATO Artificial Intelligence Strategy // NATO.int. 2021.
26. The First-Ever International Killer Robots Summit Was a Human Rights Flop // Gizmondo. 2023.
27. Towards Responsible AI in Defence: A Mapping and Comparative Analysis of AI Principles Adopted by States // UNIDIR. 2023.
28. U.S. Department of Defense Responsible Artificial Intelligence Strategy and Implementation Strategy // media.defense.gov. 2022.

Крылов Никита Михайлович,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
nikitakryl18@gmail.com

Nikita M. Krylov,
Ph.D student,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia,
nikitakryl18@gmail.com

**СПЕЦИФИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА
ВОКРУГ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА НА УКРАИНЕ 2013–
2014 ГГ. В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ**

**THE SPECIFICS OF INFORMATION CONFRONTATION AROUND
THE COUP D'ETAT IN UKRAINE IN 2013–2014 IN THE CONTEXT OF
INTERNATIONAL PROCESSES**

Аннотация: глобальные геополитические преобразования, которые на сегодняшний момент происходят, являются камнем преткновения ведущих международных акторов. Ситуация, при которой на территории сопредельного государства происходят события, прямо и косвенно угрожающие территориальной целостности и безопасности, суверенитету Российской Федерации, не может не сказываться на позиции и действиях руководства страны в отношении Украины. Прошедшие на юго-восточных территориях и в Крыму референдумы – прямое следствие государственного переворота, который был осуществлен на Украине в 2013–2014 гг. Переломный момент во взаимоотношениях Украины и России стал фактором эскалации конфликта с русскоязычным населением, что привело к войне на Донбассе. Международное отношение к произошедшим событиям на Майдане неоднозначное, однако коллективным Западом трактуется как «демократическая воля», тогда как последовавшие референдумы в Крыму, Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областях – как сепаратистские и террористические проявления. Целью данной статьи является анализ современного отношения международного сообщества к

событиям, происходившим на территории Украины в 2013–2014 гг., как к фактору формирования международной информационной повестки.

Ключевые слова: украинский кризис, Майдан, «мягкая сила», информационная война, международный кризис, дипломатия, Украина.

Abstract: the global geopolitical transformations that are currently taking place are a stumbling block for leading international actors. The situation in which events take place on the territory of a neighboring state that directly and indirectly threaten the territorial integrity and security, the sovereignty of the Russian Federation cannot but affect the position and actions of the country's leadership in relation to Ukraine. The referendums held in the southeastern territories and in Crimea are a direct consequence of the coup d'etat that was carried out in Ukraine in 2013-2014. The turning point in the relationship between Ukraine and Russia became a factor in the escalation of the conflict with the Russian-speaking population, which led to the war in Donbass. The international attitude to the events on the Maidan is not unambiguous, but the collective West is interpreted as “democratic will”, while the subsequent referendums in the Crimea, Donetsk, Luhansk, Zaporozhye and Kherson regions are separatist and terrorist manifestations. The purpose of this article is to analyze the current attitude of the international community to the events that took place on the territory of Ukraine in 2013-2014. as a factor in shaping the international information agenda.

Key words: Ukrainian crisis, Maidan, “soft power”, information war, international crisis, diplomacy, Ukraine.

В 2010 году после демократических выборов, которые были признаны международным сообществом, Украину возглавил пророссийский президент В.Ф. Янукович. Несмотря на всестороннюю поддержку русскоязычного населения Крыма и юго-востока Украины, Виктор Янукович обозначил европейский вектор социально-экономического развития страны. В 2011 году он подписал указ о введении в действие решения Службы безопасности Украины «О вызовах и угрозах национальной безопасности Украины в 2011

году», что стало правовой основой активизации вопросов экономической интеграции с Европейским союзом, создания зоны свободной торговли с Содружеством Независимых Государств и Европейским союзом, военно-политического сотрудничества с Североатлантическим альянсом, несмотря на конституционно-правовое закрепление внеблокового статуса Украины [1, с. 6–16].

Несмотря на имевшиеся противоречия в вопросах международной и региональной повестки, эксперты отмечают высокую степень динамичного развития российско-украинских отношений в период руководства Виктора Януковича. Среди важных аспектов развития таких взаимоотношений следует отметить следующие [2, с. 36–59]:

- восстановление вещания российских телеканалов в русскоязычных регионах;
- заключение правительственных соглашений в широком спектре экономического сотрудничества;
- заключение соглашений по использованию военно-морской базы в Севастополе для Черноморского флота России;
- двустороннее содействие в академическом, культурном, образовательном обмене опытом.

Однако в период с конца 2013 года до 2014 года начались масштабные антивластные выступления, которые стали отправной точкой для изменения политической конфигурации элит в Украине. При этом многие эксперты полагают, что подготовка к осуществлению майдана была запланирована заблаговременно, о чем свидетельствует выступление в 2011 году члена Партии регионов А.С. Ефремова, который говорил о том, что «сегодня мир информационно сильно обеспечен, и можно только при помощи Интернета "разогнать" любую информацию. У меня даже есть данные, что и Сорос выделил определенные средства для того, чтобы подготовить у нас в Украине определенную группу молодых ребят, которые могли бы по варианту северной

Африки запускать любые проекты, которые есть. Это есть и это готовится» [3, с. 58–66].

Многие отечественные и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что одним из важнейших факторов активизации протестного движения на Украине стали аффилированные с государством и околополитическими силами в Украине некоммерческие и неправительственные организации, чье финансирование и управление осуществлялось посредством прямого и косвенного влияния институтов США и Европейского союза. К таким объединениям можно отнести Институт «Открытое общество», Национальный фонд за демократию, Международный республиканский институт, Национальный демократический институт и др.

Отметим, что финансовой поддержкой пользовались также и политические силы, участвовавшие в событиях на Украине в 2013–2014 гг. Так, достоянием общественности стала информация о том, что партия «Удар» В.В. Кличко спонсировалась немецким фондом Аденауэра, который аффилирован Христианско-демократическим союзом Германии. Автор отмечает, что информация о зарубежных спонсорах политических партий ВО «Свобода» О.Я. Тягнибока, ВО «Батькивщина» Ю.В. Тимошенко на постоянной основе становилась достоянием общественности.

Тот факт, что партия «Свобода», наряду с партией «Удар» и «Батькивщина», являлась официальной фракцией в составе Верховной рады Украины и осуществляла активное участие в событиях на Украине 2013–2014 гг., говорит о том, что данные события не носили революционного характера и не привели к какому-либо существенному обновлению политической конфигурации. Тем самым события в Украине 2013–2014 гг. лишь закрепили факт перераспределения властных полномочий и экономических возможностей тех элитарных сил, которые находились в тот момент.

Естественно, что само осуществление проекта по смене власти при участии иностранных и украинских элит свидетельствует о значительной координации и согласованности позиций по данному вопросу. Важной

составляющей интересов украинских элит является стремление к получению наиболее выгодных рычагов управления политическими и экономическими механизмами государства в рамках всеукраинского масштаба с целью выхода на общемировой уровень, тогда как «западные элиты» стремятся обеспечить вытеснение России с территории Украины в контексте ослабления социально-политических и экономических взаимосвязей между странами, что посредством прихода к власти проевропейских политиков сделает Украину враждебной Российской Федерации страной [5, с. 266].

Для реализации данного масштабного проекта западные политтехнологи посчитали возможным использовать националистические силы на территории Украины, имеющие ярко выраженную антироссийскую направленность. При этом украинский национализм – особая тема во взаимоотношениях России и Украины, их общего советского прошлого, при котором присутствовал украинский коллаборационизм в годы Второй мировой войны [4, с.164]. Поддержание коллективным Западом финансово-ресурсным образом идеологов украинского национализма после окончания Второй мировой войны привело к тому, что после развала Советского Союза украинские националисты не только вышли из подполья, но и стали весомыми политическими фигурами во властных структурах Украины. Рассматривая данный процесс, необходимо обратить внимание на тот факт, что восхождение радикальных украинских националистов на тот момент происходило посредством управленческого и финансового попустительства украинских и иностранных политических элит, стремившихся любой ценой отдалить Украину от России.

Анализ происходивших событий на Майдане показывает, что все время наблюдалась четкая координация действий иностранных и украинских сил. В связи с этим автор считает возможным сделать вывод о том, что вариант насильственных действий имелся изначально. Данный тезис подтверждается и в исследованиях Дж. Кьеца, который описал тренировочные лагеря

украинских неонацистов и агрессивных футбольных фанатов, которые составили костяк протестного движения на Майдане.

Естественно, что подготовка и реализация действий по свержению законно избранного президента Украины по лекалам западных методичек свидетельствуют о желании евроатлантических элитарных сил сформировать у границ Российской Федерации зону постоянной военно-политической, социальной нестабильности, выраженной в активной русофобии, что обуславливается информационно-психологическим воздействием на украинское общество, с целью дискредитации России и многонационального народа, проживающего на ее территории [6, с. 140].

Информационное противоборство между коллективным Западом и Россией в отношении Украины можно отсчитывать с ноября 2013 года, когда Виктор Янукович отложил подписание соглашения об экономической интеграции с Европейским союзом. Подконтрольные иностранным силам и националистически настроенным украинским элитам средства массовой информации представили данную ситуацию как отказ действующей власти от светлого будущего. Украинской общественности, стремившейся избавиться от имевшихся социально-политических и экономических проблем, было заявлено, что именно отказ от подписания соглашения об ассоциации с Европейским союзом мешает решить все имеющиеся проблемы в стране. Именно данный посыл, который большинство граждан Украины «молчаливо одобрили», стал информационным поводом к реальным протестным движениям на территории всей страны.

Вторым этапом информационно-психологического воздействия на восприятие украинцев стали события, происходившие на площади Независимости с 21 по 28 ноября 2013 года, когда общественные деятели, лидеры политических партий и общественного мнения вышли вместе с блогерами и рядовыми гражданами на митинги с целью поддержания европейской интеграции. При этом эксперты отмечают, что происходила тотальная манипуляция общественным мнением, так как В.Ф. Янукович не

только не был противником евроинтеграции, а наоборот, он всегда был сторонником европейского будущего для Украины.

Новым этапом информационно-психологического воздействия на аудиторию стали события 24 ноября 2013 года, когда средства массовой информации начали передавать видеоматериалы с места столкновения протестующих и правоохранительных органов. Тогда подразделения «Беркут» представляли в уничижительной манере с целью дискредитации команды В.Ф. Януковича в глазах украинской общественности и мирового сообщества. Данный характер действий должен был оказать на действующую власть В.Ф. Януковича колоссальное давление в преддверии саммита «Восточное партнерство».

Отметим, что официальный Киев увязывал вопросы решения экономической ассоциации с Европейским союзом с выделением дополнительного финансового транша со стороны МВФ. Однако именно МВФ выдвинул достаточно жесткие условия выделения финансовой поддержки, среди которых: сокращение социальных выплат, подъем оплаты за ЖКХ, плавающий курс национальной валюты и т.п. Автор полагает, что отказ Европейского союза формировать трехстороннюю рабочую группу с участием России для урегулирования экономических вопросов является явным доказательством отсутствия желания официального Брюсселя вести диалог с В.Ф. Януковичем.

Дальнейшая информационно-психологическая эскалация конфликта произошла 30 ноября 2013 года, когда спецподразделение «Беркут» осуществило разгон студентов. Международные и украинские средства массовой информации представили данный материал как антиконституционные действия, направленные против законного волеизъявления народа. По результатам проводившихся тогда социологических опросов именно фактор «избиения студентов» стал мотивирующим аспектом для многих, кто пришел на Майдан в то время.

Следующим этапом информационно-психологического воздействия стал этап, при котором была осуществлена отсрочка подписания соглашения об ассоциации с Европейским союзом и разгон Евромайдана. В тот период лидеры оппозиции активизировали все свои возможности, чтобы довести восприятие толпы до необходимого состояния противостояния законно избранной власти. Концептуальная линия «мы – они» смогла быть реализована посредством активного распространения мнения о готовящемся переходе Украины под власть России.

Согласно классическим канонам цветных революций Дж. Шарпа оппозиция долгое время отказывалась распустить народ и сесть за стол переговоров [7, с. 470]. При этом митингующие не собирались покидать Майдан и формировали «новое правительство», а также создавали резолюцию об отставке команды В.Ф. Януковича. Соглашения о прекращении митингов, подписанные самими представителями оппозиции, были сорваны, а на улицах городов Украины продолжился захват государственных учреждений и объектов гражданской инфраструктуры. В середине января 2014 года на территории Украины начались активные вооруженные столкновения, которые приводили к многочисленным жертвам с обеих сторон.

Эксперты расходятся во мнении относительно позиции В.Ф. Януковича, который, несмотря на наличие действующего законодательства Украины, легитимности собственного избрания, отказался решительным образом подавлять протестные настроения, ставшие основой развала государственности, потери значительной части территорий и сползания в политическую и экономическую анархию. Некоторые полагают, что нежелание повторить опыт балканских лидеров, отсутствие личностной политической воли сыграли трагическую роль в политической судьбе В.Ф. Януковича.

Переломным информационно-психологическим и пропагандистским моментом в данном противостоянии стало соглашение от 22 февраля 2014 года, когда В.Ф. Янукович согласился на требования оппозиции вернуться к

Конституции Украины 2004 года, где устанавливалась президентско-парламентская форма управления. Однако радикальные националистические группы на Майдане в ночь с 22 на 23 февраля 2014 года осуществили захват зданий Верховной рады, Администрации президента, Кабинета министров и др.

Постановлением Верховной рады № 4193 «о самоустранении неконституционным способом» В.Ф. Янукович был лишен статуса президента Украины, а временно исполняющим обязанности стал А.В. Турчинов. Данный акт со стороны оппозиции получил неоднозначную оценку международного сообщества.

Так, несмотря на тот факт, что президент США указал на право украинского народа самостоятельно избирать будущее и поддержал предстоящие президентские выборы, вопрос легитимности данных выборов затронут не был. Аналогичная позиция была высказана министерствами иностранных дел Германии и Франции – теми странами, которые стали гарантами соглашения В.Ф. Януковича и оппозиции по стабилизации обстановки в стране.

Противоположной точки зрения в данном вопросе придерживалась и придерживается Российская Федерация. По оценке руководства страны, на территории Украины был осуществлен государственный переворот, целью которого было смещение законно избранного президента. В Министерстве иностранных дел России отмечают, что подготовка сценария, реализация всей стратегии проведения цветной революции принадлежит эмиссарам из США и Брюсселя, которые активным образом спонсировали антироссийские настроения в Украине.

По мнению автора, события, происходившие на территории Украины в 2013–2014 гг. – это прямое следствие желания украинских политических элит играть на имеющихся противоречиях Европейского союза и России с целью получения наиболее выгодных переговорных позиций. При этом отсутствие сформированной долгосрочной стратегии поведения, неготовность

реализовывать самостоятельную государственную национальную политику привели к трагическим последствиям, ставшим основой вооруженного конфликта на юго-востоке, Крымской весны, в результате чего Украина лишилась значительной части своей территории.

Рассматривая вопросы информационного противоборства нынешней Украины с Россией, следует отметить, что политические элиты Украины продолжают осуществлять агитацию и пропаганду на ранее заложенных принципах противоборства, тогда как устоявшиеся постулаты русофобского характера в нынешних обстоятельствах не пользуются большой популярностью среди украинской общественности, так как за восемь лет военных действий на Донбассе, разжигания тотальной русофобии и отказа легитимировать фактически права русскоязычного населения наблюдается «усталость» общества от каких-либо наигранных политических лозунгов.

Подводя итоги, автор статьи указывает на важность углубленного анализа вопросов, связанных с событиями, происходившими на территории Украины в 2013–2014 гг., как основополагающим фактором, ставшим триггером к дальнейшей эскалации отношений между Украиной и Россией, что в современных условиях привело к Крымской весне, референдумам в 4 новых регионах, ранее входивших в состав Украины.

В условиях проведения специальной военной операции вопрос осуществления или отсутствия государственного переворота в Украине ни для руководства России, ни для российского общества не стоит. И, по мнению автора, пример Украины является важным показателем для мировой общественности процессов, при которых отсутствие должного внимания к проблемам формирования националистической, неонацистской идеологии приводит к чудовищным последствиям.

Список использованной литературы

1. Богатуров А.Д. «Украинский вызов» и альтернативы внешней политики России // Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2014. Т. 12. № 39. С. 6-16.
2. Бородинов Е.Н. Причины и последствия государственного переворота на Украине // Национальная безопасность/Notabene. 2014. № 3. С. 36-59.
3. Бочарников И.В. «Мягкая сила» как феномен современной мировой политики // Дипломатическая служба. 2018. № 2. С. 58-66.
4. Воробьев С.В., Каширина Т.В. Историография коллаборационизма на оккупированных европейских и советских территориях вгоды Второй мировой войны // Вопросы истории. 2019. № 6. С. 157-169.
5. Городня Н.Д. Причины міжнародної “української кризи” у західному науковому дискурсі // Україна-Європа-Світ. 2017. №19. С. 264-274.
6. Громько А.А. Глобальный мир: риски и возможности // Современная Европа. 2018. № 1. С. 137-147.
7. Каширин В.П. Современные направления и средства информационно-психологического воздействия на человека // Цивилизация знаний: российские реалии: сборник трудов конференции. 2016. С. 468-471.

Трибуна молодых ученых

Антипов Иван Викторович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России,

89647287834i@gmail.com

Ivan V. Antipov,

Post graduate student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs

of the Russian Federation,

89647287834i@gmail.com

Научный руководитель:

Анисимов Игорь Олегович,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры международного права,

Дипломатическая академия МИД России

Scientific advisor:

Igor O. Anisimov,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of International Law,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ

CURRENT ISSUES IN AN INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION IN THE FIELD OF ENERGY

Аннотация: актуальные международно-правовые проблемы в области торговли энергоресурсами образовали ряд неотложных задач, в частности изменение валюты договора по экспорту энергоресурсов в недружественные страны. Также был поднят вопрос о модели по национализации российских энергетических компаний на территории Германии. В данной статье рассматриваются различные международно-правовые аспекты проблемы торговли энергоресурсами, значимость данной проблематики для международного сообщества. Цель данного исследования состоит в комплексном анализе международно-правового режима торговли энергоресурсами на основе изучения соответствующих международно-

правовых актов и документов, выявлении международно-правовых проблем. В качестве основных задач выделяются следующие: определение предпосылок международно-правового регулирования торговли энергоресурсами с недружественными странами, анализ положений соответствующих международно-правовых актов, рассмотрение механизма оплаты за энергоресурсы в национальной валюте Российской Федерации.

Основой настоящего исследования являются положения из Указа Президента РФ от 31.03.2022 N 172 (ред. от 30.12.2022) «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа». В качестве основной методологии исследования использовались сравнительно-правовой анализ, формально-юридический, формально-логический и системный методы, методы анализа и обобщения.

результате представленного исследования установлены предпосылки международно-правового регулирования в области торговли энергоресурсами с недружественными странами. Проведен анализ модели по национализации российских энергетических компаний на территории Германии. Выявлен ряд сложностей в международно-правовом регулировании торговли энергоресурсами, рассмотрены пути повышения эффективности такого регулирования.

Ключевые слова: энергетическая дипломатия, международное энергетическое сотрудничество, новые правила продажи газа недружественным странам, модель попечительства.

Abstract: current international legal issues in the field of energy trade, formed a number of urgent tasks, in particular: changing the currency of the energy export treaty to unfriendly countries. The model for nationalisation of Russian energy companies in Germany has also been raised. The author in this article considers various international legal aspects of energy trade and its relevance for international community. The purpose of this study is to conduct a comprehensive analysis of the international legal regime of energy trade based on the study of relevant international

legal acts and documents and to identify international legal problems. The main tasks are: identifying the prerequisites of international legal regulation of energy trade with unfriendly countries, analyzing the provisions of the relevant international legal acts, and considering the mechanism of payment for energy resources in the national currency of the Russian Federation.

The basis of the present study is the provisions of the RF President Decree of 31.03.2022 No. 172 (revised on 30.12.2022) "On special procedure for foreign buyers to fulfil their obligations towards Russian natural gas suppliers". Comparative legal analysis, formal-legal, formal-logical and system methods, methods of analysis and generalization were used as the basic research methodology.

As a result of the presented study the prerequisites of international legal regulation in the field of energy trade with "unfriendly countries" were revealed. Analysis of model on nationalization of Russian energy companies on the territory of Germany was carried out. A number of complexities in the international legal regulation of energy trade are identified and ways to consider increasing the effectiveness of such regulation are considered.

Key words: Energy diplomacy, international energy cooperation, new rules for gas sales to unfriendly countries, trusteeship model.

Международное энергетическое сотрудничество реализуется в экономической, торговой, научно-технической, производственной, социальной, экологической и других сферах, а также включает вопросы обеспечения международной энергетической безопасности государств.

С правовой точки зрения энергетическое сотрудничество осуществляется как в публичных формах сотрудничества государств, так и в частноправовых формах взаимодействия хозяйствующих субъектов различных государств [2].

Стоит отметить, что энергетика является одной из ключевых отраслей во всех странах. Вместе с тем современные государства в различной мере

обеспечены энергетическими ресурсами, необходимыми для развития технологических процессов массового производства.

В течение последнего столетия происходит быстрое, но неравномерное формирование мировых рынков энергетических ресурсов, которые приобретают глобальный характер. В связи с чем энергетический фактор активно используется для усиления международного влияния ведущих держав в достижении геополитических целей. Появился даже термин «энергетическая дипломатия».

Глобальный характер энергетических проблем и их политизация определяют объективно-влиятельное положение российского топливно-энергетического комплекса и выдвигают энергетический фактор в число основных элементов, на которые должна опираться российская дипломатия для усиления реального участия нашей страны в международных делах.

Автор считает, что в качестве стратегических целей внешнеэкономического сотрудничества в сфере энергетики выделяются следующие: повышение ее эффективности путем изменения структуры присутствия России на мировых рынках энергоносителей, создание условий для привлечения зарубежных инвестиций при соблюдении приоритета национальных интересов в построении отношений.

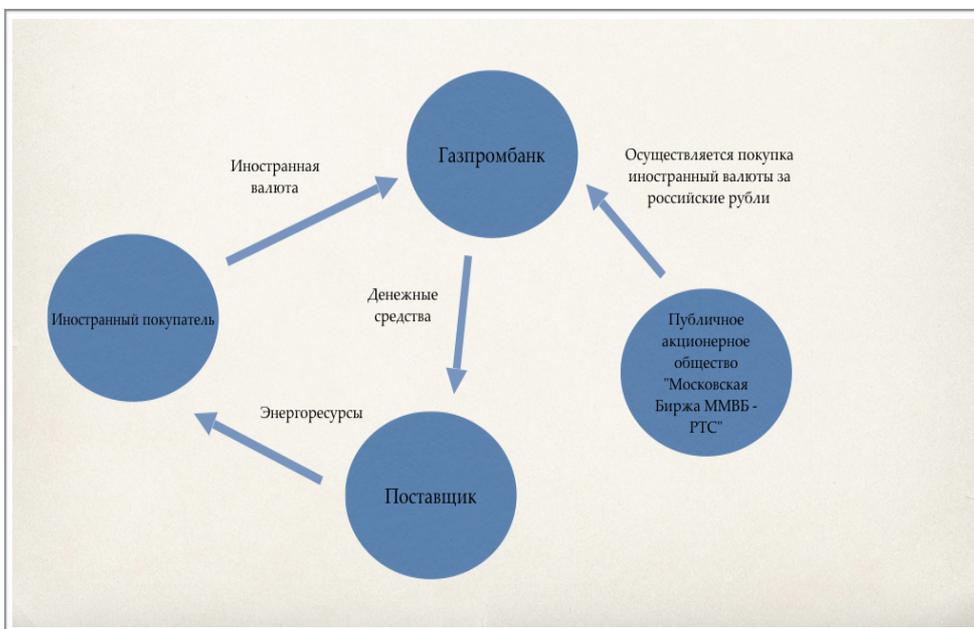
В связи с санкционным давлением со стороны Евросоюза президент РФ подписал указ о новых правилах продажи газа недружественным странам [1]. В.В. Путин отметил: «В этих условиях крайне важно использовать все механизмы для балансировки рынка, с учетом интересов всех сторон находить взаимоприемлемые развязки» [7]. Оплата поставок природного газа в газообразном состоянии (далее – природный газ) в недружественные страны, осуществляемых с 1 апреля 2022 года резидентами – участниками внешнеэкономической деятельности, производится в рублях.

Информация о соблюдении установленного настоящим указом порядка оплаты поставки природного газа представляется в таможенный орган. При

поступлении в таможенный орган информации о нарушении этого порядка он принимает решение о запрете такой поставки.

Иностранный покупатель производит перевод средств на специальный валютный счет типа «К» в иностранной валюте, указанной в контракте на поставку природного газа, а уполномоченный банк (акционерное общество «Газпромбанк») на основании поручения иностранного покупателя, полученного в порядке, установленном правилами уполномоченного банка, осуществляет продажу иностранной валюты, поступившей от иностранного покупателя на такой счет. Далее, на организованных торгах, проводимых публичным акционерным обществом «Московская Биржа ММВБ–РТС», зачисляются вырученные средства в рублях на специальный рублевый счет типа «К» этого иностранного покупателя и производится перевод зачисленных средств в рублях на открытый российским поставщиком в уполномоченном банке рублевый счет (таблица 1.)

Таблица 1.

Между Gasum и ООО «Газпром экспорт» действует долгосрочный контракт на поставку природного газа. В апреле 2022 года «Газпром экспорт» предъявил Gasum требование о том, чтобы платежи, оговоренные в договоре поставки, производились в рублях, а не в евро. Gasum это требование отклонила. Кроме того, как сообщала финская компания, у сторон возникли «существенные разногласия» и по некоторым другим требованиям российской компании. Для разрешения всех этих противоречий Gasum обратилась в Стокгольмский арбитражный суд в соответствии с договором. «Газпром экспорт» прекратил поставки газа компании Gasum в мае 2022 года.

Стокгольмский арбитражный суд 14 ноября 2022 года счел указ президента РФ о платежах за газ в рублях форс-мажором по контракту и обязал финскую государственную компанию Gasum выплатить 300 млн евро «Газпрому». Суд также обязал компании продолжить двусторонние переговоры по существующему контракту [8].

Rosneft Deutschland и Gazprom Germania – две дочерние компании российских корпораций, которые уже находятся под опекой Германии.

Теперь ФРГ вновь открыла для себя модель попечительства для решения проблем в энергетической отрасли. Однако речь не идет о приватизации компаний. Напротив, речь идет о государственном контроле с целью обеспечения надежного энергоснабжения Германии. В качестве правовой основы для опеки был реформирован Закон об энергетической безопасности 1975 года. ФРГ назначила Федеральное сетевое агентство в качестве опекуна сначала для Gazprom Germania, а теперь и для Rosneft Deutschland. Таким образом, агентство получило доступ к нефтеперерабатывающему заводу в Шведте. Оно также получает контроль над акциями нефтеперерабатывающих заводов в Карлсруэ и Фобурге. Это делается для того, чтобы обеспечить дальнейшее снабжение нефтеперерабатывающих заводов нефтью.

В будущем Федеральное сетевое агентство будет оказывать влияние на операционную деятельность компаний: оно может давать указания руководству. Кроме того, оно имеет возможность увольнять или назначать

новых членов руководства. Компании не могут принимать никаких решений, не одобренных доверительным управляющим, то есть Федеральным сетевым агентством. «На основании опеки, назначенной в соответствии с Законом об энергосбережении, первоначальный владелец больше не имеет полномочий давать указания», – заявило Федеральное сетевое агентство. Оно также подчеркнуло: «Попечителю предоставляется возможность играть решающую роль в обеспечении дальнейшего функционирования компании в соответствии с ее значением для функционирования сообщества в энергетическом секторе».

Как отмечает автор данного исследования, особое значение имеет контроль над средствами. Федеральное сетевое агентство осуществляет надзор за активами компаний, находящимися в доверительном управлении. Это означает, что никакие деньги не могут быть выведены в Россию. Тем не менее это не поглощение, то есть не национализация. В доверительное управление не переходят акции компаний. Компании Gazprom Germania и Rosneft Deutschland остаются во владении предыдущего владельца – России. Они сохраняют свой оборот, прибыль и убытки. После окончания срока временной опеки компании могут продолжать работать, как и раньше.

В Германии заявляют, что модель опеки не имеет ничего общего с экспроприацией. Закон об энергетической безопасности предусматривает такое масштабное вмешательство государства только в качестве крайнего средства. Немецкие политики сторонятся экспроприации. Как говорит федеральный министр экономики Роберт Хабек, экспроприация сложна и чревата неопределенностью. Правительство Германии опасается, что в этом случае Россия примет ответные меры и немедленно прекратит поставки нефти или полностью перекроет поставки газа. Кроме того, в случае экспроприации необходимо будет выплатить компенсацию предыдущему владельцу.

В свою очередь, «Роснефть» заявила, что передача ее активов регулятору Германии нарушает принципы рыночной экономики и цивилизованного общества.

«Роснефть» видит в этом нарушение всех базовых принципов рыночной экономики, основ современного общества и неприкосновенности частной собственности²¹.

Таким образом, можно отметить пробелы в международном праве в сфере торговли энергоресурсами. Разрыв отношений в области энергетики России со странами Евросоюза, отражается на мировом уровне цен, в частности возросли цены на природный газ. В настоящее время, основную роль начинает играть даже не цена энергоресурсов, ей достаточно быть конкурентно-способной, а именно долгосрочные гарантии сотрудничества.

Список используемой литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2022 г. № 172 (ред. от 30.12.2022 г.) «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47699> (дата обращения 16.03.2023 г.)
2. Егоров С.А. Международное право // М.: Статут, 2016. 213 с.
3. Руднева А.О. Международная торговля // М.: Инфра, 2013. 234 с.
4. Стенографический отчёт о пленарном заседании Международного форума «Российская энергетическая неделя» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/83/events/61704> (дата обращения 16.03.2023 г.)
5. Финская Gasum заявила, что суд счел необязательной оплату газа в рублях // Война санкций // Новостной портал РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/16/11/2022/6374c5379a79474f33f8e513> (дата обращения 16.03.2023 г.)
6. Суд в Германии отклонил иск «Роснефти» из-за внешнего управления «дочек» Война санкций // Новостной портал РБК. URL:

21 Новостной портал РБК (<https://www.rbc.ru/politics/14/03/2023/64107a789a794795b1e22cdd>). Дата обращения: 16.03.2023.

<https://www.rbc.ru/politics/14/03/2023/64107a789a794795b1e22cdd> (дата обращения 16.03.2023 г.)

7. Форум «Российская энергетическая неделя» (официальный сайт Президента РФ <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/83/events/61704>) Дата обращения 16.03.2023.

8. Новостной портал РБК (<https://www.rbc.ru/business/16/11/2022/6374c5379a79474f33f8e513>) Дата обращения 16.03.2023.

Борисенко Софья Андреевна,
студентка 3-го курса факультета международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России,
son.chas13@yandex.ru

Научный руководитель:
Тимакова Ольга Александровна,
к. полит. наук,
доцент кафедры политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России,
o.timakova@dipacademy.ru

Sofia A. Borisenko,
Third-year student of the International Relations Faculty,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
son.chas13@yandex.ru

Scientific advisor:
Olga A. Timakova,
Candidate of Science in Politics,
Associate Professor, Faculty of Political Science and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation,
o.timakova@dipacademy.ru

**НОВЫЙ ВИТОК ЭСКАЛАЦИИ НАПРЯЖЕННОСТИ
В ГРЕКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 2022–2023 ГГ.:
ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ**

**A NEW ROUND OF ESCALATION OF TENSION IN GREEK-
TURKISH RELATIONS IN 2022-2023: ORIGINS AND ESSENCE**

Аннотация: динамика греко-турецких отношений является одним из ключевых факторов, определяющих архитектуру безопасности Восточного Средиземноморья. Очередной виток напряженности между Грецией и Турцией подчеркивает актуальность систематизации основных противоречий во взаимодействии двух стран. Автором проведен анализ нарративов, превалирующих в выступлениях официальных лиц Греции и Турции, на основе чего определены траектории развития отношений двух стран.

Ключевые слова: греко-турецкие отношения, Восточное Средиземноморье, региональная безопасность, НАТО, милитаризация.

Abstract: the dynamics of Greek-Turkish relations are one of the key factors shaping the security architecture of the Eastern Mediterranean. Another spiral of tensions between Greece and Turkey underscores the relevance of systematizing the main contradictions in the interaction between the two countries. The author has analyzed the narratives prevailing in the speeches of Greek and Turkish officials, on the basis of which the trajectories of the crisis in the relations between the two countries are identified.

Keywords: Greek-Turkish relations, Eastern Mediterranean, regional security, NATO, militarization.

Греция и Турция занимают особое место в архитектуре безопасности региона Восточного Средиземноморья. Одной из его особенностей является уникальное географическое положение. Это трансграничный регион между европейским пространством и Ближним Востоком. Греция – страна–член Европейского союза, а Турция – одно из ведущих государств – лидеров Ближнего Востока. Хотя обе страны являются членами военно-политического оборонительного альянса НАТО, отношения между этими двумя государствами на каждом этапе их развития в целом могут быть охарактеризованы как конфликтные. Определенная доля статичности противоречий между Грецией и Турцией тем не менее может быть систематизирована в циклы улучшения и ухудшения отношений. Так, сегодня, накануне выборов 2023 года (в Греции и Турции), в риторике лидеров на первый план выходят их внешнеполитические «достижения»: визиты в страны иностранных коллег, милитаризация и приверженность (как в дискурсе, так и выражающаяся в материальном эквиваленте) своим позициям по украинскому кризису.

Сегодня Анкара имеет несколько внешнеполитических интересов в Средиземноморье, включая споры с Грецией, Кипром и Египтом относительно газовых месторождений в Восточном Средиземноморье. Турция является крупнейшим потребителем газа в регионе, и ее экономика сильно зависит от его импорта. Соответственно, разработка этих месторождений имеет стратегическое значение и может не только уменьшить зависимость от импорта газа из других стран, но и принести значительные доходы в государственный бюджет. Кроме того, Турция стремится защитить свои национальные интересы и увеличить геополитическую значимость в регионе, а также обеспечить свою безопасность и стабильность в Средиземноморье [23]. У Греции также есть приоритеты в регионе. Это защита своей территориальной целостности и национальных интересов, а также сохранение своих прав на ресурсы в Восточном Средиземноморье. В 2019 году Греция заключила договор с Египтом о разделе морских границ между двумя странами, который определяет их исключительные экономические зоны [6]. Этот договор также дает Греции право на разведку и добычу углеводородов в данной зоне, что, как мы наблюдаем, противоречит интересам турецкой стороны.

Таким образом, можно предположить, что противоречия, сказывающиеся на системе обеспечения региональной безопасности, разворачиваются вокруг делимитации Эгейского моря и кипрского кейса, а также энергетического потенциала Восточного Средиземноморья. Ситуация осложняется членством обоих акторов международных отношений в НАТО. Существует и идейно-ценностное измерение противостояния: православная экономически зависимая опора евроатлантизма на Балканском полуострове и ее светский (хотя и с явными признаками неоисламизма) турецкий сосед, твердо придерживающийся позиции «двустулья» [21] во имя национальных интересов, чье руководство проводит неоднозначную монетарную политику.

витка эскалации греко-турецких отношений и дискурса вокруг него. Также требуется выявить перспективы развития кризисной ситуации в регионе в краткосрочный период.

Эволюция геополитического статуса Греции и Турции как источник конфликта

В XX в. Греция была одним из самых авторитетных субъектов влияния на пространстве Восточного Средиземноморья. Государство успешно реализовывало национальные интересы во внешней политике, и во главе стоял волевой лидер, сумевший мобилизовать внутренние ресурсы на ее осуществление реформаторским путем. Ярчайшим примером является эпоха Элефтериоса Венизелоса. За время его первого премьерства (1910–1915 гг.) Греция по итогам Балканских войн увеличила свою территорию более чем в два раза. Ее стали называть страной двух континентов и пяти морей [3] после заключения Севрского мира, разделившего арабские и европейские владения Османской империи после Первой мировой войны. Но Великое национальное собрание Турции восприняло условия этого договора как несправедливые и колониалистские, не ратифицировав документ [17, 441–444]. Естественным образом это подстегнуло антигреческие настроения в стране. Параллельно в Греции нарастал внутривластный кризис. И, таким образом, совокупность факторов привела к тому, что в ходе второй Греко-турецкой войны 1919–1922 гг. турки оказались на победителями. Поражение Греции в этом конфликте означало крах «Великой идеи» как попытки воссоздания единого греческого мира после проигранных войн, Малоазийской катастрофы, а также в дальнейшем ввода турецких войск на территорию Кипра в 1974 году. Греция оказалась смещенной с позиции ключевого актора международных отношений межрегионального масштаба из-за своих идеологических и территориальных противоречий с турецким визави.

Несмотря на разные политические программы премьер-министров Греции в начале XXI в., правительство Греческой Республики взяло

последовательный курс на мирное сосуществование в рамках Лозаннского мирного договора 1923 года [11]. Поле противостояния перешло с Анатолии на акваторию Эгейского моря и Кипр, основные части условий Лозаннского соглашения и болевые точки вплоть до сегодняшнего дня. Особенно ярко в начале века прослеживалось развитие кипрского кейса. Так, греками-киприотами в ходе референдума 2004 года был отвергнут план Аннана, предлагавший создание нового государства из двух автономий, а турецкое сообщество в большинстве его поддержало. В том же году южная часть острова вступила в Евросоюз, а сама ситуация, осложненная планами Республики Кипр (далее – РК) по разработке газовых месторождений, зашла в тупик. С тех пор сам факт признания суверенитета как Турецкой Республики Северного Кипра, так и РК является фактором взаимного непрямого давления.

Так, оба государства вплоть до третьего десятилетия XXI века не проявляли признаки открытой конфронтации [22; 1]. Но это не означает, что скрытых шагов не предпринималось. Во-первых, откладывание разрешения территориальных споров переносилось на неопределенный срок, во-вторых, секьюритизация со стороны Анкары миграционных потоков в Восточном Средиземноморье, в-третьих, рост националистической популистской риторики в Турецкой Республике. Все три фактора в совокупности на протяжении долгого времени подпитывали негативное восприятие соседа.

С приходом к власти в Турции в 2002 году Партии справедливости и развития внешняя политика страны стала согласовываться с политической линией «ноль проблем с соседями» [12]. Сегодня политическая программа Р.Т. Эрдогана представляет собой переосмысленные внешнеполитические идеи времен Османской империи. Они живут по сей день и активно воплощаются посредством инструментов «мягкой силы» (культурных обменов, образовательных программ и стажировок, а также интеграционных проектов «Организация тюркоязычных государств», «Великий Туран» и др.). Однако что касается внешнеполитических инициатив государства в регионе, то, например, упомянутая выше концепция «ноль проблем с соседями»

трансформировалась под влиянием идейно-ценностного фактора в стремление обрести региональное и глобальное лидерство. На практике создается впечатление, что проблемы есть в отношениях с каждым соседом. Данная политическая программа должна была дополнить стратегию «Голубая Родина» 2006 года, цель которой – вернуть Турции доминирующую роль в Средиземном море, а также торговую и морскую мощь путем эксплуатации тех зон моря, которые закреплены юридически за Грецией.

Таким образом, можно установить, что основные противоречия между сторонами развиваются в двух сферах: военно-политической (геополитической) и экономической. В военно-политической сфере геополитические интересы сторон можно охарактеризовать следующим образом. Турция стремится заполнять геополитические вакуумы, наиболее активно на территориях образовавшихся после распада Советского Союза. Греция во внешней политике скорее проявляет себя не как субъект влияния, но как объект воздействия Европы, Китая, США и отчасти России (в случае с РФ это православные, культурные и энергетические точки сближения). И, соответственно, в регионе Восточного Средиземноморья сталкиваются реальные экспансионистские интересы крупного суверенного актора в лице Анкары Эрдогана и латентные внешнеполитические интересы Афин Мицотакиса, за которыми стоят крупнейшие страны Европы и США.

Что касается экономической сферы, то основные противоречия во взаимодействии Греции и Турции касаются разделения морского пространства Средиземноморья. Сложившейся обстановке во многом поспособствовали те условия Лозаннского мирного договора, которые не отвечают современным геополитическим амбициям правительства Эрдогана, в частности обязательства обеспечивать свободный проход через проливы Босфора и Дарданеллы иностранных кораблей и признавать суверенитет некоторых островов Греции в Эгейском море. Ситуация усугубляется тем, что именно в спорных районах залегают крупные месторождения газа, востребованного с учетом разворачивающегося энергетического кризиса.

Закрепляя свои претензии, Турция заключает меморандум о взаимопонимании с Ливией по разграничению морских зон [9], который ни Греция, ни ЕС не признали. Он противоречит условиям Лозаннского договора, а следовательно, позициям Греции.

Специфика витка эскалации в двусторонних отношениях

2022 год стал переломным в греко-турецких отношениях. И не только вследствие открытия новых газовых месторождений в акватории Восточного Средиземноморья, но и реальной угрозы военного столкновения между странами. Так, в августе 2022 года турецкие F-16 над Эгейским морем попали на радар ВВС Греции, дислоцированных на Крите, что вскрыло факт милитаризации островов в Эгейском море, которые должны по условиям международных соглашений оставаться демилитаризованными.

Также необходимо отметить, что разнятся и подходы к восприятию нового витка эскалации двусторонних отношений. Кириакос Мицотакис призывает Анкару пойти по «пути осмысленного диалога: «[Турция] может монотонно повторять свою ложь и угрозы. Однако в этом танце ряженых она остается одна. Мы сохраняем спокойствие и уверенность в своих ясных позициях с силой международного права, ... поддержкой наших союзников» [4]. А министр обороны Турции Хулуси Акар обвиняет греческих политиков в том, что они «оторваны от разума и справедливости» и что «турки полны решимости и способны защитить права и интересы в Эгейском море и Восточном Средиземноморье» [13]. Греция позиционирует себя как образец боевой и политической подготовки в рядах НАТО, а ее коллега Турция имеет образ некоего *enfant terrible* среди союзников по блоку.

Отсюда можно выделить ключевые характеристики и особенности нарративов в условиях текущего периода развития греко-турецких отношений.

Во-первых, использование концепции «справедливости» – одного из базовых понятий в межгосударственных отношениях, укладываемых в логику дихотомии «Запад – Восток». Еще Дж. Кеннан писал о том, что идея главенства мирового закона несовершенна [25, с. 126], так как она игнорирует глубинное и идейно-ценностное измерение причин конфликтных ситуаций, таких как марионетизация государств, идеологические атаки и секьюритизация объектов «мягкой силы» (в случае греко-турецких отношений сегодня наиболее ярко демонстрируют это миграционные потоки). Анкара предлагает свою трактовку понятия «справедливость», которую она на правах автора если не противопоставляет нормам международного права, то придает им нужные смыслы. Синдром ущемленности системой международных отношений [19, 173] со времен Лозаннского договора 1923 года Турция в лице Эрдогана демонстрирует и сегодня, что более справедливый мир возможен, и ради него в отношениях с Грецией она будет готова пойти на применение жесткой силы, чтобы отстоять ревизионистскую идею и вернуть статус-кво, удовлетворяющий территориальные интересы Турецкой Республики. Греция – поборник евроатлантического концепта справедливости. Она настаивает на дипломатии как на инструменте. Она стремится сравняться с соперником в «гонке вооружений» по военной мощи благодаря разработкам национальной системы защиты от дронов и франко-американо-германских военных разработок. И именно на идейно-ценностном уровне двух концептов справедливости и ведется сейчас наиболее активная фаза борьбы.

Во-вторых, греко-турецкая «дипломатия землетрясений» [2] времен 1999 года трансформировалась в «дипломатию пожаров, взрывов и землетрясений», которая эффективно используется для поддержания имиджа политиков. Это выражается в персональных высказываниях как в СМИ, так и в личных соцсетях государственных деятелей, что всегда приковывает повышенное внимание аудитории. Летом 2021 года в Турции вспыхнули лесные пожары огромных масштабов [14]. В октябре 2022 года произошел взрыв на шахте в Бартыне [15]. В феврале 2023 года страну потрясли

землетрясения, унесшие жизни около 40 тыс. человек [7]. Во всех случаях греческая сторона направляла гуманитарную помощь, контингент спасателей и соболезнования соседям. В СМИ, в общественном сознании, на высшем политическом уровне разногласия не упоминались и трагедия позиционировалась как общая.

В-третьих, в данном конфликте играет роль отсутствие однозначной приверженности западных партнеров и США одному из государств – Греции или Турции. В первую очередь даже упоминание о том, что НАТО придерживается, например, греческой стороны конфликта будет дипломатическим демаршем и поставит под вопрос фундаментальность солидарности в альянсе. Кроме того, греческая социальная политика, демография и зависимость от экономической помощи ЕС и без вооруженного столкновения с соседями негативно влияют на совместимость государственных внешнеполитических приоритетов и приоритетов союзников по Европейскому сообществу. Немаловажно упомянуть заинтересованность НАТО в ратификации Турцией заявки на вступление Финляндии и Швеции, что, очевидно, является рычагом давления Анкары. И именно поэтому весьма спорно, что страны Североатлантического альянса будут открыто противостоять одному из своих партнеров. В то же время, вероятно, поддержка ограничится призывами к миру между Греческой и Турецкой Республиками.

В-четвертых, «образ врага» на границе используется сторонами в политической программе в предвыборной кампании как эффективное средство консолидации электората [24]. Традиционно восприятие греками и турками друг друга как врагов формировалось на основе недоброжелательных, неприязненных отношений и исторической памяти. Факты истории Малоазийской катастрофы передаются из поколения в поколение. Так, в крупнейшей правоцентристской газете Греции (Η Καθημερινή) регулярно выходят статьи о том, что «Турция <...> строит на границе империю» [8], и другие с подобной тематикой.

В-пятых, страны следуют тренду на проведение секретных переговоров, о которых не сообщается на государственных порталах. Политики не хотят, чтобы подробности этих переговоров освещались в СМИ, так как для них информация, которая просачивается в прессу, это, весьма вероятно, удар по имиджу. Недавняя встреча подобного характера состоялась между пресс-секретарем Эрдогана Ибрагимом Калином и директором дипломатического офиса премьер-министра Мицотакиса Анной-Марией Бура, о чем стало известно из утечки в прессу [1]. Тайная дипломатия эллинского правительства привела к частичной демилитаризации островов Эгейского моря. Но в силу секретности переговоров и отсутствия информации о том, какие позиции занимали стороны, нельзя делать никакие однозначные выводы. Однако можно определить этот тренд как перспективный, он в совокупности с эффективной дипломатией может иметь решающее значение. Необходимо дождаться результатов выборов в этих республиках, так как смена первого лица в обоих случаях может свести на нет наблюдающуюся тенденцию.

В-шестых, стороны обладают разным уровнем военной силы, и сам процесс развития военной мощи протекает по разным моделям. С 2017 года Анкара провела на севере Сирии три военные операции, а развитие четвертой мы наблюдали в 2022 году. Таким образом, турецкая армия боеспособна и имеет реальный опыт ведения военных действий. По данным рейтинга Global Firepower на 2023 год, турецкая армия считается 11-й по мощи среди 138 стран [16]. В отличие от Турции, Греция более сконцентрирована на учениях и принимает участие в миссиях НАТО и ЕС. Однако Греция и США в 2019 году подписали новое соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности, согласно которому число американских военных баз в стране увеличится в два раза – с четырех до восьми [10]. На бумаге все выглядит логично, если не принимать во внимание то, что в своих надеждах на США и НАТО Греческая Республика может составить ошибочное представление.

В-седьмых, греческий истеблишмент, несмотря на его приверженность атлантизму, проявляет признаки к стремлению занять более выигрышные переговорные позиции и минимизировать тактическую зависимость от США и своих партнеров в Европе. Так, в интервью телеканалу ANT1 К. Мицотакис объявил, что правительство Греции отказалось передавать военную базу в Александруполисе иностранным инвесторам: «... Александруполис имеет такое большое стратегическое, геополитическое и энергетическое значение для нашей страны, что он должен оставаться в собственности греческого государства и конкретно (Фонда по использованию госимущества) HRADF, у которого также есть возможность развивать порт и использовать полностью его возможности» [5]. Александруполис имеет потенциал стать одним из ключевых хабов для Пентагона по увеличению своего военного присутствия в Европе, газовым хабом, через который в Европу попадает американский СПГ, и гуманитарным хабом для экспорта украинского зерна и других товаров

Заключение

Таким образом, в результате анализа политического нарратива наблюдается различное отношение Афин и Анкары к эскалации многовекового двустороннего конфликта. Турецкая сторона исходит из желания восстановить историческую справедливость в рамках процесса формирования «более справедливого» мира. Анкара наращивает военно-промышленный комплекс посредством инструментов «мягкой силы», усиливает влияние в регионах, которые могут укрепить ее позицию одного из мировых энергетических хабов [20]. Греция же рассчитывает на реализацию украинского сценария в случае конфликта с Турцией, в котором НАТО и ЕС предоставили бы Афинам помощь. В турецком векторе своей политики Греция преследует, в силу многофакторной зависимости, не собственно греческие, а якобы греческие интересы. Такие действия направлены на поддержание очага нестабильности в регионе как фактора сдерживания и отвлечения.

В рамках теории Дж. Миршаймера о наступательном реализме Анкара и Афины стоят перед настоящей дилеммой: меры, которые одно государство принимает для самозащиты, неизменно кажутся наступательными и агрессивными по своей природе и порождают ответные шаги [18]. Это можно классифицировать в рамках данной теории как «трагедию» ключевых, но региональных держав, таких как Греция и Турция. Поскольку обе страны понимают эту логику и руководствуются ею, они в конечном итоге конкурируют друг с другом за влияние в регионе. И несмотря на то что на фоне СВО на Украине повысился градус двусторонней полемики и усугубились имеющиеся общие проблемы, которые могли бы стать сближающим фактором, греческая сторона проявляет первые признаки переосмысления своего внешнеполитического поведения в сторону частичной суверенизации, что может способствовать примирению сторон. Но экономический фактор, как мы убедились, имеет значение. Греция до сих пор не смогла полностью преодолеть национальный долговой кризис и имеет зависимую от иностранных дотаций и инвестиций экономику, что сказывается на внешнеполитическом поведении государства. Турция, в свою очередь, в 2022 году показала, что может умело лавировать между великими державами в условиях кризисов, параллельно укрепляя свой геополитический статус как медиатор, а также имеет достаточно рычагов влияния. Отсюда вытекает и необходимость мирно бороться с настоящей эскалацией напряженности.

В конце концов можно утверждать, что настоящий виток эскалации в греко-турецких отношениях только преодолевает свой начальный этап и основная фаза развития произойдет в 2023 году. Этот год будет ознаменован выборами в обеих странах. И, соответственно, к их итогам должно быть приковано самое пристальное внимание исследователей, так как именно вопрос, кто придет или останется у власти, предопределит дальнейшее развитие отношений в регионе.

Список источников и литературы

1. Εθνικός κίνδυνος η μυστική διπλωματία. Newsbreak.gr — URL: <https://www.newsbreak.gr/politiki/409927/ethnikos-kindynos-mystiki-diplomatia/>
2. Ελληνοτουρκική διπλωματία των σεισμών — URL: https://el.wikipedia.org/wiki/Ελληνοτουρκική_διπλωματία_των_σεισμών
3. Μικρασιατική Εκστρατεία 1919-1922 - Η Συνθήκη Των Σεβρών — URL: <https://slpress.gr/idees/i-ellada-ton-dyo-ipeiron-kai-ton-pente-thalasson/>
4. Ομιλία του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη στην 77η Σύνοδο της Γενικής Συνέλευσης του ΟΗΕ — URL: <https://primeminister.gr/2022/09/23/30245>
5. Συνεντευξη Μητσοτάκη Στον Αντ1 7-11-2022 — URL: <https://youtu.be/EBRUB4Gsw4k>
6. Egypt and Greece sign agreement on exclusive economic zone. Reuters — URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-greece-idUSKCN252216>
7. Kahramanmaraş merkezli depremlere ilişkin ön inceleme raporu hazırlandı — URL: <https://www.aa.com.tr/tr/asrin-felaketi/itu-kahramanmaras-merkezli-depremlere-iliskin-on-inceleme-raporu-hazirladi/2823518>
8. Like Russia, Turkey eyes new empire — URL: <https://www.ekathimerini.com/opinion/1200488/like-russia-turkey-eyes-new-empire/>
9. Memorandum of Understanding between the Government of the Republic of Turkey and the Government of National Accord – State of Libya on delimitation of the maritime jurisdiction areas in the Mediterranean. URL; [https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/Turkey_11122019_\(HC\)_MoU_Libya-Delimitation-areas-Mediterranean.pdf](https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/Turkey_11122019_(HC)_MoU_Libya-Delimitation-areas-Mediterranean.pdf)
10. The Mutual Defense Cooperation Agreement Between The Government Of The United States Of America And The Government Of The Hellenic Republic URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/07/20-213-Greece-Defense-TIMS-62163.pdf>
11. Treaty of Lausanne 1923. — URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Lausanne

12. Turbedar E. Turkey's New Activism in the Western Balkans: Ambitions and Obstacles // Insight Turkey. Vol. 13, no. 3. P. 139–158.
13. Акар: Турция будет защищать свои интересы в Эгейском море, на востоке Средиземного моря — URL: <https://artzeus.pro/akar-tyrciia-bydet-zashishat-svoi-interesy-v-egeiskom-more-na-vostoke-sredizemnogo-moria/>
14. В Анталье зафиксировали крупный лесной пожар. ТАСС — URL: <https://tass.ru/proisshestviya/12007783>
15. ИА Красная Весна. Греция предложила Турции помощь на взорвавшейся шахте— URL: <https://rossaprimavera.ru/news/38ebceба>
16. Рейтинг Global Firepower за 2023 г. — URL: <https://www.global-firepower.com/countries-listing.php>
17. Current History, Volume 13, New York Times Co., 1921, «Dividing the Former Turkish Empire» pp 441-444 — URL: https://books.google.ru/books?id=jbcqAAAAYAAJ&pg=PA443&redir_esc=y
18. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton, 2001. p. 30 URL: <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/07/A0010.pdf>
19. Аватков В.А. (2022). Аналитические центры и научная политика Турции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. No 2. С. 173–190.
20. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Коридоры турецкого влияния: евроазиатский путь Анкары // Геоэкономика энергетики. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koridory-turetskogo-vliyaniya-evroaziatskiy-put-ankary>
21. Аватков В.А. Турецкое двустулье: не опять, а снова. URL: <https://politinform.su/print:page,1,152372-tureckoe-dvustule-ne-opjat-a-snova.html>
22. Козик К. А. Турецко-греческие отношения в начале XXI В. : пути развития сотрудничества // Общество: философия, история, культура. 2016.

№9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetsko-grecheskie-otnosheniya-v-nachale-xxi-v-puti-razvitiya-sotrudnichestva>

23. Кулиева Н. От «стратегической глубины» к «голубой родине»: новая турецкая политика в Восточном Средиземноморье. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ot-strategicheskoy-glubiny-k-goluboy-rodine-novaya-turetskaya-politika-v-vostochnom-sredizemnomore/>

24. Минаева Н.С. Русинов С.А. Оценка манипулятивного воздействия средств массовой информации при создании «образа врага» — URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4101/3/pv-19-09.pdf?ysclid=lea134wz4z451948250>

25. Райкова В. А. Идея справедливости в международных отношениях XX В. В политической философии Дж. Кеннана // Псковский военно-исторический вестник. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-spravedlivosti-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-xx-v-v-politicheskoy-filosofii-dzh-kennana>

Рамеев Оскар Батуевич,

студент,

Дипломатическая академия МИД России,

mr.rameev@mail.ru

Oskar B. Rameev,

Student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

mr.rameev@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
НА ПОЛИТИКУ ЯПОНИИ
IMPACT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS
ON JAPAN'S POLICY**

Аннотация: статья посвящена изучению степени влияния концепции и Целей устойчивого развития на политику, проводимую Японией, а также выявлению возможности использования этой повестки как фактора взаимодействия России с Японией.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, Япония, энергетическая политика, социальная политика, внешняя политика.

Abstract: the article is about the impact of the Sustainable Development Goals and concept on Japan's policy and identification opportunities for using this agenda as a factor of interaction between Russia and Japan.

Keywords: Sustainable Development Goals, Japan, energy policy, social policy, foreign policy.

Япония – одна из ведущих стран в реализации Целей устойчивого развития. В силу исторических обстоятельств подход японцев к природе и обществу отличается от подхода других стран, относящихся к «западному миру». При этом достижения Японии по ключевым показателям ЦУР также не соотносятся с показателями по региону. Страна по показателям относится скорее к развитым странам Запада, а по расположению и культуре – к Востоку. Что послужило причиной такого успеха? Насколько велика доля ЦУР в

политике Японии? Каким образом Россия может взаимодействовать с Японией по теме устойчивого развития?

Формирование японского взгляда на природу и экологию началось задолго до появления Целей устойчивого развития. С древних времен природное начало заложено в японской религиозной жизни. Обращение к ками, богам, во время проведения ритуальных праздников мацури, в первую очередь связанных с сельскохозяйственной деятельностью, подчеркивает единение японских божеств с природой [3]. Ками были в природе во всем, следовательно, у японцев не сложилось концепции противоборства человека и природы или идеи о главенстве человека над природой. Веками островной народ учился жить в тяжелых природных условиях и подстраивал свою деятельность под сезоны и стихийные бедствия. Историческая гармония японцев с природой отражается и в концепции устойчивого развития. Страна стремится поделиться своим опытом и знаниями, что сравнимо с позицией «ментора».

С масштабной индустриализацией после Второй мировой войны началось и загрязнение окружающей среды. Следуя многовековой культуре, японское общество было обеспокоено стремительным ростом антропогенного следа. В силу этого еще в 1970-х гг. началась интеграция зеленой повестки в систему образования, например включение в образовательные программы всех уровней школы положений об экологии в 1971, 1977 и 1978 годах [9]. Школьникам преподавали базовые знания о природе, взаимодействии человека и природы, внутренних природных связях и привычные нам дисциплины об окружающей среде. Система образования, выстроенная в последующие годы, обеспечила осведомленность населения об экологических проблемах и необходимости принятия действий, направленных на повышение устойчивости и сохранение природы. Эта же система позволила сохранить традиционную гармонию японского общества и природы, несмотря на ошеломляющие темпы экономического развития и индустриализации.

В силу и культурного аспекта, и уровня экономического развития Япония претендует на «лидерство» в рамках Целей устойчивого развития, если не в мире, то в регионе. Инициирование Киотского протокола в 1997 году стало одним из шагов страны к достижению своей цели. В рамках этого международного соглашения предполагалось количественное сокращение выбросов парниковых газов в основных странах-эмитентах.

В 2009 году по предложению Японии был создан Региональный форум 3R в Азии в качестве платформы для широкого сотрудничества по продвижению 3R – reduce, reuse and recycle – в Азии. Членами форума являются правительства, международные агентства, агентства по оказанию помощи, организации частного сектора, исследовательские организации, НПО и другие соответствующие стороны. Члены форума провели обсуждения на высоком уровне по вопросам политики, оказали поддержку в реализации проектов 3R в странах-членах, обменялись полезной информацией и в настоящее время создают сети для дальнейшего продвижения инициатив 3R. Япония провела первый Региональный форум 3R в Токио в 2009 году и выступила спонсором последующих форумов совместно с правительствами принимающих стран и Центром регионального развития ООН (UNCRD). После четвертого форума название было изменено на Региональный форум 3R в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Укрепление положения Японии на международной экологической арене позволило стране продвигать дальнейшие проекты, которые бы дали ей возможность закрепить за собой лидирующие позиции и усилить свое влияние. Таким проектом стал JCM (Joint Crediting Mechanism) – Совместный механизм кредитования, суть которого заключается в соглашении между Японией и другой страной по поставке технологий, позволяющих сократить выбросы парниковых газов. Сокращение засчитывается как для страны-импортера технологий, так и для Японии. О создании механизма было объявлено в 2015 году на климатическом саммите во Франции.

Япония исторически предрасположена к успешному освоению различных зеленых концепций и устойчивого развития, а действия на международной арене подтверждают приверженность Страны восходящего солнца данной политике. Следует рассмотреть отражение повышения интереса страны к УР и зеленой повестке в рамках официальных документов с помощью контент-анализа.

Для проведения анализа были выбраны слова, относящиеся к концепции устойчивого развития и самим ЦУР. Слова были сгруппированы по трем направлениям: энергетика, экология, общество (социальная политика). К направлению «энергетика» были отнесены слова: энергия, ресурсы, возобновляемый, диверсификация, топливо. Группа «Экология» включает в себя слова: экология, выбросы, загрязнение, зеленый, парниковый газ, окружающая среда, углерод, климат, устойчивое развитие и рост. Следующие слова были определены в группу «Общество»: социальный, равенство, голод, здоровье, образование. При проведении анализа рассматривались документы как на японском, так и на английском языках (в официальном переводе, предоставленном на сайтах государственных органов страны), а также были учтены слова в многообразии формулировок и языковых издержек, необходимых для учета при переводе. Для более точного определения изменений были использованы документы внутренней и внешней политики, анализ представлен ниже.

Стратегия национальной безопасности Японии является одним из основополагающих документов государства, что делает отражение в нем идей УР и ЦУР наиболее явным проявлением популяризации данной политики. Для изучения были выбраны два документа: Стратегия 2013 года [12] и Стратегия 2022 года [13]. В результате было определено, что значительно снизилась частота использования в тексте слов по группам «Энергетика» и «Общество» (на 43,96% и 40,65% соответственно), а слова группы «Экология» появлялись в тексте чаще на 7,52%. Однако даже в группах слов со значительно упавшей частотой использования заметны «зеленые» изменения. Например, в рамках

группы «Энергетика» более чем в 2 раза сократилась частота появления слова 'ресурсы', а слово 'возобновляемый', наоборот, стало появляться в 2 раза чаще. Это сигнализирует об изменении политики Японии, как внешней, так и внутренней. Энергетическая безопасность трансформируется из зависимости от партнерских стран-экспортеров ресурсов в необходимость развития возобновляемых источников энергии, которые и приведут к независимости Японии и движению страны по пути УР. В рамках внутренней политики стоит отметить общее наличие терминов по устойчивому развитию в таких документах, как «Базовый план по науке, технологиям и инновациям 2021» [1] и «Базовая политика по экономике, фискальному менеджменту и реформам 2021» [2].

Документом, определяющим вектор развития внешней политики Японии, является Голубая книга дипломатии, выпускаемая ежегодно. В ней отражается видение Японией международной ситуации и основных направлений японской внешней политики. Голубые книги отобраны по символическому соответствию годам основных международных событий, связанных с экологией и УР. Следовательно, документы датируются 1972 [4], 1992 [5], 1998 [6] (так как Книга 1998 года посвящена 1997 году) и 2015 годами [7]. Также проанализирована Книга 2022 года [8] для отображения новых тенденций. Результат анализа представлен на графике (рис.1).

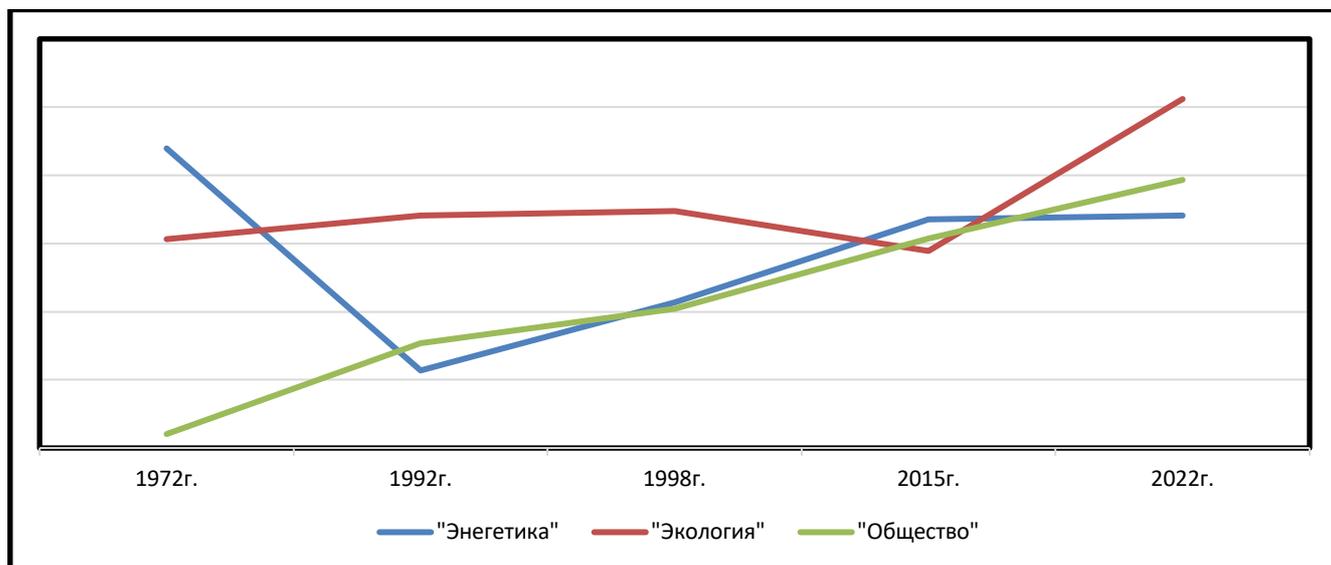

Рис. 1. Частота использования в Голубых книгах внешней политики Японии слов, связанных с устойчивым развитием

Заметен, хотя и с некоторыми отклонениями, общий вектор развития японской внешней политики. В основных внешнеполитических документах увеличивается частота употребления вышеупомянутого перечня слов, что, в свою очередь, свидетельствует о повышении интереса политических кругов Японии к проблемам, связанным с устойчивым развитием. Однако необходимо отметить значительное снижение показателя по словам из группы «Энергетика» между 1972 и 1992 годами. Связано это определенно с надвигавшимся мировым топливным кризисом 1973 года, что определило столь высокий интерес к проблеме энергоносителей и ресурсов в 1972 году. Впоследствии интерес значительно упал, но приобрел тот же вектор (см. Рис.1), что и остальные отслеживаемые показатели. Следует также отметить, что слово 'ресурсы' в 1992 году использовалось в 6 раз реже, чем в 1972 году, а употребление слова 'энергия' возросло почти в 2 раза. Данные свидетельствуют о повышении обеспокоенности властями Японии по поводу энергии (атомной, чистой и т.д.) и об ослаблении «ресурсного» вопроса.

Оба вышеизложенных анализа показывают рост доли экологии, зеленой повестки и устойчивого развития в политике Японии. Подкрепляется это увеличением зеленых международных проектов данной страны за последние годы. Рассмотрение возможно на примере вышеупомянутых JCM проектов.

В соответствии с перечнем JCM проектов, опубликованным Министерством окружающей среды Японии 10 февраля 2023 года, число взаимных договоренностей, заключенных в 2011 году, составляет 7, а таких от 2022 года уже 38 [10]. Количество ежегодно создаваемых проектов возросло на 542,8% за 11 лет, что является достаточно большим показателем. Динамика вовлечения Японии в международные проекты по данному направлению стремительно растет, что в очередной раз подчеркивает существенное влияние повестки УР на политику страны.

Устойчивое развитие и международная экологическая повестка действительно оказывают значительное влияние на политику, проводимую Японией. Оно обусловлено множеством факторов, в том числе историческим.

Японские традиции и культура предопределили высокую связь страны с экологическим компонентом устойчивого развития. Географическое положение и особенности страны, высокая плотность населения и небольшое количество природных ресурсов, в свою очередь, повлияли на заинтересованность Японии в энергетической составляющей концепции. Социальные проблемы, последовавшие за стремительным ростом экономики и корнями уходящие в культуру японцев, обуславливают необходимость социальной поддержки населения, что также отражено в ЦУР. Япония имеет и исторические предпосылки, и актуальные проблемы, решение которых может содержаться в ЦУР, именно поэтому влияние данной концепции на проводимую страной политику постоянно возрастает. Степень влияния возможно определить по официальным документам. Например, в Голубой книге за 2022 год «глобальные проблемы» вынесены в отдельную главу наравне с экономической политикой и японо-американским взаимодействием по безопасности – двумя традиционно крайне важными для Японии направлениями [8].

Для Российской Федерации, с учетом современной политики «поворота на Восток», достаточно важно проанализировать возможность сотрудничества с азиатскими странами для увеличения влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Япония в АТР играет значительную роль в силу развития экономики и уровня влияния на развивающиеся страны региона. Традиционный партнер России в АТР – Китай, однако Япония может стать также значимым партнером, а сотрудничество возможно осуществлять посредством устойчивого развития и экологии. Для рассмотрения данной возможности необходимо проанализировать государственные стратегии обоих государств.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 года определяет основные национальные приоритеты России следующим образом: социальная политика (развитие человеческого потенциала, защита традиционных ценностей и др.), обеспечение безопасности в информационной сфере, экология (охрана окружающей среды, адаптация и митигация),

стратегическая стабильность (укрепление мира и безопасности, территориальная целостность, взаимовыгодное международное сотрудничество), экономическая безопасность (устойчивое развитие российской экономики) [11].

На основе вышеуказанных приоритетов необходимо рассмотреть стратегию Японии с целью нахождения совпадений и различий. Стратегия национальной безопасности Японии была принята в 2022 году в условиях сложной международной обстановки. Это оказало влияние на содержание Стратегии, так как достаточно большое внимание в ней уделено украинскому кризису, китайской и северокорейской «угрозам». Однако сравнение по основным приоритетам представляется возможным. В сфере социальной политики Япония сталкивается с традиционной проблемой старения населения. Стратегической стабильности посвящена большая часть Стратегии, интересы страны в рамках данного направления в целом похожи на российские с поправкой на внешнеполитическую ориентацию Японии на партнеров – страны коллективного Запада. Экономическое и технологическое развитие также является крайне важным аспектом политики для страны, исходя из данной Стратегии.

Необходимо отметить присутствие ЦУР в японской стратегии и полное отсутствие данной концепции в российской. Сам термин «устойчивое развитие» упоминается в Стратегии РФ, однако «Цели устойчивого развития» не имеют места в документе. Несмотря на то что общие направления так или иначе есть в стратегическом документе России, достижение ЦУР не является стратегическим приоритетом страны. К тому же Российская Федерация не принимала участия в разработке Целей, в рабочей группе были Япония, Китай, большинство стран Запада, Азии, Африки и Латинской Америки. Еще один пример двойственного отношения к России по «зеленому» вопросу – ситуация, возникшая в 2001 году в Марракеше на переговорах по Киотскому протоколу. Пороговые показатели поглощающей способности лесов России были предложены на таком же уровне, как у Японии, но площадь лесного

покрытия РФ почти в 25 раз больше, чем у Страны восходящего солнца [14].
Российскую делегацию убеждали в необходимости согласиться с данными пороговыми значениями, что не соответствует интересам России.

При этом, несмотря на незаинтересованность России в ЦУР, в рамках взаимоотношений с Японией их можно использовать в качестве предлога для взаимовыгодного сотрудничества. Рассмотреть возможные сценарии такого взаимодействия возможно при использовании SWOT-анализа (табл.1).

Таблица 1. SWOT-анализ перспектив сотрудничества России с Японией по теме устойчивого развития и экологии

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • высокий уровень технологического развития; • передовые экологические технологии; • наличие схожих национальных интересов; • территориальная близость; • наличие множества международных проектов по экологии и другим аспектам устойчивого развития. 	<ul style="list-style-type: none"> • недостаток ресурсов у Японии; • «менторское» отношение Японии к развивающимся странам, с которыми она взаимодействует по экологическим инициативам; • сильная зависимость от США, финансовая и стратегическая; • нерешенные территориальные споры Японии и России, а также Японии и Китая (одного из важнейших партнеров РФ).
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • экономическое сотрудничество, основанное на ресурсной торговле и обмене экологическими технологиями; • формирование новой страны – партнера РФ в АТР; • разрешение проблемы четырех оспариваемых Японией островов посредством экономического и экологического сотрудничества (в том числе на территории островов); • вытеснение США из АТР на основе японо-российского сотрудничества; • участие РФ в международных экологических инициативах, расши- 	<ul style="list-style-type: none"> • ухудшение отношений с Китаем из-за неразрешенных территориальных споров КНР с Японией; • появление зависимости от технологий Японии; • чрезмерное и несправедливое пользование Японией ресурсами РФ; • закрепление международных экологических рамок, что замедляет экономическое развитие.

<p>рение влияния России в мире на основе зеленой повестки</p>	
---	--

Исходя из проведенного анализа, следует выделить три сценария развития сотрудничества России и Японии по вопросу устойчивого развития: негативный, нейтральный и позитивный.

Негативный сценарий. Сотрудничество России и Японии проходит в неравноправном формате. Российские экологические технологии не развиваются, им на замену приходят японские. Япония получает доступ к значительной доле мировых запасов энергоресурсов и усиливает собственное влияние в регионе, РФ при этом рассматривает как одного из множества партнеров. Отношения РФ и Китая значительно ухудшаются. Развитие производства России замедляется из-за применения несправедливых международных климатических стандартов. США сохраняет влияние в АТР. Территориальный спор не получает решения.

Нейтральный сценарий. Российско-японские отношения остаются на среднем уровне, при этом экономическое сотрудничество развивается медленно. Технологии Японии приходят в РФ, однако ответные поставки ресурсов превалируют над получаемыми ноу-хау. США сохраняют влияние в АТР, но японо-американские отношения незначительно ухудшаются из-за взаимодействия Токио и Москвы. Также немного портятся отношения между Россией и Китаем. Территориальный спор не получает решения, тем не менее возможно отложить решение вопроса и развивать экономическое взаимодействие на островах. РФ присоединяется к некоторым международным инициативам, однако с оговорками по вопросу пороговых значений.

Позитивный сценарий. Сотрудничество между двумя странами становится активным. Экономическое взаимодействие позволяет Японии

преодолеть стагнацию, Россия получает торгового партнера, постоянно нуждающегося в ресурсах и имеющего значительные финансовые средства. Партнерство равноправное, обмен ресурсы – технологии равноценен. Благодаря технологиям Японии российские технологии развиваются более активно, но не происходит замещения. Наблюдается вытеснение США из АТР, Япония становится вторым крупным союзником России в регионе. Территориальный вопрос разрешается в соответствии с российской позицией, возможно создание экономической зоны на островах при партнерстве с Японией. Россия может выступить медиатором в разрешении споров Китая и Японии, что укрепит позиции РФ в АТР. Также Россия может стать новым лидером по устойчивому развитию и экологии при сотрудничестве с Японией. Участие РФ в международных проектах становится более инициативным, вследствие чего зеленая повестка приобретает более качественный формат.

Подводя итог, стоит отметить, что для Российской Федерации сотрудничество с Японией в вопросе устойчивого развития несет положительные перспективы при учете определенных угроз. Так как международная обстановка на данный момент не располагает к взаимодействию Москвы и Токио по остальным политическим аспектам, устойчивое развитие, особенно экологическая часть концепции, может стать основой для возобновления двусторонних отношений, расширения влияния России в АТР, что соответствует тенденции «поворота на Восток», а также усиления экономического положения. С учетом увеличивающегося влияния зеленой повестки на политику Японии использование концепции УР в рамках двусторонних отношений является взвешенным и грамотным внешнеполитическим решением.

Список источников и литературы

1. Базовый план Японии по науке, технологиям и инновациям. - 2021. - URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/sti_basic_plan.pdf#page133 (дата обращения: 25.02.2022)

2. Базовая политика Японии по экономике, фискальному менеджменту и реформам. - 2021. - URL: https://www5.cao.go.jp/keizai-shimon/kaigi/cabinet/2021/2021_basicpolicies_en.pdf#page133 (дата обращения: 25.02.2022)
3. Боги, святилища, обряды Японии: Энциклопедия синто / Под ред. И.С. Смирнова; отв. ред. А.Н. Мещеряков. // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*; вып. 26. - М.: РГГУ, 2010. 310 с.
4. Голубая книга японской дипломатии (Diplomatic Bluebook of Japan) // 1972. - URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1972/1972-contents.htm> (дата обращения: 20.02.2022)
5. Голубая книга японской дипломатии (Diplomatic Bluebook of Japan) // 1992. - URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1992/1992-contents.htm> (дата обращения: 21.02.2022)
6. Голубая книга японской дипломатии (Diplomatic Bluebook of Japan) // 1998. - URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1998/index.html> (дата обращения: 22.02.2022)
7. Голубая книга японской дипломатии (Diplomatic Bluebook of Japan) // 2015. - URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page24e_000100.html (дата обращения: 24.02.2022)
8. Голубая книга японской дипломатии (Diplomatic Bluebook of Japan) // 2022. - URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2022/pdf/en_index.html (дата обращения: 24.02.2022)
9. *Мазуров Ю.Л., Банчева А.И.* Высшее экологическое образование в Японии: социальная миссия и национальные особенности // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30. No 5. С. 138-149.
10. Список JCM проектов финансирования (опубликован Министерством окружающей среды Японии). - 2023. - URL: https://ges.jp/jcm/en/wp-content/uploads/2023/02/20230210_list_en.pdf (дата обращения: 28.02.2022)

11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: [утверждена указом президента Российской Федерации от 2 июля 2021г. №400]. - Доступ из справ. системы «КонсультантПлюс», 2021. - 32 с.

12. Стратегия национальной безопасности Японии. - 2013. - URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 19.02.2022)

13. Стратегия национальной безопасности Японии. - 2022. - URL: https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/pdf/security_strategy_en.pdf#page133 (дата обращения: 20.02.2022)

14. *Шаманов, О.А.* «Киото-2»: «хромая утка» западноевропейской климатической дипломатии / О.А.Шаманов // Журнал «Международная жизнь». - 2020. - № 11. - С. 18-25.

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательна разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении

библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации осуществляет набор в аспирантуру по следующим научным специальностям:

5.1.5. Международно-правовые науки

5.2.5. Мировая экономика

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Прием документов: I поток – с 22 по 30 мая 2023 г.

Проведение экзаменов: с 02 по 13 июня 2023 г.

Прием документов: II поток – с 07 августа по 01 сентября 2023 г.

Проведение экзаменов: с 06 по 15 сентября 2023 г.

СПОСОБЫ ПОДАЧИ ДОКУМЕНТОВ

1. Дистанционно – через личный кабинет абитуриента, ссылка на который расположена в разделе «Поступление - Аспирантура» официального сайта Академии;

2. Лично, по предварительной записи по тел. 8 499 940-10-05

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation is recruiting for postgraduate studies in the following scientific specialties:

5.1.5. International Legal Sciences

5.2.5. World Economy

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global
and regional studies

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Acceptance of documents: I stream – from May 22 to May 30, 2023

Exams: from 02 to 13 June 2023

Acceptance of documents: II stream – from August 07 to September 01, 2023

Exams: from 06 to 15 September 2023

WAYS TO SUBMIT DOCUMENTS

1. Remotely – through the applicant's personal account, the link to which is located in the section "Admission - Postgraduate Studies" of the official website of the Academy;

2. In person, by appointment by phone. 8 499 940-10-05

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2023. № 1 (23)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес редакции журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска журнала: Козюлин В.Б. (к.п.н.),
Сидорова Л.Н. (к.п.н.),

Редакционная коллегия выпуска журнала: Шангараев Р.Н. (д.п.н., к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Сидорова Л.Н. (к.п.н.),
Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина
А.А. (к.п.н.), Мартынова Д.О. (к.п.н.), Исхаков А.С.

Выпускающий и ответственный редактор выпуска журнала:
Сидорова Л.Н. (к.п.н.)

Верстка: Л.Н. Сидорова

Оформление: Р.Н. Шангараев

Опубликовано: 10.07.2023